

Иэн Уотсон

БЛУДНИЦЫ ВАВИЛОНА

«Нестареющая классика нонконформистской фантастики!»

Locus

АЛЬТЕРНАТИВА ФАНТАСТИКА

Блудницы Вавилона (Whores of Babylon)

Иэн Уотсон

Аннотация
Иэн Уотсон. Блудницы Вавилона. (Whores of Babylon)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Послесловие

Аннотация

Великий Вавилон, расположенный в аризонской пустыне… Туристки, подрабатывающие храмовыми блудницами, и мелкие аферисты, разыгрывающие “боголюдей”. Законы Хаммурапи, приспособленные под реальность близкого будущего, и видеозаписи храмовых жертвоприношений… Безумный полет воображения, сметающий границы времени, пространства и логики!

Иэн Уотсон
Блудницы Вавилона
(Whores of Babylon)

Глава 1

в которой Алекс прибывает в Вавилон и подбирает за ослом

В тринадцать лет Алекс вместе с другими ребятами своего возраста частенько дрался на ножах. На протяжении нескольких месяцев каждое воскресное утро они практиковались в схватке один на один, два на два и один против двоих. Алекс ненавидел воскресенья. Лезвия у ножей были резиновые, но синяки от них оставались настоящие.

Не будь они резиновые, он бы, наверное, так и не научился бить противника в шею или живот. В настоящей драке такого рода деликатность может стоить жизни.

Поначалу занятия рукопашным боем представлялись Алексу полной бессмыслицей — оружия в их арсенале было предостаточно: винтовки «М-16», пистолеты, гранаты, автоматы и пулеметы, минометы и даже ракетные установки. Но Митч, их наставник, глядел далеко вперед. Боеприпасы рано или поздно кончатся, а острый нож всегда с тобой.

Еще Алекс учился метать ножи. Не резиновые — стальные. Втыкаясь в деревянную мишень, напоминающую фигуру человека, они вибрировали. Митч соорудил приспособление, чтобы фигура не стояла на месте, а двигалась по прямой, однако Алекс относился к упражнению скептически. Враги врядли придут, выстроившись в шеренгу.

К тому же, промахнувшись, ты остаешься безоружным, а противник получает подарок.

Он ненавидел занятия с ножом.

По пятницам Митч занимался с мальчишками географией. Больше всего ему нравилась карта Америки с обозначенными на ней потенциальными районами ядерного нападения. Основные объекты помечались заштрихованными черным кружками. Кружки без штриховки указывали на второстепенные цели. В некоторых местах заштрихованные кружки группировались так тесно, что сливались в сплошное черное пятно, и казалось, что на карту пролили чернила.

Орегон, где жил Алекс, был почти чистым. Портленд и еше один береговой объект относились к целям второстепенной важности, так что в случае наступления ядерного Судного дня штат отделался бы относительно легко, по сравнению,

например, с Северной Калифорнией, где затаились другие колонии сервивалистов[1].

И даже если Судный день нагрянет не как Большой Взрыв, а наступит в результате полного коллапса мировых экономических и политических систем, большинство жителей Орегона сведут концы с концами, тогда как в других штатах люди будут голодать, бунтовать, мародерствовать и замерзать.

Алекса воспитали в вере в Выживание и его близнеца — Коллапс.

Несколько лет спустя Алекс отказался от варианта выживания, практикуемого в… скажем так, где-то в районе Каскадных гор. Указать точнее он не пожелал. Этому их научили на раннем этапе подготовки: не приводи чужака к своей базе.

Итак, в последние дни цивилизации, по крайней мере того, что мы подпей понимаем, Алекс попытался дистанцироваться от Орегона.

Что за последние дни?

Год 2000-й пришел так же, как и все другие. Иисус не появился в небе, дабы вознести истин-

---

[1] Примечания: 1

Сервивалисты — люди, живущие отдельно от общества, которое, по их мнению, погибнет из-за войны, роста преступности, загрязнения окружающей среды и т. д. В США это чаще всего белые, придерживающиеся правых политических взглядов.

но верующих в царство вечного блаженства. И ангелы не сошли на землю. И даже ракеты на нее не упали. Но если Америка и Россия и пожали наконец руки друг другу, многие другие страны обзавелись ядерным оружием, и некоторые из них уже ненавидели Америку, а иные были готовы возненавидеть ее с приходом новых режимов, и в 2001-м, задавая тон новому тысячелетию, рухнули Башни-Близнецы.

Алекс не верил в конец света, однако представить его мог. Такие же, с вариациями, чувства испытывали, должно быть, миллионы людей. Верящие в Вознесение. Уверовавшие в выживание где-нибудь в Каскадных горах. Стратеги и политики. Антиглобалисты. Простые граждане, которым осточертела цивилизация. Да многие. А иначе разве возник бы град Вавилон?

Алекс Уинтер, молодой человек с непослушными волнистыми волосами, всегда выглядел так, словно его только что обработали пескоструйным аппаратом. Кожа напоминала камень какой-нибудь древней статуи, очищенной от многовекового слоя осевших на нее частичек. Нет, она не казалась больной — просто Алекс походил па человека, выбравшегося из пыльной бури. В колледже он пытался натираться увлаж-

няющим кремом, но через пару лет отказался от этого приема, решив, что его организм просто избавляется от старых клеток и выращивает новые быстрее, чем у большинства людей.

Лицо у него было волевое, с прямым римским носом и жестким, выдающимся подбородком. Глаза — линяло-голубые. Волосы — каштановые с рыжеватым оттенком, как будто время от времени корни получали инъекцию более насыщенного пигмента. Когда Алекс сидел, то сидел почти неподвижно и выглядел при этом решительным и целеустремленным. Когда двигался, движения получались резкие и порывистые, хотя и не обязательно эффективные. Со временем Алекс надеялся достичь компромисса между двумя этими состояниями.

Будучи студентом отделения социологии Орегонского университета в Юджине, он часто размышлял над тем, как странно, если брать психологический аспект, проявляется порой протест против дома и родителей. Алекс искренне верил, что его учеба в Юджине есть не что иное, как протест против метания кожей и всего такого. Он объективно, сточки зрения формирования ценностной ориентации, групповой динамики и идеологии, изучит феномен собственного

воспитания. Выявит скрытые пружины, приводящие в действие механизм горной коммуны сервивалистов. И потом, совершив все это и став полноценным, свободным от страха и избавившимся от гнета фатума человеком, он унаследует весь внешний мир.

Однако в данный момент Алекс Уинтер готовился стать членом сообщества куда более странного и экзотического, чем любая сервивалистская деревня, сообщества, созданного с целью уяснить, возможно ли выживание как таковое вообще: выживание любой цивилизации.

Из нового миллениума Алекс Уинтер бежал в далекое прошлое. Бежал, прокрутив календарь назад, к году 323-му до н. э.

Он приближался к воротам Вавилона. И оттуда до нулевой точки было, конечно, куда ближе, чем из любого места Орегона. На любимой карте Митча юго-восточная Аризона представляла собой большое черное пятно.

Ну и пусть — Алексу не было до этого никакого дела. В его воображении место назначения укрывал огромный магический купол. Может быть, он наконец-то вырвался за рамки своего воспитания?

Если только на некоем более фундаментальном

уровне не уступил ему окончательно.

Что ж, думал он, поживем — увидим.

Кстати, данный отчет составляет сам Алекс. И пишет его на греческом, на покрытых воском деревянных дощечках.

Они пересекли аризонскую пустыню, выплывая из тумана, в котором пребывали последние дни. В головах вертелись, кружились и сталкивались фразы и слова общего для всех универсального языка — греческого.

В ховеркрафте было сорок пассажиров, и после курса ускоренного обучения мозг каждого напоминал котел с кипящим, булькающим, пенящимся варевом. На протяжении последней недели их пичкали какими-то препаратами, погружали в гипноз и подключали к компьютерам. Покоя не давали даже во сне: записанные на высокой скорости голоса пищали, как свистящие дельфины.

Пассажирам сказали, что к тому времени, когда они прибудут в Вавилон, в головах у них прояснится. Внедренные знания осядут толстым слоем на дно мозга, и повседневное сознание станет кристально чистым и совершенно аттическим.

За окном, возвышаясь над чахлой растительностью, промелькнула пара кактусов сагуаро.

Мертвенного вида окотильо и кустики с чахлыми, ломкими веточками напоминали кораллы на дне моря, высохшего так давно, что почти все, обитавшее в нем когда-то, обратилось в пыль. По крайней мере так казалось после буйной растительности Орегона. Впереди — ни кусточка, ни травинки. Голый, изрытый оспинами, под стать лунному пустынный пейзаж выглядел несколько искусственным, как будто его намеренно выскоблили, дабы создать полосу ничейной земли между родной растительностью Америки и пришлой Вавилона. Алекс вспомнил, что именно здесь находится старый артиллерийский полигон Люк-Уильямс, а всю здешнюю растительную жизнь давным-давно извели ракеты и снаряды.

По соседству с полигоном располагался еще один необитаемый сегмент штата, индейская резервация папаго. На севере резервации когда-то пытались развивать пастбищное скотоводство. После того как усилия не дали результата, саманные деревушки Хикиван и Вайя-Чин постепенно обезлюдели. Эту информацию Алекс получил во время инструктажа, еще до того, как преподаватели греческого взялись за них по-настоящему. Информация осталась, только пользы от нее было мало.

Вдалеке виднелись зубчатые вершины совсем не вавилонских гор. Если бы в Ахо, на юго-востоке, еще пыхтели медеплавильные печи, Алекс вообще бы ничего не увидел из-за застилающего небо сернистого дыма.

Карьеры Ахо, разрабатывавшиеся некогда «Фелпс Додж корпорейшн»; артиллерийский полигон ВВС США; резервация индейцев папаго — все это здесь мало что значило, потому что было частью Америки, а не Вавилонии, а Америка осталась у путешественников за спиной.

Ховеркрафт несся над бетонной лентой шоссе, которое вело раньше к строительной площадке. Теперь пользоваться им не позволялось ни автомобилям, ни автобусам. Шоссе было закрыто. Судно на воздушной подушке летело в нескольких дюймах над дорогой. Поддерживали его мощные потоки воздуха, и ветер, вырывавшийся из хвостовых вентиляторов, сметал с бетона песок. Поверхности путешественники не касались. Они были изолированы от всего, в том числе и от Америки. Бормочущие в голове у каждого голоса дезориентировали их, хотя, как и было обещано, мало-помалу голоса эти стихали, опускаясь за горизонт сознания. — Алекс…

Дебора сказала что-то на греческом, точнее,

на древнегреческом, словарный запас которого лингвисты обильно сдобрили беззастенчивыми заимствованиями из современного греческого.

Он рассеянно кивнул. Слова сейчас не имеют никакого значения. Стадия перехода еще не закончилась.

Конечно, Алекс хотел бы, чтобы их отношения с Деборой получили развитие. При первом знакомстве между ними пробежала искра, пролегла некая связь, перекинулся хлипкий мостик. Он увидел искру, почувствовал связь, потрогал мостик, а потом наступила очередь медикаментов и гипноза, и оба ушли в них с головой. Но что было, то было, и в этом Алекс не сомневался. Может быть, они еще станут друзьями и любовниками. Он чувствовал, что и Дебора хочет того же. Сейчас они сидели рядом, почти касаясь друг друга. Алекс не шевелился. Какие бы чувства они ни питали друг к другу, чувства эти меркли перед тем, что ожидало впереди. Они уже не могли строить отношения на прежней основе — только на новой.

Уж не последний ли промелькнул сагуаро? Кактус стоял в стороне от дороги, накренясь, с обнаженными белыми ребрами, подрубленный то ли молнией, то ли артиллерийской гильзой.

Спугнутый шумом ховеркрафта, из норки выскочил кролик. Сбивая с толку врага, зверек прыгал то вправо, то влево, и бока его мелькали то белым, то желто-коричневым. Впрочем, враг не проявил к нему интереса. Внезапно кролик остановился и повернулся на север, охлаждая разгоряченные пробежкой огромные уши.

* * *

Дебора Тейт: среднего роста и определенно изящная, хотя и не в обычном смысле. У нее очень покатые плечи. Именно эта физическая характеристика прежде всего поразила Алекса: странный, почти инопланетный скат плеч, плавно переходящих в длинную, словно копирующую очертания вазы шею. Дебора походила на какую-нибудь африканку с вытянутой медными кольцами шеей и придавленными их же тяжестью плечами. Неестественно удлиненные позвонки не позволяют таким красавицам держать голову без помощи прочных металлических обручей. У Деборы, однако, это получалось — ее белоснежная плоть воспаряла без посторонней помощи. В некотором смысле она казалась почти неземным существом, пришелицей из иной звездной системы, а ее шея и плечи — образцом

скульптурного искусства. Поскольку ни у кого больше она такого восторга не вызывала, Алекс заключил, что шея и плечи Деборы соответствуют идеальному образу в нем самом: геометрии некоего личного эмоционального уравнения.

Глаза у нее были темные, мерцающие; волосы — иссиня-черные, густые, подстриженные коротко и облегающие голову наподобие шлема с соблазнительно ласкающим шею длинным черным язычком. Под свободной белой блузой-пончо на ней была длинная белая холщовая рубаха, из-под которой высовывались носки кожаных сандалий и кончики пальцев. Руки оставались обнаженными, на запястьях позвякивали медные браслеты.

В греческом костюме Дебора выглядела скромной и непорочной. Она, однако, уже намекнула, что в Вавилоне отправится к храму любви, где и будет сидеть, ожидая, когда какой-нибудь прохожий бросит ей монетку. И кто бы он ни был, старик или юнец, красавчик или страхолюдина, толстый или худой, чистый или запаршивевший, ей придется пойти с ним и разделить ложе. Такое правило распространялось на всех женщин в Вавилоне в возрасте до тридцати лет — каждая должна провести у храма некоторое время. Для

уродливых обычай нередко превращался в обременительное испытание — некоторые проводили в напрасном ожидании недели. Поговаривали, что в таких случаях один из служителей храма подкупал какого-нибудь нищего, чтобы тот бросил наконец денежку.

Дебору перспектива службы у храма любви отнюдь не пугала. Скорее наоборот.

Или, может быть, она специально завела разговор на эту тему в надежде, что прохожим окажется он? Возможно, желая испытать всю гамму острых чувств, от трепетного ожидания до сладостного восторга, она рассчитывала все же избежать реальности знакомства с абсолютным чужаком?

Алекс уже знал, что не он бросит ей на колени заветную монету с изображением царя Александра. Поступить так было бы предательством по отношению к Вавилону. Он надеялся, что Дебора поймет это.

Позднее — при условии, что они оба станут гражданами Вавилона — он, может быть, поборется за Дебору у аукционного помоста на брачном рынке города. (Такой обычай распространялся на бесприданниц.) Может быть.

Алекс нисколько не сомневался, что получит

вавилонское гражданство уже в конце первого испытательного месяца. Он войдет в Вавилонскую башню, чтобы усвоить местный язык, в сонном полутрансе провалявшись неделю под гипнозом в каком-нибудь каменном мешке. А выйдя оттуда, отпустит волосы, наденет тюрбан, натрется благовониями и возьмет в руки элегантный посох.

Он не хотел становиться обычным грекоговоряшим туристом, покидающим город после месячного визита с тем, чтобы поделиться своими впечатлениями, восторженными или отвратительными, с университетскими инструкторами. Вавилону нужны десятки тысяч граждан. Строительство закончилось всего лишь пять лет назад. Алекс станет вавилонянином, он найдет свое место.

— В ушах звон непрерывный. — Дебора произнесла это на греческом.

Алекс дотронулся до ее запястья и тут же убрал руку.

— Звон пройдет. Пройдет.

Что не так? Может быть, он неверно ее понял? Может быть, она хотела разделить с ним свои чувства?

Так, не так. Верно, не верно. В таком путеше-

ствии, где разделить правильное и неправильное невозможно, лучше всего помолчать. Что и делали другие пассажиры. Погрузившись в себя, они словно собирались с силами перед тем, как взвалить на плечи громадный камень, принять тяжесть целого нового мира. Обычной пустой болтовни почти не было; только затихающий шум в головах.

Дебора снова проговорила по-гречески:

Немеет тотчас язык, под кожей

Быстрый легкий жар пробегает, смотрят,

Ничего не видя, глаза, в ушах же —

Звон непрерывный...[2]

Алекс подумал было, что Дебора, настроенная на одну с ним волну, откликается на его собственные мысли. Но нет, она определенно цитировала кого-то. Да, так и есть. Любовная лирика Сафо. В Вавилоне эта жившая в седьмом веке поэтесса вовсе не казалась анахронизмом.

Гул в голове почти сошел на нет; тогда какой же звон она имеет в виду? Имеет ли он отношение к нему, Алексу? Или к Вавилону? Или к храму

---

[2] Примечания: 2
Перевод В. Вересаева.

Иштар, этому священному борделю?

Дебора приехала из Нью-Йорка, для Алекса чуть ли не из другого мира. Возможно, нью-йоркская жизнь давала ей некое преимущество в смысле понимания Вавилона? Там она работала компьютерным техником и мечтала стать актрисой, но мечта умерла, сменившись желанием прожить наконец роль по-настоящему.

Больше о ее прошлом Алекс ничего не знал; впрочем, и о себе он рассказал совсем немного. Прибыв десять дней назад в гиперсовременный городок Эвристика, к югу от Каса-Гранде на автостраде № 8, все участники проекта расстались с прошлым. Их цель: встретиться с временем, которое можно было бы назвать будущим в прошедшем, в минувшем, правда, не в их персональном прошлом.

Они прилетели в аэропорт Скай-Харбор в Финиксе, откуда их и еще тридцать с небольшим человек доставили на автобусе в Институт будущего, находящийся в затерянном в пустыне городке Эвристика. В автобусе они — не совсем случайно — сели вместе и только там вскользь упомянули о своей прежней жизни.

Эвристика. Название, звучащее не слишком претенциозно в ряду расположенных непода-

леку городишек. Таких, например, как Ацтек. Или Мекка. Или Багдад. Саломея. Конечно, «эвристика» — это искусство задавать вопросы, и само слово, как знал теперь Алекс, пришло из древнегреческого.

Будучи гиперсовременным, городок Эвристика был и практически невидимым — как невидимо и само будущее. Находился он преимущественно под землей, а его окна встраивались в потолок. Такой энергосберегающий дизайн должен был скрыть истинные размеры института, которые могли существенно отличаться от действительного стеклянного оазиса, крохотных мерцающих лужиц, видимых с борта пролетающего самолета, — шахматная доска миражей или зеркал. Скорее зеркал. Институт будущего и впрямь представлял собой фасеточное зеркало, отражающее прошлое в будущее. И какие же лица своих выпускников он являл? Алекс пока не знал. А когда узнает, сможет ли узнать себя в новом обличье? Или Дебору?

— Посмотри, — сказала она на греческом.

В Вавилоне все говорили по-гречески. Путешественники пользовались им как мировым языком. Греческий был английским того времени. Времени Александра Великого, правление

которого подходило к концу. Тезка Алекса умирал сейчас от лихорадки во дворце Навуходоносора.

— Посмотри, Алекс!

Пустыня впереди расцвела пышной зеленью. Тут и там поблескивали каналы, через которые вода подавалась на орошаемые поля.

Хотя Вавилония и не вторгалась на территорию индейской резервации папаго, она подступала к ней очень близко и прежде всего для того, чтобы как можно дальше отодвинуться от цивилизации: урчащего и пердящего коммерческого брюха Аризоны. Если бы индейцы папаго, эти плетельщики ярких корзинок, не укрылись в глубине родных земель, кое-как перебиваясь на пособиях и за счет скудных стад, бродящих на редких островках пастбищ, они вполне могли бы ухаживать за зелеными насаждениями Вавилонии, ломая головы над тем, сколько же деньжищ ушло на прокладку подземного водоканала от противопаводкового резервуара на реке Хила. Но от Вавилонии до ближайшей индейской деревушки — пятьдесят миль пешком. Индейцы держали свои пустоши в неприкосновенности, и граница между Вавилонией и Папагерией оставалась священной и нерушимой, закрытой для всех, кроме американских грифов.

На самом деле, говорил себе Алекс, Вавилон для местных индейцев не значит ровным счетом ничего. Не будь Вавилона, никто бы и не подумал тянуть водопроводную трубу из реки в резервацию. Так что ни о какой несправедливости речь не идет.

Тогда откуда взялись такие мысли? Уж не страдает ли он, профессиональный сервивалист, угрызениями совести?

Если так, то он просто глупец. Не готовый принять испытание Вавилоном.

В любом случае индейцев папаго осталось всего-то тысячи четыре или пять. А вавилонян раз в тридцать или сорок больше. И скорее всего самые предприимчивые из папаго уже плетут корзины или пасут скот в Вавилонии.

Наконец-то! Вдалеке показались городские стены и за ними Вавилонская башня.

Вот теперь он сжал запястье Деборы. А когда отпустил, она потрясла рукой так, словно на нее села муха. Медные браслеты зазвенели.

Подступающие к самой стене поля состояли из крошечных лоскутков, засеянных луком, репой и капустой. Поля разделялись канавами, проложенными в тени финиковых пальм. Большие, зрелые пальмы — а их здесь были тысячи — пе-

ресаживались явно уже взрослыми. На полях неспешно трудились десятки мужчин и женщин; некоторые качали воду ручными насосами, большинство же носили ее вручную из канав. На женщинах свободные хлопчатобумажные платья, перехваченные поясками. На мужчинах не было ничего, кроме набедренных повязок.

Неподалеку протекал Евфрат, неся на своих водах и лодчонки-кораклы с одним-единственным привязанным к борту ишаком, и большие ладьи, вмещавшие не только трех-четырех ослов, но еще и пассажиров и груз, чаще всего бочки с вином или коз. Учет грузопотока вели стражники с вершины огромной кирпичной цитадели. Управлять рыбачьей лодкой дело далеко не самое простое. Даже при наличии носового и кормового весел и центральной мачты с парусом эти круглые суденышки имеют привычку вертеться на течении, как детские машинки в парке развлечений.

Тем не менее именно таким вот головокружительным водным путем грузы поступали в город из Верхней Вавилонии. По прибытии кожаные обшивки сдирались с деревянных каркасов и погружались на ослов для отправки обратно на север. Соломенная набивка служила кормом для животных во время этого путешествия, деревяш-

ки же продавались для растопки очагов.

Все делалось с толком.

Евфрат тоже возвращайся. Выйдя за пределы видимости и южные границы Вавилонии, вода фильтровалась, очищалась и откачивалась насосами к истоку, находящемуся примерно в двадцати милях севернее Вавилона. Оттуда, восполнив естественную убыль из водохранилища, Евфрат снова начинал свой путь по зеленеющей равнине Вавилонии.

Алекса уже предупредили, что гости города не должны упоминать ни о механизме такого круговорота, ни об укрытой глубоко под землей атомной электростанции, построенной с таким расчетом, чтобы обеспечивать бесперебойную работу насосов в течение по меньшей мере ближайших шестисот лет. Граждане Вавилона игнорировали происхождение Евфрата: они просто ничего не помнили. В соответствии с законами Хаммурапи, наказанием за упоминание запретной темы служила отдача в рабство в храм на основании статьи о богохульстве. Бывало и хуже: посещавшим город грекам говорили, что нарушителя запрета могли предать казни.

Так что, по общему разумению, широкие воды Евфрата текли из далекой Армении и впадали в

далекое море.

«Уж не рехнулся ли я? — подумал в какой-то момент Алекс. — Уж не подвинулись ли рассудком мы все, приехавшие сюда?»

Нет! Притворство в отношении реки было всего лишь логическим безрассудством, имевшим целью бросить вызов куда более масштабным помешательствам: времени упадка, разложения, умирания цивилизации. Оно было всего одним звеном в длинной цепи обмана, обмана столь грандиозного, что он уже заменил реальность.

Довольно о фальшивом Евфрате. Евфрат есть только настоящий.

Безумен ли он, Алекс? Или попадет в число безумцев, только если станет вавилонянином?

Нет. Сумасшедшим он был раньше. Сумасшедшим был весь прочий мир. Мир, столько лет живший в ожидании конца.

Теперь он обретет разум.

Ховеркрафт прибыл наконец к месту назначения. Бетонная автострада закончилась, сменившись обычной грунтовкой.

Судно на воздушной подушке мягко приземлилось у внешней стены, в тени грозной цитадели. Двигатели стихли. Пыль покружила и осела. Пассажиры вышли.

Дорога уходила дальше, образуя нечто вроде туннеля между стеной и цитаделью. В конце ее виднелась более массивная, чем внешняя, внутренняя стена с громадными вратами Иштар. Не успели гости сделать и нескольких шагов, как путь им преградили высыпавшие из караульного помещения солдаты с копьями. Судя по одежде, длинным рубахам и бородам, это были не македоняне, а местные.

— В чем дело?

— Ничего особенного, просто капралу нужно нас пересчитать.

Но это было еще не все. Капрал уже закончил несложный подсчет и нетерпеливо посматривал в сторону ворот, а его люди все не уходили. Наконец в конце дороги появилась группа греков, не больше полдюжины человек. Они явно спешили, подгоняемые парой копейщиков. Протрусив мимо новоприбывших, греки повернули к ховеркрафту. Солдаты вернулись в караулку, не проявив к машине двадцать первого века ни малейшего интереса, как будто ее вовсе и не существовало. Ховеркрафт ожил и оторвался от земли, вздымая облака пыли.

Гости прибыли чистенькие и аккуратные, но теперь, после того как машина развернулась и

умчалась, выглядели так, как и должны выглядеть настоящие путешественники, прошедшие пешком весь путь через Малую. Азию, Киликию, Каппадокию и Месопотамию.

— Черт! — громко сказал кто-то по-английски, и тут же копье солдата дернулось вверх, словно протыкая слово налету. Английский был здесь мертвым языком, он еще не родился.

Капрал вышел вперед.

— Войдите в Вавилон, врата Бога, — провозгласил он по-гречески.

У врат Иштар гости снова остановились, но не из-за солдат, а чтобы полюбоваться грандиозным сооружением.

Массивная внутренняя стена неприступным препятствием вздымалась над усеянным пережженной глиной крутым откосом и глубоким рвом. Переброшенный через ров дощатый мост вел прямиком к воротам с покрытыми эмалью и ярко раскрашенными башенками. Верхний и нижний фризы украшали розетки в виде колес боевой колесницы. Между ними, на ярко-бирюзовом фоне, высились друг над другом выложенные из глазурованного кирпича звери: белые и синие быки с желтыми рогами и копытами и драконы.

Тела драконов покрывала чешуя, задние лапы

были позаимствованы у хищных птиц, передние напоминали кошачьи. Хвосты чудищ заканчивались иглами, как у скорпионов, головы венчали рожки аравийской гадюки. Гривы, чешуйчатые когти и раздвоенные языки были выкрашены в золотисто-коричневый цвет, все остальное в кремово-белый. Вид драконы имели заносчивый и самоуверенный, но при этом почему-то казались несколько глуповатыми.

Мысль работала четко и ясно. Алекс чувствовал, что должен сотворить благодарственное жертвоприношение какому-нибудь давно забытому и воскресшему богу. Может быть, Шамашу, посылающему на землю солнечные лучи. Это было бы данью вежливости и учтивости.

— Возрадуйся, — сказала Дебора. — Мы пришли.

Почти как Фидипид, примчавшийся в Афины из Марафона с известием о победе греков над персами. Всего-то сто шестьдесят с небольшим лет назад. Столько слоев истории, взлетов и падений…

Столько слоев. Вавилон Великолепный, Вавилон Хаммурапи, составителя законов и строителя каналов, пал перед драчливыми, жадными, невоспитанными и злобными касситами, ко-

торые довели город до состояния полного запустения. Через некоторое время первый Вавилон был полностью разрушен ассирийским царем Синахерибом. Его воины перебили всех жителей города, мужчин, женщин и детей, снесли постройки и даже повернули часть воды из Евфрата, чтобы затопить руины.

Не прошло и ста лет, как халдеи — разбившие ассирийцев с помощью персов — восстановили Вавилон в качестве собственной столицы. В период правления Навуходоносора город уже превзошел в великолепии себя самого.

Любопытно, что халдеи не желали жить настоящим. По крайней мере их интеллигенции — священникам и писцам — это определенно не удавалось. Окруженные роскошными новыми дворцами и храмами, строя астрономические обсерватории для изучения планет и звезд, они ностальгически копались в древних руинах, отыскивая глиняные дощечки. Руководствуясь обнаруженными текстами, халдеи начали с любовью копировать прошлое — в одежде, речи и обычаях. (Возможно, именно поэтому, если верить некоторым греческим авторам, царь Навуходоносор даже пытался собрать и уничтожить все старинные записи!)

Вскоре, однако, халдейскую империю атаковали и разгромили бывшие союзники, персы, а Вавилон медленно двинулся к упадку. И если Дарий Великий украшал город, то его преемник Ксеркс обложил жителей тяжкими налогами, заставив их расплачиваться за войны с греками, а потом и разграбил древнюю столицу, когда ома поднялась против него. И все же ко времени Дария III Вавилон снова был при деле.

В конце концов Александр Македонский победил персов (и предал огню зимний дворец персидских царей). Затем в истории случилось нечто новое. У Александра завелась идея управлять всем миром. Он объединил македонян и персов. Так возникла первая мировая империя с общим языком и общей экономикой, центром которой стал Вавилон, вновь занявший место столицы известного мира.

Но — увы! — лишь ненадолго. В настоящий момент тезка Алекса умирал во дворце Навуходоносора в возрасте тридцати трех лет.

Это был конец Вавилона, последние дни вспыхнувшей было славы. Падения и подъемы. И вот последнее падение. Впереди — прах и пепел. Впереди — непостижимое будущее.

Какое будущее? Будущее Рима, в настоящее

время безвестного городка. Будущее Византии. Будущее Священной Римской империи. Испанской империи. Британской империи. Третьего Рейха. Звездно-полосатой империи.

Прах и пепел. Погребенные в песках памятники. Кости. Амнезия.

Между тем какая-нибудь деревушка в Конго или в Южных морях уже выползает из грязи, нащупывая путь в будущее, чтобы стать новой столицей человечества.

Но как? Ведь в мире уже не осталось свободных пространств, на которых могла бы собраться новая Золотая Орда; не осталось лесов, из которых могла бы хлынуть несущая обновление волна варваров.

Где оно, то место, где родится новое могущество и новое великолепие? Возможно ли такое? Должны ли последние Вавилоны — Нью-Йорк и Москва, Токио и Пекин — потесниться и уступить дорогу? И если да, то кому и чему?

Какова динамика упадка и падения? Где эликсир бессмертия? Как сохранить и перенести настоящее в будущее таким образом, чтобы перемены не стерли и не унесли то, что знакомо каждому человеку? Что такое знает общественная душа, чего не ведают футурологи?

Для того чтобы дать ответ на эти вопросы, в аризонской пустыне и был построен Вавилон. Для того и вдохнули жизнь в город, величественно вознесенный над краем последней пропасти в дни, когда во дворце умирал от лихорадки царь Александр.

Все ли в истории Вавилона случилось в том порядке, как это помнилось Алексу? Может быть, да. Может быть, нет. В голове еще предстояло навести порядок. Столько подъемов и падений! Столько скачков перед последним упадком. Несомненно, последовательность событий была еще сложнее.

Не важно. Вавилон восстановили одновременно и как город Хаммурапи, и как город Навуходоносора, и как город Александра. Эти три города сосуществовали во времени. Здесь, в возрожденном Вавилоне, великие здания разных эпох стояли рядом.

Таким образом, город ставил вопросы самому времени, жнецу человеческих надежд и мечтаний.

Вавилон не был Диснейлендом. Не был утопической наркологией. Не был экспериментальным сообществом, упрямо повернувшимся спиной к двадцать первому веку ради капризного увле-

чения древним стилем жизни. И будь он одним из вышеперечисленных проектов, разве американское правительство выделило бы на него огромную сумму, эквивалентную содержанию на орбите пилотируемой станции? Разве вывело бы оно Вавилон из сферы действия законов не только штата, но и федеральных?

Космос! Возможно, будущий Вавилон, новый центр цивилизации — если таковая сохранится, — расположится в космосе, и когда-нибудь люди с астероидов и лун займут место новых, богатых, энергичных варваров. Когда сама Земля превратится в руины.

Пока же Вавилон был самым амбициозным, самым важным проектом в области будущего цивилизации.

Возможно.

А может быть, институт в Эвристике был всего лишь чудовищной глупостью, а его Вавилон — пустой затеей, чем-то вроде ландшафтных садов, которыми так увлекались английское джентри в восемнадцатом веке? Затеей значительно более масштабной, не ограничивающейся одним лишь фасадом, но представляющей собой полностью функционирующий древний город.

Не была ли осень культуры отмечена гран-

диозными и прихотливыми строительными проектами? Упражнениями в архитектурной метафизике, рассчитанными на то, чтобы задержать ход времени? Замыслами, от которых несло душком религиозной жажды бессмертия, замаскированными под что-то еще? (Назовите это синдромом Озимандии!) Был ли Вавилон психическим спасением американской мечты или символом ее крушения?

Алекс не знал. Но надеялся выяснить.

— Идем!

Дебора первой прошла через врата Иштар. Алекс последовал за ней.

Странное чувство овладело им: казалось, он входит в собственную голову и, попав внутрь, может уже никогда не найти выхода. Впрочем, Алекс сомневался, что когда-нибудь пожелает выйти. Аллея Процессий, известная также как улица Победы, прямой стрелой уходила вдаль. Центр ее был вымощен плитами белого известняка, края красным с молочными прожилками песчаником. С обеих сторон улицу окружали высокие, выложенные синими глазурованными плитками стены. Красные, белые и желтые львы с оскаленными клыками шествовали по стенам от центра города.

Стена львов справа заслоняла дворец Навуходоносора и Радужные сады. Алекс не расстраивался, понимая, что, прежде чем подступать к великим чудесам, надо освоиться с обычными улицами и потереться среди людей. Сервивалист в первую очередь должен озаботиться пропитанием и жильем. Устрой свою базу. Осваивай территорию концентрическими кругами. Дивиться будешь потом. Он незаметно потрогал спрятанный под туникой мешочек с шекелями.

Когда дошли до места, где аллея Процессий пересекается с каналом Либил-хегалла, Алекс оглянулся, чтобы посмотреть на южный фасад показавшегося из-за стены дворца Навуходоносора, но заметил лишь ярусы колоннад, скрытые деревьями и цветущим кустарником. Словно фотограф, он, фигурально выражаясь, щелкнул вид, но не проявил пленку. Для этого дворца у него пока еще не было подходящего контекста. Или, как говорят, концептуальной основы.

Группа остановилась на мосту поглазеть на город. Но не Дебора. Она-то понимала.

И все же взгляд Алекса замер, а дыхание на мгновение сбилось, когда в поле зрения попала Вавилонская башня. Основание ее не было видно с моста, лишь только верхние ярусы. Башня

казалась огромной, намного большей, чем он представлял. Даже воздух вокруг нее мерцал и ритмично подрагивал — и не только воздух, а и вся ткань города, — как будто самому пространству пришлось напрячься и ужаться, дабы вместить такую громадину. На взгляд Алекса, башня больше напоминала не типичный вавилонский зиккурат, а здание, изображенное на картине Брейгеля.

Перейдя мост, Алекс и Дебора свернули на одну из боковых улочек. Улочка вскоре тоже стала ветвиться, выпуская отростки влево и вправо, как персиковое дерево. Теперь они уже не гуляли, а пробирались между спешащими по делам вавилонянами. Главная аллея выглядела довольно пустынной, поскольку вела только к выходу. Несомненно, в праздничные дни там было не протолкнуться, но в остальное время горожане предпочитали топать — преимущественно босиком — по другим, не столь широким улицам.

Эти узкие улочки и переулки, кровеносные сосуды города, были вымощены не плитами, а плотно утрамбованным мусором, как будто кто-то уложил между глухими стенами домов срезанные с утрамбованной свалки полосы. Причем полосы очень и очень толстые. Земляное полотно

— пласты его, скорее гастрономические, чем геологические, состояли из засохших апельсиновых корок, капустных кочерыжек, обглоданных свиных ребер, рыбьих костей, финиковых косточек, обломков посуды, тряпья, обрывков плетеных циновок — возвышалось чуть ли не на колено над дверями домов, к которым вели прорубленные ступеньки. Трудно представить, что такое количество слежавшегося хлама могло скопиться всего лишь за пять лет — скорее за пятьдесят. А что будет, если воды Евфрата выйдут вдруг из берегов и затопят город?! Ведь весь этот древний мусор хлынет по ступенькам в дома.

Все указывало на то, что Вавилон строили как город, уже побывавший в употреблении, секонд-хенд-сити, хотя его публичные объекты и сияли будто новенькие. Витавшие на улочках ароматы напоминали запах изо рта вегетарианца: подгнившей брюссельской капусты, ослиного навоза и мочи. Мило и по-домашнему, если вы кролик. Мясные и рыбные элементы подчищают ночами бродячие кошки и собаки — и, наверное, крысы, — иначе босые подошвы шлепали бы по коврику из личинок и червей.

Завелись ли здесь крысы? Пришли ли они сюда, неведомым образом преодолей пески пустыни,

на зов дудки нового Гаммельнского Крысолова, соблазнившись свежими объедками и не испытывая страха перед возможной отравой?

Прохожие тем не менее как будто не замечали аромата родных дорог; по крайней мерс носом по сторонам, как обнюхивающий свою территорию кролик, никто не водил. И если плоть улиц выдыхала затхлый дух компостной кучи, то немалое число горожан — тех, кто мог позволить себе такую роскошь — били по нему целой батареей контрзапахов: ароматических смол, бальзамических масел, мускуса, сандалового дерева и пачулей.

Многие мужчины носили только короткие юбочки наподобие килта, оставляя верхнюю часть туловища обнаженной. Некоторые довольствовались набедренной повязкой. Другие щеголяли в накидках, скрепленных на плече шпилькой. Один или два самодовольно прошествовали в расшитых мантиях. Бритых встречалось немного, бородатые попадались чаще, причем у некоторых бороды были модно завиты. У одних волнистые волосы ниспадали на плечи, другие отдавали предпочтение тюрбанам, мелькали даже фески. Богач в мантии небрежно опирался на посох.

Женщины были в рубахах или свободных, по колено, платьях. Прически отличались разнообразием: одни заплетали волосы в косы и укладывали наподобие тюрбана, другие собирали их в пучок. Хвостики поменьше перехватывали ленточкой, побольше — убирали в сеточку. Одни ограничивались минимумом макияжа, лица других походили на раскрашенные маски. Дети бегали по улице почти голые, как девочки, так и мальчики, и ничем друг от друга не отличались, если не считать того, что прикрывали холщовые повязки.

— Надо бы зайти в парфюмерную лавку, — сказал Алекс. — И поскорее, верно?

Дебора сморщила нос, став похожей на кролика.

— Греки не пользуются парфюмом. Это считается проявлением изнеженности и упадничества.

Неужели она серьезно? Нет, конечно, нет.

— Готов спорить, здесь — пользуются. Вот увидишь. До сих пор побеленные фасады вытянувшихся вдоль

улицы домов оставались глухими хранителями частной жизни, если не считать сводчатого входа на более прохладной, северной стороне. Однако же следующие одна за другой стены нель-

зя было назвать серыми и невыразительными. Построенные пилообразно, внутрь и наружу, они отбрасывали на улицу чередующиеся полосы света и тени. Стены на солнечной стороне напоминали одно длинное, закрытое жалюзи окно, и казалось, достаточно дернуть за веревочку, как планки из глиняных кирпичей повернутся разом, и прохожему откроются все интерьеры.

На самом же деле в случае, если бы столь маловероятное событие все же произошло, дома бы просто обрушились — что с ними и без того уже происходило: зубчатые вершины стен постепенно стирались и осыпались.

На глаза гостям попался домик, подпертый со всех сторон столбами и опутанный веревками. Рабочие, чинившие обвалившуюся крышу и парапетную стенку, поднимали наверх корзины с глиной, которую брали из разъехавшейся на пол-улицы кучи. Выросшие детишки играли в куличи из грязи, только уже по-настоящему.

— Наверное, дают гарантию по крайней мере до следующего дождя, — заметил Алекс. — А дождь у них раз в год.

— Между прочим, саман — хороший строительный материал. Долговечнее стекла и стали.

— Его ведь надо формовать, пока он еще сырой,

верно?

— Стань каменщиком — и узнаешь. Он толкнул ее локтем в бок.

— Кстати о мужчинах и парфюме. Я слышал, все местные македоняне стали персами.

— И что?

— Кто говорил что-то насчет упадничества и изнеженности? Мне показалось, ты это не одобряешь.

Дебора на мгновение смутилась, но уже в следующую секунду рассмеялась.

— Послушай, Алекс, там, откуда я приехала, люди купаются в ослином молоке, если, конечно, удается найти подходящую ослицу. И многие находят. А еще они протыкают носы куриными косточками и мажут щеки малиновым джемом. Меня это трогает лишь постольку, поскольку я здесь гостья из Греции. Понятно? Если тебе что-то нравится — валяй. Ищи себя.

«Уж я-то себя найду», — подумал он и смутился от собственной наивности. Не в первый уже раз Алекс подумал о том, насколько пуританским был кодекс поведения его орегонской общины. И не таков ли — на свой, конечно, лад — Вавилон? Женщину, убившую мужа ради другого мужчины, здесь заживо сажали на кол. Вроде бы.

Понятно, что такой закон не мог требовать буквального исполнения.

Или мог?

Со двора соседнего дома доносились лязг металла и глухие удары. Над крышей, пачкая безоблачное голубое небо, поднимались клубы дыма. Судя по всему, там располагалась какая-то мастерская или кузница — если только в доме не вспыхнул пожар и обезумевшие жильцы не пытались сбить пламя мечами, цепями и молотами. Какие-либо другие указания на наличие здесь мастерской отсутствовали. Не было даже глиняной таблички с гусиными лапками клинописи на двери. А как же местные узнают, где нужный им дом? Как вообще находят друг друга?

Отсюда и дальше, до конца улицы, небо коптили все расположенные с северной стороны дома, и с каждого двора, спрятанного за их стенами, слышался непрерывный лязг и звон, как будто там трудились неутомимые нибелунги. Алекс насчитал с полдюжины анонимных литейных или кузнечных мастерских.

— Должно быть, Кузнечная улица, но вот только как найти нужного мистера Смита? Никаких опознавательных знаков не видно.

— Можно предположить, — сказала Дебора, —

что тот, кому это требуется, и без них все знает.

— А как быть новичку?

— Почему на всем обязательно должны быть какие-то знаки? Разве без них нельзя обойтись? — Она подняла руку. — Тебе ведь не нужны значки, чтобы знать свои пальцы? Разве ты не отличаешь их один от другого? Если нет, то у тебя проблемы. И не только у тебя одного.

В последних словах Алексу послышалась тревожная нотка угрозы.

— Ладно, пусть никаких знаков и нет, — как можно беспечнее продолжил он, — но ты заметила, что все идут в одном направлении? И так на всех улицах от самого моста. Все движутся в одну сторону.

— А разве непонятно? На таких узких улицах по-другому и быть не может.

И снова Алекс испытал унизительное чувство поражения. Он уже начал опасаться, что, если так пойдет и дальше, Дебора исчезнет из его жизни, как сообщение, стертое из памяти по причине полной утраты смысла из-за перегруженности ошибками.

От полного замешательства его спасли ослы. И Дебора, только что такая уверенная и спокойная, уже в следующий миг запаниковала, как дэвид-

копперфильдовская тетушка Бетси Тротвуд.

Нагруженные болтающимися свертками и пакетами ишаки неслись по улице легким галопом, заставляя прохожих шарахаться в стороны, тогда как следующие за ними самозваные уличные погонщики увлеченно и безуспешно соревновались друг с другом в проворстве и безрассудстве, пытаясь ухватить дико орущее животное за хвост и избежать ответного удара копытами. Один из бедолаг растянулся на куче глины, наполовину перекрывавшей и без того узкую улицу, результатом чего стало отделение сорванцов от ослов, а последних от остатков благоразумия.

Мчавшийся во главе стада ишак с раздутыми боками, похожий на огромного волосатого ребенка, страдающего нарушением абсорбции белка, и скачущими вверх-вниз узлами, прикрытыми козьей шкурой, задел Алекса. Небольшой перевязанный шпагатом грязный тряпичный сверток выскользнул из-под попоны и упал к его ногам.

Нарастающая сумятица и разлетавшиеся во все стороны громкие вавилонские проклятия не оставляли времени для раздумий, и Алекс, наклонившись, поднял пакет. Точнее, выхватил его из-под копыт несущегося вторым ишака. Иначе сверток неминуемо был бы втоптан в другое тря-

пье, кости и капустные кочерыжки и стал частью дорожного полотна. Разве не так?

Между тем еще две твари старались вырваться вперед, от стены до стены заполнив собой улицу. Возможно, виноват в последнем был мужчина в набедренной повязке, стиснутый упругими боками с двух сторон. Пытаясь, очевидно, силой склонить животных к повиновению, он обхватил их руками за шею, но не справился и оказался вовлечен в безумную скачку. Те из прохожих, кто оказался на пути ослиного дуэта, дали стрекача, только раззадоривая участников пробега.

— Помогите! — вскричала Дебора, не предпринимая, однако, ничего, чтобы спастись. А почему бы и нет? Может быть, суетиться во спасение ниже достоинства элегантной греческой леди?

Вот он, шанс! Схватив Дебору за руку (одной рукой, другая сжимала сверток), Алекс успел дотащить ее до следующего, оказавшегося, к счастью, поблизости, перекрестка. Едва они свернули на другую улицу, как мимо простучали копыта — за сорвавшейся в галоп парочкой пронеслись остальные ишаки, за ними толпа визжащих мальчишек, а уже замыкающим, рассыпая проклятия и охаживая спины негодников хлыстом, неопрятного вида толстяк.

Увлеченный ролью спасителя Алекс дотащил Дебору до середины улицы, прежде чем спасенная уперлась, отказавшись следовать дальше — то ли запыхалась, то ли устала от однообразия доставшейся ей роли, — и уставилась на него широко открытыми глазами. Сердито? Восхищенно?

— Вау. Я бы промочила горло, — на чистейшем языке древней Аттики заявила она.

Никто, кроме них, почему-то не воспользовался этой улочкой, чтобы спастись от поддавшегося стадному инстинкту табуна, хотя она и была совершенно пуста. Теперь же, словно некий невидимый дорожный диспетчер махнул флажком, отовсюду вдруг стали появляться люди. Все они двигались беглецам навстречу.

— Мы, кажется, не туда идем, — сказал Алекс.

— Сомневаюсь, что это так уж важно. Разве что пальцы оттопчут.

— Хочешь сказать, что на кол нас не посадят? За нарушение правил дорожного движения? — Он подмигнул.

Прохожих становилось все больше.

— Да, умеешь ты строить вокруг себя клетку. Чтобы блеснуть остроумием, Алексу пришлось перескочить на английский.

— Ну, мы же ищем бары[3].

Она вскинула голову — шокированная, оскорбленная, готовая развернуться и уйти. Однако осталась. Наверно, высокородные леди не ходят по таким улицам без эскорта.

— Извини, Дсб. Я сейчас спрошу, где тут ближайшая пивнушка или винный погребок.

Прохожий, в пользу которого сделал выбор Алекс — невысокий, смуглый, по виду испанец, — был гол по пояс, зато носил кожаные сандалии, что вряд ли мог позволить себе какой-нибудь бродяга. На его социальное положение указывала татуировка на лбу: солнечный диск, знак Шамаша. Выбритые виски и сохранившаяся на голове смешная прядь волос придавали мужчине сходство с персонажем французских комиксов, детективом Тентеном.

Алекс встал у него на пути.

— Извините.

— Я занят, — угрюмо буркнул загорелый Тептен и, обойдя Алекса, поспешил по улице, оставив после себя запах сандалового дерева.

— Ты спросил раба, — сказала Дебора.

— И что?

---

[3] Примечания: 3

Игра слов: англ. слово «bar» означает и бар, и прут решетки.

— Храмового раба.

— Да уж не своего.

— Раба. — Она повторила слово, словно перекатывая его во рту. — Настоящего, всамделишного раба.

— Все верно. Старушка снова ввела рабство. И не только черное, но и белое.

Она сделала вид, что не поняла.

— Какая старушка?

— Ладно-ладно, притворимся, что ее нет. Пока.

Ее. Он поймал себя на том, что не может — или не хочет — произнести слово «Америка». Мимо прошел еще один татуированный раб. Заметив их любопытные взгляды, мужчина раздраженно сплюнул.

Алекс вдруг понял, что видит их не со стороны, а примеряет на себя их шкуру.

Рабы. Люди, являющиеся собственностью других людей. Как лошадь или собака. Только от лошадей пахнет по-другому.

А может быть, в Вавилоне рабы все, татуированные и не татуированные? Рабы мечты, притворства, фальсификации? И не были ли заезжие свободные греки искателями особого вида рабства, рабства неудовлетворенного любопытства, независимо от того, что ждало их здесь

— богатство и слава или трудные времена?

— Наверно, — задумчиво констатировал Алекс, — если они фальшивые рабы, то и все остальное здесь тоже фальшивка.

А если раб сбежит? Будут ли солдаты преследовать беглеца с собаками и копьями? Можно ли пересечь границу

штата, отделяющую Вавилонию от Америки, и снова стать свободным?

Америки еще не существует. Америка пребывает в безвестности. Граница штата — линия сброса во времени, за которой Вавилония ушла в прошлое, нырнув, как измеряющий глубину кит, в бездну истории. Можно ли даже мечтать о том, чтобы выбраться из чрева такого кита? Ведь кит нырнул, ушел в глубину, чтобы выжить — по меньшей мере ментально, — пока оставшаяся на поверхности Америка корчится под обжигающими лучами вечного, насмехающегося над эпохами солнца, Шамаша, судящего людей и деяния их и одно за другим отправляющего царства в пустую тьму, которая и есть после-жизнь и которая есть потомство.

— По-моему, некоторые с радостью променяли бы свободу на возможность стать самим собой. Может быть, люди все время этим занимаются.

Тебе ведь это тоже немножко интересно, верно?

Дебора не ответила, возможно, потому что он и не рассчитывал на ответ, а вместо этого дошла до конца успевшей снова обезлюдеть улицы. Алекс догнал ее. Они свернули за угол и едва не наткнулись на нищего, босоногого, завернувшегося в лохмотья старика. Мгновенно узнав греков, он прохрипел по-гречески:

— Подайте…

Это не был американский попрошайка, какой-нибудь бедолага-наркоман или бездомный на скамейке в парке. Нет, перед ними был азиатский нищий, вечный, как само время. Ни унции лишнего жира. Гнилые зубы делали его похожим скорее на обезьяну, чем на человека. Нижнюю губу украшал герпес.

— Привет! — обратился к нему Алекс. — Где тут у вас ближайшая таверна?

— Боже! — запротестовала Дебора, хотя Алекс и не собирался следовать указаниям сомнительного типа, который вполне мог направить их в какой-нибудь воровской притон. Ему просто было интересно. Он хотел доказать, что нищий — всего лишь часть маскарада. Хотел, чтобы старик подмигнул.

Нет, не так. Алекс не хотел, чтобы он подмиг-

нул; он хотел, чтобы все оказалось настоящим.

Нищий вонял, потому что не мог позволить себе ни благовоний, ни даже обычного щелочного мыла. Могли такой бедняк потратить монетку, чтобы купить женщину в храме Иштар? Только в том случае, если бы кто-то дал ему эту монетку. Только если бы кто-то заплатил ему за то, чтобы пойти туда и выбрать указанную женщину. Терзая себя, Алекс поиграл с этой мыслью.

Старик злобно улыбнулся, показав желтые зубы, и поднял ладонь выше, уже не прося, а требуя. Как обезьяна, ожидающая, что ей подадут орешки. Движение получилось слишком резкое, лохмотья разъехались, обнажив засунутый за пояс нож. Старик носил тряпье не для того, чтобы согреться, и не из соображений приличия — Вавилон город жаркий, — а чтобы прятать оружие. Такого Алекс не ожидал. Получается, Митч все же был прав?

Дебора схватила его за руку и потащила в сторону. Рабы. Нищие. Эти люди не были статистами в жалкой постановке. Они играли на большой сцене. На одной сцене с царем Александром. Они сами вели спектакль.

Без камеры.

Если только крошечные объективы не наблю-

дали отовсюду, скрытые неприметно в трещинах стен.

Улица, на которую они попали, была шире предыдущей, но люди по-прежнему шли только в одном направлении. Мимо прогрохотала колесница. Коней гнал офицер-македонянин в кирасе с бронзовым нагрудником и кожаной юбке; шлем с высоким гребнем придавал ему сходство с давно вымершим коритозавром. Пешеходы привычно жались к стенам, чтобы не попасть под колеса. Никто, однако, не возмущался.

После недолгих поисков им удалось-таки найти кабачок. Выходящие на улицу широкие окна выдыхали запахи медовых ячменных лепешек, бобового супа, бараньего рагу, жареного конского мяса. Образцы предлагаемых блюд были представлены на кирпичном прилавке. Из расположенной на открытом воздухе кухни тянуло чадом и дымом.

Посетители сидели на табуретах за низкими столиками. Большинство пили пиво. Двое потягивали вино через длинные трубочки, напоминая присосавшихся к кальяну курильщиков опиума.

Алекс заказал медовые лепешки, финики и пиво. Отыскав свободные места, они устроились в дальнем углу.

Сладковато-горькое пиво тоже отдавало финиками. Не слишком ли много сладкого? Впрочем, именно это и требовалось им сейчас для поддержания уровня сахара в крови.

— Ну-ну, — пробормотал Алекс и, вспомнив про спрятанный в рукаве сверток, вытряхнул его на стол.

— Что это?

— Упало с чертова осла.

— А ты подобрал и оставил у себя?

— Я про него и забыл.

— Тогда ты вор.

— Ну, это вряд ли. Какое-то грязное тряпье.

— Тогда зачем ты его взял?

— Случайно. Не беспокойся, верну.

— Как? Кому? Ты все врешь. Почему не вернул сразу?

— Эй, потише! Что такое? Допрос? И кто теперь строит клетку?

— Почему ты не вернул сверток?

— Почему? Если помнишь, проклятые ишаки нас едва не растоптали.

— Ты успел поднять эту штуку. Мог бы и вернуть владельцу. Оказать любезность.

— Может, оно того и не стоит.

Алекс осторожно развязал бечевку и развернул

замызганную тряпицу.

Перед ним лежала прозрачная пластмассовая коробочка с крохотной черной кассетой; за оранжевым окошечком виднелись бобины и пленка.

— О господи!.. — выдохнула Дебора. — Что здесь делает дата-картридж?

Алекс торопливо прикрыл находку тряпкой.

— Не знаю, — прошептал он. — Это может быть компьютерная программа. Или результаты.

— Какие результаты? Почему?

— Разве не ясно? Здесь же за всем наблюдают, все записывают, измеряют и анализируют. Этим занимается институт. Мы все — подопытные. Источники информации.

— От картриджа нужно побыстрее избавиться. Брось его в канал.

— Избавиться? Ну нет, на нем должно быть что-то ценное. Это же судьба, шанс. Дареному ослу в зубы не смотрят.

— Ценное? Для тебя? — Дебора покачала головой. — Охо-хо. Пойми, мы здесь не для того, чтобы играть в игры с системой. — Она поежилась. — Ты глупец. Сам нарушаешь закон и меня за собой тянешь. Ведь я, зная об этой штуке, тоже становлюсь преступницей. Вот почему я ничего не желаю о ней знать. Не хочу, чтобы меня поса-

дили на кол. Или отдали в рабство.

— Даже на один день?

— Эта штука тебе ни к чему.

— Кому-нибудь пригодится.

— Может, на ней и нет ничего.

— А если кто-то хотел что-то скопировать? Что-то ценное? Скопировать и переправить контрабандой из страны? В таком случае возвращать сверток владельцу было опасно и рискованно.

— Почему? Если бы ты вернул его сразу, не разворачивая…

— Разворачивать не обязательно. Я мог определить форму на ощупь и сделать соответствующий вывод. Или тот погонщик с кнутом мог подумать, что я это сделал. За нами могли установить слежку, а потом убить.

Дебора негромко присвистнула.

— Неужели ты действительно в это веришь? В таком случае я определенно имею дело с сумасшедшим. Пожалуйста, выброси эту штуку.

— Не могу. Она важна для кого-то. Только вот для кого? Кстати, ты теперь тоже замазана. Как соучастница.

— Ну уж нет. Так легко ты меня к себе не привяжешь. Привяжу. Если не выброшу картридж. А я его не выброшу. Так что, я сумасшедший?

Был ли Алекс сумасшедшим? Возможно. Ведь для того чтобы стать вавилонянином, надо быть немного шизиком.

— Давай возьмем еще по пиву, — предложил он. — Расслабимся. Или попробуем вина?

— Вот дерьмо, — заметила Дебора, не уточнив, что именно имеет в виду.

Позднее они устроились на постоялом дворе, занимавшем ветхое трехэтажное строение между улицей Сина и улицей Мардука, неподалеку от греческого театра.

Постоялый двор назывался «Меж двух шкурок». С одной стороны от него находились кожевенная и суконная мастерские, где поступавшую из прядильни ткань чистили и уплотняли в растворе щелочной золы, полученной при сгорании тростника, и где свиные шкуры вымачивали в корытах с квасцами и дубильными орешками, смягчали навозом и дубили маслом. С другой стороны располагалось заведение со стриптизом. Там шкура и здесь шкура, только качество разное. Так объяснил, провожая гостей наверх, улыбающийся слуга.

Алексу комната досталась маленькая и обшарпанная, с окном, выходящим во двор, по которому бесцельно слонялся квартет ишаков. Листья

одинокой финиковой пальмы затеняли часть крыши. Окно закрывала плетенная из тростника штора. Слуга пояснил, что соломенный тюфяк можно при желании перетащить на крышу, чтобы спать под звездами. Многие постояльцы, добавил он, так и делают, предпочитая ночную прохладу духоте комнаты. Помимо тюфяка, в распоряжении Алекса оказался деревянный сундук без замка, ночной горшок — уборная помещалась внизу и представляла собой невысокий помост над ямой, дополненный такой роскошью, как битумное сиденье — и несколько лампад с кунжутным маслом. Лампады имели форму башмака с торчащим из глазка фитилем. В чаше из грубо выдолбленного камня лежала пригоршня серных спичек.

Общие комнаты размещались внизу, за плетеными дверьми, тогда как двери в жилых комнатах были из дерева. Оставшись один, Алекс первым делом достал из-под туники добрый греческий нож и, поковырявшись, вытащил из грязной стены кирпич. Расчистив дыру, он положил в нее аккуратно перевязанный сверток с картриджем, вставил на место кирпич, подмел в кучку мусор, помочился в горшок, а потом, окунув в теплую мочу тряпку, приготовил что-то вроде раствора

и замазал щели. Гордый собственной изобретательностью, Алекс критически осмотрел стену и остался доволен — заметить что-то, не приглядываясь, было практически невозможно. Он размел по комнате остатки мусора и вымыл руки.

Вечером за ужином они познакомились с полудюжиной других постояльцев. Столовой служило просторное помещение, потолок которого поддерживали спиральные колонны. Часть обеденного зала была открыта темнеющему, но не грозному небу.

Четверо постояльцев были торговцы из Верхней Вавилонии, и утром они собирались в обратный путь вместе со своими ослами. Торговцы разговаривали исключительно на вавилонском, держались вместе и на остальных гостей внимания по большей части не обращали. Еще один постоялец, упитанный, с хорошо развитой мускулатурой чернокожий, отрекомендовался нубийцем, хотя его греческий сильно отдавал Джорджией или Алабамой. Шестой был индийцем из настоящей Индии и вел торговлю в приграничных районах Персии. Индийский поход Александра дал ему знание греческого, и теперь Гупта — так звали индийца — намеревался обзавестись деловыми связями в Вавилоне.

Как и нубиец Набу, он прибыл в город примерно за неделю до Алекса и Деборы.

За время ужина Алекс успел проникнуться теплыми чувствами к нубийцу, а вот смуглый худощавый индиец с бегающими глазками, взгляд которых слишком часто останавливался на Деборе, вызвал у него недоверие. Скользкий и чрезмерно любопытный Гупта был представителем, как казалось Алексу, племени прощелыг, которым ничего не стоит сунуть нос в вашу комнату, когда вас там нет, — разумеется, случайно! — ошибся дверью! Когда индиец оживлялся (а это случилось немного позднее), темные глаза светились, ровные белые зубы блестели, а язык напоминал лепесток розы. В обычном же состоянии лицо его оставалось неподвижной, ничего не выражающей маской. При том он постоянно за всеми наблюдал и держал ушки на макушке. Странно, но Дебора явно отдавала ему предпочтение перед серьезным и здравомыслящим нубийцем.

Ужин состоял из пресного хлеба, густого чечевичного супа, жареной баранины, репы и неизменных фиников и йогурта. Ели костяными ложками и костяными же вилками с одним зубцом. На столе стояли глиняные горшки и

деревянные блюда. Два факела из смоченного в битуме тростника привлекали к себе всю окрестную мошкару. С соседнего двора доносился громкий хор лягушек.

За столом прислуживала средних лет женщина с весьма странными привычками. Пока гости ели, она бродила вдоль стен, то и дело останавливаясь и бормоча под нос что-то вроде «хм-м, хм-м, м-м, м-м», как человек, на которого наложили некую странную епитимью. Время от времени она неожиданно бросалась к обедающим, нависала над столом, водила по нему цепким взглядом и возвращалась в исходное положение. Понаблюдав за ней, Алекс пришел к выводу, что женщина, должно быть, страдает от невроза и одолеваема сразу несколькими фобиями. На шее у нее болтались амулеты: глиняные фигурки козы, собаки и рыбы.

— Собираюсь стать писцом, — сообщил, похлопывая себя по животу, Набу. — Писцы живут хорошо. Видел, чем они занимаются: без работы не остаются.

Дебора саркастически усмехнулась. Алекс же одобрительно кивнул. Информация — сила.

— Да, ведут записи. Составляют отчеты.

— Какие отчеты? — мгновенно отреагировал

Гупта. — Откуда вы знаете, что есть какие-то отчеты?

— Да, — вставила Дебора. — Отчеты. О ценах на вчерашние огурцы.

— Братья, сестра, — вступил в разговор Набу. — Мы все знаем, что без отчетов в таком деле нельзя, хотя и не говорим на эту тему. А иначе зачем мы все здесь?

— Хм-м, хм-м, м-м, м-м, — пробормотала прислужница, подходя ближе, и угрожающе добавила: — М-м!

Молниеносным движением выбросив руку, Гупта схватил женщину за платье и заставил ее наклониться. — Ха-ха! — воскликнул он. — Ты, похоже, проголодалась. Не получишь ужина, пока мы не закончим, а? Собираешь объедки?

Двумя пальцами свободной руки индиец выловил из тарелки с супом оставшуюся там одинокую луковицу, двумя другими открыл женщине рот и протолкнул луковицу между губами.

Едва освободившись, прислужница метнулась к ближайшему факелу, выплюнула луковицу в его пылающую сердцевину и, не произнося ни звука, возобновила движение по кругу. Один из вавилонян сказал что-то на своем языке, и вся четверка негромко рассмеялась.

— Зачем ты это сделал? — воскликнул Набу. Дебора настороженно оглянулась, и именно к ней Гупта обратился с разъяснением.

— Я сделал это, чтобы заглянуть ей в рот.

— Вы врач? — спросила Дебора.

— Нет. Хотя и мог бы им быть. За те десять дней, что я здесь, женщина не произнесла ни слова. Теперь я знаю почему.

— Как вы можете это знать, если вы не врач?

— Вы бы тоже знали, уважаемая госпожа, если бы оказались на моем месте, — ей вырвали язык!

— Что?

— Ха-ха! Шутка. — Глаза индийца блеснули. — Обманул, да? Не обращайте внимания. Вас ведь я не оскорбил, верно? Вас такое возбуждает?

Он высунул язык и выгнул его так, что коснулся кончиком носа. В следующий момент язык исчез с быстротой, которой мог бы позавидовать хамелеон.

— У меня на родине, — продолжал Гупта, — люди могут проделывать языком удивительные вещи. Некоторые мудрецы разделяют его ножом на две части, правую и левую. Потом закрывают этими двумя половинками обе ноздри, лишая себя кислорода, и предаются медитации. Другие заглатывают язык на десять минут. Да-да,

буквально! Потом изрыгают. Конечно, на тренировку уходят месяцы и годы, ведь язык нужно не только удлинить. Я не врач, блистательная госпожа, а фокусник. Фокусник должен хорошо знать человеческое тело. Иногда ему приходится прятать в нем что-то и предъявлять в должный момент. Я могу, например, спрятать в глазу большую жемчужину. Иногда фокуснику приходится совершать телом невероятные движения. Да, чудеса тела! Все его скрытые секреты! Ваше тело, блистательная госпожа, тоже чудо. Ваша шея — белая выя трубящей в небеса гусыни; ваши плечи — ее белоснежная грудка. Я мог бы научить вас проглатывать самые разные длинные предметы: змей, стальные лезвия, полый бамбук…

Дебора фыркнула.

Гупта перенес внимание на Алекса.

— Хотите что-нибудь спрятать, молодой человек? Гупта поможет вам.

Алекс почувствовал, что краснеет.

— Все что угодно и где угодно! — Индиец хлопнул в ладоши, но от хлопка не получилось ни алмаза, ни джинна. — Я могу спрятать вещь у вас на глазах, и вы никогда ее не найдете. Вообще-то, — он повертел ладонями, в которых ничего не было, — я уже ее спрятал.

Если поначалу Гупта казался скользким, вертким ловкачом, то теперь он выглядел и вел себя иначе: уверенно и смело. Как будто неким скрытным образом расставив все в требуемом порядке и подготовив столовую, как сцену, к демонстрации фокуса, чувствовал себя теперь хозяином положения.

— И что же такое я спрятал? А-а, это мой маленький секрет.

— Я был жонглером, — сказал Алекс. — Жонглировал ножами. Бросал их в мишени, обозначавшие тех, кто меня обидел.

— Так что, Гупта, — торопливо вмешался в разговор Набу, — покажешь нам свой фокус?

Индиец все еще смотрел на Алекса — с презрением, наигранной веселостью и — да — сознанием своего полного права делать то, что заблагорассудится.

— Что спрятано? Где? И почему? Гупта всегда знает секреты. Взгляд его, — произнося это, индиец уперся взглядом в Дебору, — проникает сквозь стены, тростник, кирпичи. Через камень, одежду, кожу.

Неужели Гупта, по некоему жуткому стечению обстоятельств, был на той же улице, когда ишаки сорвались в галоп? Неужели он видел, как Алекс

подобрал сверток, и запомнил его? Или он просто хороший физиономист и чтение мыслей строится на наблюдении за сокращениями лицевых мышц и другими непроизвольными реакциями?

В любом случае, решил Алекс, с первым светом утра нужно достать картридж из тайника в стене и держать его при себе, пока не найдется местечко понадежнее. Лучше где-нибудь в городе. В ямке, под камнем, может быть, на территории храма.

— Хватит, — сказал Набу. — Перестань дразнить наших добрых знакомых. Не порти настроение людям. Все, достаточно.

— А мне даже интересно, — сказала Дебора.

— Конечно, интересно, — согласился Гупта. — А вашему спутнику, мастеру метать ножи, ему тоже интересно?

— Хм-м, хм-м, м-м, — сказала прислуга.

Глава 2

в которой Алекс совершает акт священной любви и знакомится с цирюльником

От кошмара его спас крик. Алекс только что установил стержень взрывателя бомбы, чтобы ровно через час уничтожить весь мир. Почему он это сделал? Все дело было в послании, которое он то ли получил, то ли не получил. Отвратительно и ужасно быть тем, чей долг погубить столько надежд, красоты и любви. Услышав крик Деборы, Алекс вскочил с тюфяка, прикрылся первой попавшейся под руку тряпкой и, выскочив из комнаты, помчался по коридору в направлении голосов.

Из открытой двери слышался раскатистый, возмущенный голос Набу:

— Послушайте, это отвратительно! Омерзительно!

— Нет, если у них такие обычаи! — возражала Дебора.

— А зачем оставлять дверь открытой? Чтобы все видели?

Алекс заглянул в комнату. Дебора и Набу стояли

в нескольких шагах от порога, причем Дебора, похоже, сдерживала нубийца. Гупта, небрежно поджав ноги, сидел совершенно голый на голом полу в ясном свете наступающего утра. Одна его рука шевелилась под ляжкой, другая висела у рта, и из нее выползала коричневая шелковая лен та. На глазах у Алекса другой конец ленты появился из ануса индийца. Рядом с ним, на полу, лежала маленькая прозрачная коробка. Отправляя в рот пленку из кассеты, Гупта не просто поедал ее, но и извергал из себя через задний проход!

Алекс бессильно прислонился к дверному косяку. Пока он спал, индиец пробрался в комнату и выкрал картридж! И вот теперь он… превращал пленку в экскременты.

Заметив Алекса, Гупта кивнул ему и вежливо осведомился:

— Доброе утро! Что-то потеряли?

Выдать себя поспешным заявлением Алексу помешал Набу.

— Вот она, гигиена по-индийски! Проглотить, подождать, пока оно выйдет из вас, а потом подергать туда-сюда! И притом оставить дверь открытой, чтобы все видели. Меня от этого тошнит.

Дебора хихикнула.

Кадык у Гупты судорожно задвигался вверх-вниз, после чего индиец изрыгнул на ладонь нечто напоминающее ленточного червя. Другая рука выдернула из-под задницы вторую ленту.

— Оба совершенно чистые. Ха-ха! Маленькая шутка! Эти два отрезка вовсе и не были соединены. Ты, Набу, принял их за одну ленту. Почему? Потому что на днях я рассказывал тебе о том, как некоторые мудрецы у меня на родине, умеющие контролировать внутренние мышцы, прочищают кишечник, проглатывая и проводя через него, как змею Кундалини, очень длинное полотенце.

Гупта поджался, приняв позу лотоса и тем самым скрыв свои гениталии.

— Ну, разве не замечательно? Вы видите то, что хотите увидеть, когда на самом деле ничего нет. И наоборот!

Индиец ловко намотал пленку на средний палец и засунул ее в коробочку, которая была сделана вовсе не из пластика, а из рога или чего-то похожего. Пленка оказалась совсем и не пленкой. Она была шире и мягче. Резина, объяснил Гупта. Алекс смог наконец выдохнуть.

Гупта пристально, словно через магический кристалл, посмотрел на Алекса. Последний видел перед собой хищную птицу с колючими глаз-

ками.

— Увидели что-то интересное для вас лично?

— Нет. Просто кошмар приснился.

— Господи, и это в первую ночь в Вавилоне!

— Не очень хорошее предзнаменование, — беззаботно заметила Дебора.

— Дорогая госпожа, сон здесь не считается предзнаменованием. В Вавилоне снам не придают большого значения, хотя иногда профессионалы берутся за их толкование. Не забывайте, вавилоняне и сами сон, не так ли? Я знаю, как интерпретировать сны, так что, Алекс, вы пришли со своей проблемой туда, куда надо.

— Если вы интерпретируете сны, то как насчет интерпретации Вавилона? — резко спросил Алекс.

Может быть, Гупта профессиональный наблюдатель, маскирующийся под мерзкого факира?

— А! Вот мы и подошли к сути. То, что вы, как вам показалось, увидели здесь, как-то связано с восприятием города? — Гупта свернул вторую ленту и положил в ту же коробку, хотя ее определенно не мешало бы помыть и просушить. — С восприятием и пониманием Вавилона как изнутри, так и извне? Ну, тепло?

А если Гупта агент не института, а некоей

другой заинтересованной стороны? Какого-то иностранного правительства?

— Чушь! — фыркнул Алекс, отвечая и себе, и индийцу. Гупта усмехнулся.

— Вам стоит посетить храм Мардука. Помолиться за победу.

— Помолиться? — изумленно повторил Алекс.

— Да. Ведь молитва есть всего лишь средство поправления рассудка и приведения в порядок мыслей. Помолитесь за победу. Победу над страхом, который уничтожает.

Точно. Именно это ему и снилось — уничтожение целого мира. Теперь Алекс вспомнил.

Достав картридж из тайника в стене — разумеется, Гупта его не украл! — и спрятав сверток в набедренную повязку под туникой, Алекс вместе с остальными позавтракал овсянкой. На пересекающей голубое небо стене с чириканьем прыгали воробьи, надеясь слететь потом на стол и подчистить миски раньше, чем до них доберется безумная прислужница.

— Так ты идешь в храм Мардука? — осведомилась Дебора.

— Нет. — Впрочем, храм может оказаться подходящим местом, чтобы спрятать кассету. Он ведь и сам об этом думал. — Да. Может быть.

— Позвольте мне быть вашим проводником, — предложил Гупта. — И вашим тоже, прекрасная госпожа.

— Мы пойдем одни, — быстро ответил Алекс. Дебора вскинула бровь.

— Мы?

Если Дебора пойдет с ним, то не помешает ли она спрятать кассету? Черт бы ее побрал! Кассету, конечно. Так и свихнуться недолго на почве навязчивой идеи. Но пока он не избавится от нее, не спрячет в надежном месте, покоя не будет.

С другой стороны — и Алекс прекрасно это понимал, — если он пойдет один, Гупта наверняка ухитрится умыкнуть Дебору у него из-под носа. А что, если она ненароком откроет ему их секрет? Проболтается о своих планах? О возникшей между ними пока еще хрупкой связи?

Смелость. Победа.

— Извини, Деб. Думаю, молиться следует в одиночестве. Мы можем встретиться потом, а? Перекусим, посмотрим достопримечательности? Как насчет… — Он замолчал, не зная, какое место предложить.

— У главного выхода из храма, на прибрежной дороге, — подсказал Гупта.

— Да. Там. — Алекс поднялся из-за стола.

— Когда? — спросила Дебора, что было хорошим знаком.

— Не забывайте, — вставил индиец, — что после полудня у большинства горожан наступает сиеста.

Глядя многозначительно на Дебору и старательно не замечая Гупту, Алекс назвал час.

Набу смахнул с нижней губы прилипший комочек каши и тоже встал.

— Я пойду с тобой, Алекс.

— Нет, не утруждай себя. Я сам найду храм.

— Ну, поступай как знаешь, друг. Тебе виднее. — Оскорбленный в лучших чувствах нубиец протопал к выходу.

Маршрут, как и обрисовал его привратник постоялого двора, оказался не из сложных. Взяв курс на юг, Алекс прошел по улочкам кожевников и плетельщиков, кузнецов и кондитеров до главного перекрестка, улицы Мардука — широкого мощеного бульвара, вдоль которого вытянулись высокие, без окон здания. Солнце жалило спину, а сияющая впереди Вавилонская башня снова притягивала к себе, как будто это грандиозное спиральное строение и в самом деле искажало геометрию города, концентрируя пространство в себе наподобие того, как это происходит в во-

довороте.

Неспешно прогуливающиеся вавилоняне, в тюрбанах и с тросточками — по большей части верхушка местной аристократии, — едва удостаивали башню взглядом, Алекса же как будто влекла к ней неудержимая сила. Подчиняясь ей, он шагал и шагал на юг по аллее Процессий, пока не достиг длинной подъездной дороги, ведущей на запад, к храму бога победы.

По обе стороны улицы раскинулись шатры торговых рядов, под которыми в многоголосой, гудящей суете переходили из рук в руки мешки с пшеницей и кунжутом, ящики с сушеной рыбой, вязанки тростника, узлы кож и шерсти, короба с сыром. Снующие во все стороны носильщики вызывали на свою голову проклятия торговцев и покупателей. В дополнение к заключаемым там и тут частным сделкам в нескольких местах полным ходом шли шумные аукционы. Обескураженный столь энергичным и многоликим проявлением деловой активности, Алекс отказался от мысли пошататься по базару и вскоре добрался до внешнего двора храма с тайной надеждой, что прихожан в городе меньше, чем продавцов и покупателей.

Надежды его оправдались лишь отчасти и

только благодаря значительным размерам двора, на территории которого разместились многочисленные торговцы, предлагающие проходящим через ворота гражданам ладан, масло и блеющих ягнят, бутыли с вином, пирожки с разнообразной начинкой и всевозможные амулеты. Ограждающие двор высокие и гладкие стены были выкрашены желтой и белой эмалью. Никаких выбоин, никаких трещин. Да и не прятать же сверток на глазах у десятков свидетелей.

Внутреннее устройство храма отличалось запутанностью, так что в нем вполне могли отыскаться потаенные уголки и неприметные щели. Широкие пандусы круто уходили вверх, закручивались в спирали, пересекались, окружая увенчанные башенками многочисленные ярусы цвета засохшей крови. По переходам безостановочно, двигаясь в обоих направлениях, сновали верующие. Возможно ли, чтобы они все пришли сюда помолиться? Вознести свои надежды и чаяния богу? Богу войны? Или для большинства поход в храм был просто физическим упражнением, сопряженным с возможностью полюбоваться с высоты видом города?

Подстрекаемый любопытством Алекс обратился к покидающему храм и опирающемуся на

резной посох с рукоятью из кости почтенному вавилонянину с бородой и в тюрбане:

— Простите, я здесь впервые. Скажите, вы действительно поклоняетесь богу войны? — Или это только «для поправления рассудка»?

Мужчина обжег его сердитым взглядом.

— Глупец! — рыкнул он и, отодвинув Алекса плечом, продолжил путь.

Свидетелем этого короткого диалога оказался некий старик, который приблизился к Алексу с кривой усмешкой извинения и, остановившись, уперся в пол оплетенной бронзовым узором палкой с набалдашником в виде головы быка.

— Может быть, грек, достойнее поклоняться несуществующим богам? — загадочно спросил он. — Может быть, из-за того, что вы молитесь им, они становятся реальнее? С другой стороны, где еще в наши дни можно столь же невинно поклоняться войне? Может быть, все эти люди просто ищут утраченную невинность — невинность скота, не задающегося вопросом, встанет ли завтра солнце? И есть ли оно вообще, это завтра.

— Да? Продолжайте.

Отмеченное бороздами времени лицо старика казалось серым, словно в морщины въелась пыль десятилетий. У Алекса возникло ощущение, что

он смотрит на состарившегося себя самого.

Поглаживая бронзовую голову быка, старец продолжал:

— Животное не имеет представления о завтра. Вчера уже стерлось из памяти. Все, что есть, это настоящее, сегодня, сейчас. И этот миг настоящего повторяется для него непрестанно. Так оно и ему подобные существуют миллионы лет. У животных нет истории, ее им заменяет инстинкт. Но, может быть, грек, боги войны так часто уничтожают империи со всеми их письменами и памятниками лишь для того, чтобы груз памяти не калечил нас, пригибая к земле? Может быть, без этого нам бы недостало энергии для новых предприятий, которые, по сути, есть повторение старых усилий, забытых, а потом получивших новое дыхание.

И как это понимать? Алекс пребывал в растерянности. Кто такой этот старик? Философ, фантазер, сумасшедший? Или футуролог? Пытается ли он сказать, что мир и цивилизация подлежат уничтожению ради того, чтобы у них было продолжение? Что Америка должна прийти в упадок для возвышения империи Амазонии или Ашанти? А как же тогда все те ракеты с ядерными боеголовками, ждущие своего часа в

подземных шахтах и пусковых установках субмарин? Возможно ли, чтобы общество рухнуло и рассыпалось, а ракеты так и остались на месте, ржавея и не находя применения?

Задать эти вопросы здесь, в сотне шагов от храма Мардука, он не посмел.

Старик же, опираясь на палку, исполнил незамысловатый скачок.

— И, может быть, грек, Мардук не имеет к войне никакого отношения. Не почитай себя мудрецом только потому, что ты чужеземец. Происходящее повсюду отражается здесь. Происходящее здесь отражается повсюду. Ты явился сюда познать Вавилон. Вавилон же стоит здесь не для того, чтобы познать тебя.

Он подмигнул и легкой, пружинящей походкой отправился по своим делам.

— Благодарю за любезность! — крикнул ему вслед Алекс. Старик остановился.

— Не за что. И это не любезность — мой каприз.

— А что вы имели в виду, когда сказали, что Вавилон здесь не для того, чтобы познать меня?

Старик покачал пальцем.

— У вас, греков, есть выражение: «Познай себя». Вы ошибаетесь. Жизнь человеческая бессмыс-

ленна и бесцельна, хотя, конечно, мир не имел бы смысла, не будь он населен людьми. Собирай информацию, мой мальчик! Забудь о принципах и обобщениях! Веди учет того, что с тобой происходит, и не старайся подводить итог.

Помахав на прощание рукой, старик двинулся дальше, оставив Алекса в полном недоумении. А может, шутка была как раз в том, чтобы, как и тот, другой, обозвать его глупцом, но только не в лоб, а вот так, иносказательно.

Так или иначе, а храм ждал. Алексу все еще нужно было спрятать картридж с кассетой, которая могла содержать массу ценной информации, а могла и быть пустой.

Он стоял, отдуваясь, на вершине храма. Сердце колотилось, злосчастный сверток все еще прижимался к животу.

Подъем дался тяжело — слишком много народу. Одна из площадок была занята громадной клеткой, внутри которой прыгали крошечные проворные обезьянки с блестящими любопытными глазками. С другой открывался проход к центру храма, скупо освещенному коптящими лампадами и заполненному мрачными тенями. Под громоздкими зловещими статуями бесшумно передвигались фигуры магов. Холщовые занаве-

си скрывали музыкантов. Приглушенно звучали литавры, журчали арфы, посвистывала окарина — услада для Мардука, чьи бронзовые ноздри вдыхали запах обуглившейся плоти и крови. Внутри этот геометрический храм с напоминающими сталагмиты колоннами представлял собой пещеру. Потайных мест здесь было предостаточно, но хватало и других мест, тех, откуда за ним могли наблюдать затаившиеся в полумраке неизвестные. Надежно спрятать здесь что-то мог бы разве что человек, хорошо знающий храм.

Вот почему Алекс добрался до вершины, где и отдыхал, оглядывая окрестности: раскинувшиеся на западе, за рекой, пригороды с вкраплениями зелени между домов; излучина Евфрата на юге; протянувшийся к полям канал Борсиппа; дорога в Ниппур на востоке.

За спиной у него стоял терракотовый дракон — похожий на собратьев у врат Иштар, но только на задних лапах, — опирающийся на зажатую в передней лапе лопату. Лопата и дракон — символы Мардука. На одном из нижних ярусов ему попались терракотовые статуи львов. А над всем высился утыканный шипами стержневой громоотвод. Спиной к дракону Алекс стоял не случайно — статуя закрывала вид на север, повернуться ку-

да его неудержимо влекла Вавилонская башня.

Компенсируя огорчение гордостью — как-никак на пик все-таки поднялся, — он спустился вниз и, выйдя сО двора через западные ворота, скоро добрался до прибрежной дороги в нескольких сотнях локтей от большого каменного моста. Мимо проходили люди самых разных рас и национальностей, как будто здесь был порт мирового значения. Алекс видел арабов, армян, индусов, греков (конечно же) и даже китайцев. Оглядевшись, он заметил Дебору, одиноко стоящую у парапета набережной, но прежде чем успел подойти ближе, на ступеньках, ведущих к причалам, появился улыбающийся Гупта.

— Привет, Алекс! Нашли, что искали? Или потеряли? Ха-ха! Молились? Просили руководства и наставления? Если да, я к вашим услугам.

Алекс лишь теперь понял, что совершенно забыл помолиться. Нет, неправда. Он вовсе и не собирался молиться, хотя, может быть, и стоило бы…

— Привет, Алекс, — сказала Дебора.

— Что там, внизу? — спросил он, не приближаясь к парапету.

К берегу приставали большие лодки.

Как эти неуклюжие, нескладные суденышки

ухитряются не сталкиваться друг с другом и с быками моста, представлялось ему загадкой, и единственный возможный ответ заключался в том, что вода сама направляла их по нужному курсу. Другой переправы через Евфрат не было, а поскольку она соединяла старый город с новым, то и нагрузка на нее приходилась немалая. На прочные столбы укладывали рядами доски. Позднее Алекс узнал, что с наступлением ночи центральную секцию разбирали, и доски оставляли на берегу под охраной. Мосты ведь строят не для того, чтобы по ним гулял враг! Но этот находился в самом сердце Вавилона. Разве не болит разделенное сердце? А может, мост соединял два полушария мозга, и каждый раз, засыпая, город видел два разных сна: сон о прошлом и сон о будущем?

— Что там, Деб?

— Туннели к базарам, — отозвалась она. — Груз выгружают, лодки разбирают, а ослов ведут через туннели. Так что там, внизу, только туннели. И один плачущий раввин.

— Кто?

Алекс шагнул к парапету и сразу же заметил у стены бородатого мужчину с ермолкой на затылке, молитвенным платком на плечах и черной

коробочкой с филактерией, привязанной ко лбу лентой и похожей на футляр для пуговиц. Он стоял, повернувшись спиной к лодкам, ослам, корзинам с фруктами, мехам с вином и ящикам с рыбой, и слезы стекали по его щекам.

— Приходит сюда каждое утро, — пояснил Гупта, — оплакивать разрушение Храма Соломонова. В праздничные дни на набережной собирается немало евреев. Языческих ритуалов сторонятся.

— Сумасшедшие.

— Почему это сумасшедшие?

— Почему они должны притворяться евреями и раввинами?

— Они и есть евреи, — резко ответила Дебора. — А он раввин.

— О! — сказал Алекс.

Перекусили купленными с лотками пирожками с рыбой. Пока облизывали пальцы, Гупта сказал:

— Давайте заглянем в Зал Чудес Человечества. — Он посмотрел на высоко стоящее в небе солнце. — После сиесты? — Пешеходов на улицах уже стало заметно меньше. Была уже вторая половина дня. Люди возвращались домой. — Так что, пойдем? Я бы хотел показать вам обоим знаменитый Зал Чудес. Хотя, будь на то моя воля,

ха-ха, поместил бы туда совсем другие чудеса!

— Чудеса, которые исчезают у вас на глазах. Например, мыльные пузыри, — заметил Алекс.

— Так мы идем? — не отставал Гупта.

— Да, — сказала Дебора.

Вернувшись в «Меж двух шкурок», разошлись по комнатам.

Алексу приснилось, что ракеты уже запущены, бомбы упали, Америки и России больше нет, а Европа и Китай стерты с карты мира. Рукотворные бедствия сотрясали планету. Наступил коллапс, конец технологической культуры, глобальных правительств и корпораций.

А вот Вавилон выжил. Здесь, в забытом уголке американской пустыни — хотя самой Америки больше не было, — Вавилон сохранился в целости и неприкосновенности. Нетронутый. И не просто сохранился, но и остался Вавилоном.

Как будто вся высвободившаяся мощь боеголовок прорвала ткань пространственно-временного континуума, сбила часы солнца и календарь луны и, вырвав этот древний город из минувшей эры, перенесла его в будущее, поскольку ничего, кроме будущего, и не осталось.

Вавилон процветал. Евфрат катил воды по замкнутой цепи. Проходили годы, потом десяти-

летия. В конце концов вавилоняне принялись колонизировать то, что прежде называлось Америкой. Они уже ничего не знали ни об обычаях погибшей Америки, ни об умершем двадцать первом веке. Они забыли ее язык. Они знали только себя, вавилонян. Длинные волосы и благовония, плетеные лодки-ко-раклы и зиккураты, Иштар и Мардук. Да, Мардук все же одержал победу. Ту, за которую столь многие молились.

И, может быть, где-нибудь в Анголе или Аргентине новы й ассирийский волк или второй Александр уже собирал силы, чтобы снова двинуться на Вавилон?

Зал Чудес Человечества занимал скромный угол в задней части царского дворца. Это был первый музей в мировой истории, открытый для широкой публики Навуходоносором.

— Ха-ха, — рассмеялся Гупта, — узрите чудеса света!

Длинную сумрачную галерею со спиральными опорами заполняли древности, среди которых были глиняные таблички и цилиндры, письмена Из Ура, каменные чаши и фигурки арамейских божков, касситские палицы, месопотамские изваяния, фундаментные камни старинных храмов, барельефы, стелы, фиванские обелиски, головы

булав и дубин, украшения, защитные доспехи и еще многое.

И всего три посетителя.

— Каковы диковины! — воскликнул Гупта.

Восторгается он увиденным или насмехается над заботливо собранными экспонатами — понять было невозможно.

Куратор — мрачного вида ровесник древностей, сооруженный метелкой из перьев, — очевидно, решил, что гость проявляет неуважение к вверенным его заботам ценностям, и, поглаживая черепки и камни, подобрался ближе.

Не обращая внимания на буйного индуса, старик обратился к Деборе и Алексу:

— Здесь, греки, перед вами все, что было. Летопись времен.

На мгновение Алекс поверил ему — Рим Цезарей ушел, как и Рим пап, ушли распятия и мечети, Ренессанс и космический век. Их не было. Пока. А значит, не было никогда.

Дебора, должно быть, почувствовала нечто похожее.

— Как странно, да? — пробормотала она. — Здесь нет столь многого.

— Здесь нет почти всего, что мы считали важным, — подхватил Алекс, радуясь тому, что

Дебора наконец-то вышла за границы роли — пусть даже под влиянием мертвых камней, а не живого города.

— А мир все так же полон, — продолжала она, — и у пего есть своя история.

Он попробовал подстроиться под ее настроение.

— И будущее, кульминация прошлого, лишь только началось, когда этот музей открылся. Верно? И каким фантастическим представляется это будущее! Какая безумная мечта! В нем люди, подобно богам, летают по небу и к звездам, мечут молнии, как копья, пересылают мысли и картинки в мгновение ока. И миф не позади, а впереди.

— Здесь все, что было, — с нажимом повторил куратор.

— Представь, что есть такая штука, как двадцать первый век, — прошептал, наклоняясь к Деборе, Алекс. — А потом прыгни на тысячу лет вперед. И каким же ничтожным и скучным он покажется. Потому что А еще не случилось. Или Б или В — а они ведь так чертовски важны. Для истории. Потому что они меняют абсолютно все. Пришельцы со звезд, бессмертие… ну, не знаю. А потом, еще через тысячу лет, А, Б и В отойдут в тень Г и Д… Дебора огляделась.

— Поверить, что это все! Все, что было! Знать это всем сердцем! Какое облегчение! Как будто камень с плеч. Мы поплывем с течением лет, а не пойдем ко дну.

— Вот почему нас и отправили в Вавилон. Отправил мир, которого нет и никогда не было. — Если не считать некоей кассеты, мысленно добавил Алекс.

Может, на ней только музыка…

— Был и нет, — вставил Гупта.

— Здесь все, что было, — произнес нараспев куратор, как будто и не знал других слов, как будто был неким големом-хранителем, укомплектованным ограниченным набором реакций и метелкой из перьев.

— Послали, чтобы мы научились не тонуть, — вздохнул Алекс.

Да, действительно, чудеса были здесь, хотя чудо и не обитало в потрескавшихся старинных дубинках и обелисках, в глине и бронзе этого первого музея — как в противоположности, скажем, паровым двигателям, ракетам «Сатурн» или компьютерам. Чудо приходит с рассветом, когда вы достигаете такого ментального состояния, при котором вещи вроде ракет, спутников, наручных компьютеров и сердечных имплантатов

стоят наравне с булавами и доспехами, когда вы видите двадцать первый век через перевернутый телескоп времени. Это и есть ухватить и понять настоящее, далекое будущее.

Мы построили для себя чужой город, думал Алекс. Все равно что город на Марсе. Мы построили его, чтобы отдалиться, отвратиться от настоящего, которое, как нам кажется, разлетается на части. И как только Вавилон перестанет быть нам чужим, мы сможем приступить к спасению, искуплению будущего. Мы очистим его от угрозы. Мы познаем его не только через метод Дельфи или компьютерное прогнозирование — модели мира или алгоритмы, коренящиеся в настоящем. Не разумом. Но эмоционально.

И тогда, может быть, мы начнем понимать собственные чувства. В особенности чувства к Деборе. Каковы бы они ни были.

— Знаешь, — признался он, поверяя ей свой сон, — мне сегодня снилась война.

— А чего еще ждать, — бодро воскликнул Гупта, — если вы посетили храм Мардука!

Волшебный миг… Был и нет. Дебора легкомысленно рассмеялась.

— Для одного дня чепухи вполне достаточно. Пойдемте отсюда.

Гупта взял ее за руку.

На улице Дебора снова вернулась в роль заезжей греческой дамы. И, отняв руку у Гупты, пошла сама по себе.

На следующее утро Дебора, несмотря на призывы гонга, не вышла к завтраку. Четыре торговца-вавилонянина еще накануне покинули постоялый двор со своими ишаками, а их заменил лишь один новенький. Точнее, новенькая — желчная и грубая особа неопределенного возраста, припарковавшая во дворе ручную тачку с клеткой, набитой резвыми курами-пеструшками.

Новоприбывшая сидела в столовой, ковыряя ложкой овсянку. Набу тоже был на месте и выглядел так, словно, взяв пример с Гупты, проглотил собственный язык. Присутствовал и индиец, улыбавшийся несколько туманно и натянуто. Прислужница обходила комнату привычным дозором.

Алекс отодвинул пустую миску.

— Дебора, должно быть, еще спит. Я, пожалуй, подниму ее.

— Ага, — сказал Гупта. — Она ушла. Отправилась в храм Иштар. Ни свет ни заря.

— Шутите?

— Конечно, нет. Я тоже проснулся рано. Выполнял упражнения йоги для сохранения подвижности.

— Уж то хорошо, что хоть за ней не помчался, — фыркнул Набу. — Дал уйти в отрыв, а?

— С какой стати мне преследовать Дебору? Я ей не чужой. И на ее благосклонность сегодня не претендую. Вообще-то, — он с ухмылкой взглянул на Алекса, — смею предположить, что она ушла так рано для того, чтобы посидеть у ворот храма. Немногие мужчины жаждут потрахаться рано утром, разве что кто-то страдает утренней эрекцией. Ха-ха, петушок поет! В более подходящий час женщина калибра Деборы не засидится. Может, причина в скромности? Кто знает?

— Извините. — Алекс торопливо поднялся. Прямой маршрут к храму Иштар прервался у канала Либил-хегалла. Он подошел к платформе между двумя складами над широкой мутной водой. Тупик. Лодок было немного. Груженные капустой, табуретами, овечьими шкурами, они двигались в обоих направлениях, исчезая за подступающими вплотную к каналу зданиями. Из выступающих из стен труб вытекали бурые струйки — нездорового запаха, однако, не замечалось, поскольку вода в канале все же уходила, лениво, медленно,

но заметно.

Как он мог забыть о канале? Теперь Алекс вспомнил, что, направляясь к постоялому двору, они с Деборой пересекли его по какому-то мостику. Мостик был где-то недалеко, по где — справа или слева? Как найти его, чтобы не упереться в еще один тупик? Все эти улочки, хоть и пересекались преимущественно под прямым углом, все равно складывались в лабиринт.

Расстроенный Алекс торопливо вернулся на улицу Сина и поспешил к пересечению с улицей Мардука, которая шла через канал. Вскоре он оказался в квартале — точнее, в треугольнике с изогнутой гипотенузой, — образованном улицей Мардука, каналом и аллеей Процессий.

Успокоившись, Алекс сбавил шаг. А что, собственно, он собирается делать? Подсматривать? Как вуайерист? Бросить монетку? Это против правил. Он ведь уже знает Дебору, хотя и не в карнальном смысле, на что намекал Гупта. Черт бы побрал этого наглеца.

Вмешаться? Разубедить?

Смешно!

И почему он вообще должен что-то делать? Почему бы не заняться чем-нибудь поинтереснее? Сходить в греческий театр? Посмотреть висячие

сады? Или провести день за рекой, знакомясь с новым городом? Какое ему до всего этого дело?

Алекс все еще шел к храму Иштар. Пару раз пришлось остановиться, уточнить дорогу у встречных торговцев. Первый подсказал с охотой, хитро подмигнув. Второй холодно сказал:

— Здесь недалеко, возле греческого театра, есть стриптиз. Македоняне обычно ходят туда. И девочки рады услужить. Потерпи до вечера.

Очевидно, сей добропорядочный гражданин не мог принять и одобрить поспешность, с которой чужестранец стремился вкусить сладких радостей Вавилона.

— Я знаю, где это! — буркнул Алекс. — Сам там остановился.

— Тогда что же? Не желаешь платить по настоящей цене? Думаешь, сможешь купить за медяк то, что стоит дороже золота? Можешь, но добра не жди! Или боишься подхватить хворь, от которой моча вскипает и пенится? Или же нужда твоя сродни нужде Приапа?

Алекс уже был готов заявить протест против оскорбительных обвинений, когда вдруг сообразил, что торговец, может быть, нарочно провоцирует его на уличную ссору — с бог весть какими последствиями.

— Я договорился встретиться там с другом, — миролюбиво сказал он.

Незнакомец неохотно указал путь. И, как потом выяснилось, обманул. Выяснилось это, к сожалению, по прошествии немалого времени.

В просторном, затененном ливанскими кедрами дворе лежали рядами тростниковые коврики, расстеленные прямо на земле и разделенные дорожками из соломы.

Тут и там на ковриках сидели женщины; одни — скрестив ноги, другие — подтянув к груди колени. Было их около тридцати. Полы простых платьев образовывали что-то вроде чаши для подаяния. Лица их были не накрашены, но волосы у каждой перехватывал плетеный золотой шнур. Само храмовое здание представляло собой зал со стенами из глазурованного кирпича и высокими окнами, напоминавший неф будущей церкви с идущей вдоль одной стены крытой галереей.

Деборы среди ожидавших женщин не было. По крайней мере Алекс не увидел ее от ворот, охранявшихся двумя стражниками. Они стояли спиной друг к другу, с бесстрастными лицами наблюдая один за двором, другой за внутренним помещением храма. Мужчин в столь ранний час оказалось лишь двое. Они неторопливо бродили

по соломенным дорожкам, оценивая женщин, которые терпеливо и скромно ждали своей очереди, не позволяя себе ни улыбки, ни томного взгляда, ни кокетливой игры ресницами. Так, во всяком случае, показалось остановившемуся у ворот Алексу.

По прошествии некоторого времени один из мужчин пожал плечами, бросил монетку и что-то сказал. Сидевшая перед ним женщина поднялась, и они вместе направились к входу в зал. Другой посетитель завершил обход — нерешительностью он заметно отличался от оживленной стайки бодро скачущих рядом воробьев — и направился к воротам как раз в тот момент, когда Алекс наконец решился войти во двор.

Завидев его, незнакомец ворчливо пробормотал по-гречески:

— Пышка-простушка. Лошадь. Мышка. Шлюшка. Карлица. Бабуся. Штучка, похожая на мою сестру. Прыщавая. Веснушчатая. И три, которых я уже знаю! Проклятие, уж лучше бы открыли храм с мальчиками. Прошлым вечером, как рассказал мне один знакомый, сюда перед самым закрытием приходила одна девчушка, сильно смахивающая на паренька. Похоже, наврал, негодник! Какая злая шутка! Если только он

не имел в виду ту оборванку. Может быть. Да только у нее нос течет. Не хватало еще насморк подхватить.

От незнакомца густо несло пачулями. Зрачки расширены, как у наркомана. Волосы завиты и обильно смазаны маслом. Нос смотрел несколько в сторону, как бывает после перелома. Чисто выбритое, по-женски гладкое лицо заставило Алекса вспомнить о собственной двухдневной щетине.

Солдат, смотревший в сторону храма, осклабился и что-то сказал на вавилонском.

Алекс торопливо отступил на пару шагов от предполагаемого педераста, который и не подумал перейти с греческого на вавилонский.

— В чем дело, мой отважный громила?

Он вытянул руку и осторожно провел пальцем по наконечнику копья. Солдат сердито бросил что-то на вавилонском.

Незнакомец отшатнулся в притворном испуге и схватил Алекса за руку.

— О ужас, он говорит, что я не могу уйти отсюда, пока не выберу кого-то! А иначе погладит меня по ребрам этой острой штуковиной.

Алекс решительно высвободился. Нельзя сказать, что он испытывал к незнакомцу какое-то

особенное отвращение — пора наивности давно миновала, — скорее ощущал некую неясную угрозу. С другой стороны, перед ним, похоже, был человек, способный не только играть с системой, но и выходить сухим из воды.

Если только в дополнение к своим сексуальным наклонностям он не был еще эксгибиционистом и мазохистом. И мазохистом осторожным, явившимся к храму пораньше, чтобы избежать встречи с мужчинами более простых вкусов, которые могли бы ополчиться на любителя нетрадиционных забав.

— А вы ведь хотели бы сами оказаться на месте одной из них? — внезапно спросил Алекс, выразив вслух внушенную озарением мысль.

Попал он в цель или нет, неизвестно, но щеголь с завитыми волосами злобно заворчал.

— О боги! — Впрочем, он тут же взял себя в руки. — Ох-хо, пожалуй, пусть будет оборванка. За пару недель прочихаюсь.

Вернувшись в храм, он бросил монету и что-то сказал своей избраннице. Поднявшаяся тощая девица едва доставала ему до груди.

Алекс вдруг понял, что и он тоже не сможет выйти со двора, пока не выберет кого-нибудь. Медленно, вопреки отчаянно заколотившемуся

сердцу, он прошел по соломенной дорожке. Что, если Дебора появится сейчас из храма? Что, если она только подошла к воротам? Алекс чувствовал себя как будто голым, что было довольно-таки странно, учитывая ситуацию с заранее определенными ролями. Странно и смешно.

Большинство женщин собирали волосы наверх тугими пучками, скалывая их заколками, серебряными, бронзовыми или костяными, в зависимости, вероятно, от социального статуса — в противном случае отличить знатную леди от содержательницы пивной было весьма затруднительно, поскольку все они приходили сюда в скромных платьях и без косметики. У некоторых в волосах запутались соломинки — должно быть, они провели ночь во дворе или на галерее. Не исключено, что некоторые оставались здесь много дней и ночей и устали настолько, что уже махнули рукой на строгие требования к туалету.

Описывая женщин, педераст определенно сгустил краски, перебрав с черной, но в целом его характеристики оказались довольно точными. Вот прыщавая, вот толстуха, а вот и лошадь, угловатая и костлявая. Рыженькая с веснушками показалась Алексу вполне симпатичной. Была еще загорелая блондинистая молодка — груда-

стая, пухлая и сальная. Внимание его привлекла и миловидная негритянка с гладкой, будто полированной кожей, под которой проступала рельефная мускулатура; такая, пожалуй, могла, зажав крепкими зубами, гнуть железные прутья.

Сильная женщина педерасту, конечно, пришлась бы не по вкусу. Грудастая его тоже бы не соблазнила.

Какой омерзительный подход к оценке людей. Но разве не оценивал он при этом и себя самого? Разве не оценивал критерий собственного выбора, обнаруживая при этом те персональные мерки, которые при обычных обстоятельствах никогда бы не получили такой свободы самовыражения?

Нет, эта бы педерасту не понравилась… Так Алекс перекладывал вину с себя на другого.

Если незнакомец и впрямь любитель мальчиков, зачем приходить в женский храм? В Вавилоне гомосексуальность преступлением не считалась. Александр Великий любил как мужчин, так и женщин. «Греческая любовь» и все такое…

Возможно, педераст находил удовлетворение где-то еще, но предпочитал подростковый тип молодым мужчинам. А может быть, рафиниро-

ванный вкус отвращал его от такого грязного удовольствия, как совокупление через задний проход. Тоже объяснение…

Мысли пошли вразброд, и Алекс заставил себя сосредоточиться. Очевидный выбор — загорелая блондинка. А лошадь? Физиономия, конечно, жуткая, но ведь это еще не значит, что у нее не может быть прекрасного тела? Они оба могли бы испытать нечто новое, неоднозначно волнующее. В соединении тел, привычных к такого рода маневрам, есть некая фамильярность, и Алекс, не будучи особенно искушенным в подобного рода вещах, все же не был полным невежей. Уродливая женщина может быть неловкой в любовных утехах. И, наоборот, может быть куда более чувственной; тогда как красота нередко уживается с фригидностью. И даже если уродине недостает изощренности в искусстве любви, это не означает, что она не может быть знатоком местных обычаев. Так что, идем знакомой тропинкой? Нет.

Алекс уже был рад, что не застал Дебору, хотя к храму подходили все новые женщины, а за ними, естественно, потянулись и мужчины.

Чему он радовался? Тому, что у нее все так быстро решилось? Тому, что она не увидела его

здесь? За кого он радовался — за себя или за нее?

Алекс вдруг понял, что храм помогает людям постичь себя: разобраться в запутанных чувствах, увидеть в себе ложное благородство, лицемерное притворство, эгоизм и вожделение, понять иллюзорность устремлений — с тем чтобы научиться наконец любви, преданности и радости? Храм Иштар обнажал и встряхивал болото эмоциональной рутины и в этом смысле служил промежуточной станцией на пути в будущее, понять и постичь которое надлежало прежде всего эмоционально.

Выбор его в итоге оказался случайным. Краем глаза он заметил выходящую из зала Дебору, которую сопровождал высокий чернобородый мужчина в тюрбане.

Алекс в этот момент находился в конце ряда, около женщины, более всего подходившей под характеристику «мышка». Маленькая мышка с короткими каштановыми волосами и мелкими, вполне заурядными чертами; не красавица и не уродина, так себе, ни то ни се. Ей, пожалуй, не было еще и двадцати. Он опустил руку в мешочек, вытащил первую попавшуюся монету и, не глядя, бросил ей на колени.

— Ты.

Она едва заметно улыбнулась.

— Полагается сказать «Во имя богини».

— Во имя богини.

Она легко поднялась, держа в пальцах серебряную монету.

Может быть, именно таким и должен быть в идеале выбор в храме Иштар? Наугад. Бросил монетку — орел или решка. И монетку тоже доставать наугад. Пусть все решает случай.

И пусть Дебора — она как раз шла через двор — думает о нем что хочет. Если, конечно, заметила. Ее, похоже, занимают собственные мысли. А может, она лишь старательно делает вид, что ничего не видит.

«Мышка» шагнула к храму, и Алекс, оказавшись сзади, заметил в ее коротких волосах золотую заколку.

Через высокие окна струился мягкий свет. Комнаты для парочек вытянулись по одну сторону нефа, напоминая ряд исповедален. Немногие занятые были завешены тяжелыми парчовыми шторами; в одной из них, несомненно, укрылся и педераст со своей избранницей. Никаких звуков из-за штор не доносилось. В тех, что оставались свободными, Алекс видел ложе, кувшин с водой, чашу, полотенце. Вино и фрукты, маленькая

горящая лампада. «Мышка» повела его к алтарю, мимо подметавшей пол и тихонько насвистывавшей себе под нос старухи. Другая старуха меняла белье и наливала свежую воду в комнате, которую, должно быть, только что освободили Дебора и ее любовник. Наверное, каждая из приходящих в храм женщин на какое-то время становилась в нем жрицей. У алтаря «мышка» опустила серебряную монету в большую золоченую вазу, уже наполовину заполненную другими монетами. Из котла тянуло ароматом сандала и ладана. Спутница Алекса опустилась на колени и произнесла короткую молитву на вавилонском. О чем она молилась? Чтобы он не был груб с ней? Или чтобы небо не дало ей ребенка?

Женщина направилась к кабинке между двумя другими свободными кабинками. Они вошли, и Алекс задернул шторы. Глядя один на другого, разделись в прыгающем свете лампады. На мгновение он представил ее в школе или в церкви какого-нибудь захолустного американского городка. Но нет — здесь она была вавилонской блудницей.

Маленькие, но упругие груди. Узкие бедра и выбритый лобок, из-за чего она казалась еще более юной и обнаженной. А вот подмышки

волосатые.

Тела их соприкоснулись, и он забыл о школах и церквях.

Получилось вполне удовлетворительно. После нескольких неловких тычков он без труда проник в тесное влажное лоно и быстро кончил, после чего еще немного подвигался, что, как показалось, пробудило в ней ответное желание. Постепенно он снова набрал ритм. На этот раз до эякуляции дело не дошло, зато она достигла оргазма, завершившегося на пике не вскриком, а тихим вздохом.

Потом Алекс лежал, поглаживая ее волосы и золотую заколку.

— О чем ты молилась у алтаря?

— Я молилась за тебя, грек.

Может быть, вопросы задавать не принято? С другой стороны, они уже в некотором смысле обменялись достаточной информацией друг о друге. Вскоре «мышка» зашевелилась, давая понять, что хочет встать. Он поднялся.

— Вина?

Она покачала головой, несколько раз обмакнула руку в кувшин, побрызгала на бедра и между ними, вытерлась полотенцем и начала одеваться.

Алекс последовал ее примеру. Раздеваясь, он осторожно снял и сложил набедренную повязку, чтобы не обнаружить спрятанный в ней сверток, но теперь забыл о своем маленьком секрете, и тот, выскользнув, упал ей под ноги. К ужасу Алекса, она наклонилась, подняла сверток и прошлась по нему пальцами.

— Что это у тебя, грек? Амулет-оберег для чресл?

— Нет, нет.

Девушка развернула ткань, обнажив пластиковую коробочку.

Глаза ее расширились.

— Святая Иштар!

— Дай сюда! Не смотри!

— Не смотреть? Да тут и одного взгляда достаточно. — Она вовсе не торопилась возвращать дата-картридж. — Интересные ты прячешь штучки. Да еще в таком месте. Ну и ну.

— Ты права, это что-то вроде амулета. Она постучала ногтем по пластику.

— О нет, нет. Ты знаешь, что это, и я тоже знаю, что это. Здесь такого не найдешь. — Голос звучал спокойно, и Алекс мог бы поклясться, что находка ее нисколько не испугала. — Где взял?

— Нашел. — Где?

— Это упало с осла. Она весело рассмеялась.

— Ну конечно! Мимо проходил осел, и эта штука свалилась тебе под ноги. Точнее, в причинное место.

— Что-то вроде того. Я не знал, что с ней делать, собирался спрятать где-нибудь. Раз оказалась в Вавилоне, значит, на ней что-то важное. Только вот для кого? И почему?

— Послушай, грек… Кстати, как тебя?

— Алекс.

— Какое знатное имя. Меня зовут Фессания. — Она протянула руку, но не ту, в которой была кассета. — Будем знакомы.

Странное дело — пожимать руку тому, с кем только что лежал голый в постели.

— Не думаю, что здесь принято называть друг друга по имени, а, Фессания?

— Наверно. Только ведь у нас все изменилось, тебе не кажется?

— Не обязательно.

— Обязательно. Все изменилось. Понимаешь ли, Алекс, я ведь дама не из простых. — Она как-то странно, с горечью, усмехнулась, словно вспомнила другие времена и другие места. — Происхождение ко многому обязывает. У меня есть определенные амбиции, планы. Я многого

жду от жизни. Во мне бурлят неутоленные желания! Вот что, я, пожалуй, все-таки выпью.

Алекс разлил вино по двум кубкам из темно-синего стекла, выложенных белыми фестонами. Отменный вкус вина стал для него приятным сюрпризом.

— Я так понимаю, что ваша милость не замужем?

— Не совсем.

— Собираешься? Она кивнула.

— Наверно, придется. У замужней женщины намного больше возможностей для интриг.

— А наказание?

— Неудача — сама по себе наказание.

— Я имею в виду — за измену.

— Только если отравишь или порубишь мужа на кусочки. В остальных случаях все решает сам супруг. Может побить, если захочет. Или посмеет. К тому же крутить роман можно под крышей и покровительством Иштар. Такое здесь часто случается. Но обходится недешево. У старушонок, что здесь прибираются, отличная память на лица. Попробуйте втереть богине очки, и вам быстро дадут понять, что одной монетой здесь не отделаться. Возьмут пять. Золотом.

— Возмутительная безнравственность!

— Нет, не безнравственность. Религия. Все религии притягивают деньги. Все что-то продают: спасение, прощение, благословение, победу. Но кто тут говорил об интрижках? Только не я, мой дорогой Алекс! Я говорю об интриге намного более интересной. Так по крайней мере представляется мне, особе относительно юной и непросвещенной.

Укор? Неужели он оставил ее неудовлетворенной? Или, может быть, она ищет совсем иного удовлетворения?

А я-то считал ее «мышкой», — подумал Алекс. — Как можно так ошибаться?»

— Итак, ты собираешься замуж, а потому сначала решила сходить сюда. — Однако она не была девственницей, по крайней в мере в его понимании этого слова.

Словно догадавшись, о чем он думает, Фессания криво усмехнулась.

— Было дело с одним парнем. Мне тогда исполнилось тринадцать. Я и выглядела помоложе. Тот, о ком я говорю, побывал сегодня здесь.

— Тот, который выбрал девчонку-оборванку?

— Да, Он. Наверно, еще не отпустил. Такая вот я скороспелая. Потом вмешались другие интересы. А сюда пришла оживить былые ощущения, на-

помнить себе, что меня ждет.

— И как? Оживила?

— Да, все в порядке. — Она вздохнула. — Честно говоря, мне лучше в одиночку: не отвлекаешься и воображение стимулирует. Впрочем, на воображение я и сегодня не могу пожаловаться.

От комментариев ее оценки его как любовника Алекс предпочел воздержаться.

— А разве твой… хм… любовник не рисковал, соблазняя тринадцатилетнюю девочку из знатной семьи?

Любовник! Смешно! Напыщенный хлыщ и извращенец! Ясно, что в связи Фессании с извращенцем было что угодно, кроме любви.

— Риск сладок.

Тринадцать… Когда Фессании было тринадцать, Вавилон только-только открыл свои ворота. Можно предположить, что сюда ее привезли родители — первые поселенцы имели немалые преимущества.

— Ты знаешь, за кого выходишь?

— За мужчину. Остальное не важно.

— Но он должен испросить разрешения у твоего отца?

— Разумеется.

— И кто же папочка? Чем заведует? Инспектор

речного движения? Или, может, президент гильдии парфюмеров? Поставщик овощей ко двору Александра?

фессания хихикнула.

— Давай лучше вернемся к нашему делу. Если мы хотим раскрыть секрет амулета, — который она по-прежнему держана в руке, — то нам надо как-то поддерживать связь, верно? Где ты остановился?

— Постоялый двор «Меж двух шкурок». — Он протянул руку за кассетой, но вместо нее получил пустой кубок.

— Если эта штучка вывалится из повязки где-нибудь на улице, тебя ждут серьезные неприятности. Или твою комнату может обыскать правительственный агент. В конце концов, тебе могут устроить засаду под видом ограбления. Нет, Алекс, владеть этой штучкой слишком опасно. Я же могу спрятать ее в надежном месте.

— С какой стати правительственный агент… А, понимаю. Ты меня шантажируешь.

— Пожалуйста, налей вина. Какой ты неотесанный. Сначала уложил в постель, теперь не даешь утолить жажду.

Алекс налил ей, потом себе и тут же выпил.

— Лучше бросить ее в канал.

— Нет-нет! Так не пойдет. Тебя могут обвинить в уничтожении собственности вавилонского правительства.

— Значит, ты о ней позаботишься? Возьмешь риск на себя?

Уступать кассету Алексу очень не хотелось. Он с некоторым даже раздражением осознал, что находка стала для него неким дурацким талисманом. Другие носили всевозможные магические амулеты на шее, он же таскал свой за поясом. Некоторым образом кассета действительно играла роль талисмана. Считать записанную на ней информацию он не мог, а ждать появления соответствующей техники оставалось две с лишним тысячи лет. Так что находка оставалась своего рода магическим предметом, мистическим образом связывавшим Алекса с далеким двадцать первым веком, который он покинул то ли на время, то ли навсегда. В этом смысле пластиковая коробочка превратилась в иррациональный ключ к его персональной машине времени. Расстаться с ним Алекс боялся — даже вопреки желанию стать настоящим вавилонянином, что тоже было некоей формой капитуляции. Он посмотрел в глаза Фессании.

— Оставишь ее у себя — сама окажешься в

непростом положении. Ты же не хочешь, чтобы я имел рычаг давления?

Пока она вела себя уклончиво, не называла имени отца, не говорила, чем занимается и где живет…

— О, червячок шевельнулся? Думаю, я доверю эту вещицу моему другу Мориелю. Для хранения и изучения.

— Кто такой Мориель?

— Мориель? Я же тебе о нем рассказывала. Педераст! Педофил! И невесть кто еще…

— Ему? Так ты его считаешь надежным? Полчаса назад твой приятель едва не получил копьем в брюхо. Нет, с таким типом я не желаю иметь никаких дел.

— Такой тип может быть очень надежным и полезным. Ему ведь приходится быть крайне осторожным, чтобы не обнаружить некоторые особенности своего поведения. Да, он подходит нам идеально.

— А по-моему, он только саморекламой и способен заниматься.

— Может быть, но за рамки не выходит. А еще у него отлично развит инстинкт самосохранения. Он всегда знает, где нужно остановиться. Я не помню случая, чтобы его занесло. К тому же Мо-

риель цирюльник, что дает ему доступ в самые разные круги. Его мастерская в верхней части города, на перекрестке Эсаглии и Каср. — Фессания допила вино. — Поторопись. Подожди его во дворе. Найдем тихую улочку, чтобы никто ничего не заметил.

— Я бы предпочел держать связь напрямую с тобой.

— Нисколько не сомневаюсь. Но в хорошей интриге самое важное — безупречный посредник. Тот, кто может держать руку на пульсе — собирать слухи, узнавать последние новости, быть в курсе скандалов. Тот, у кого есть порочные связи.

— А если Мориель уже ушел?

— Я бы очень удивилась.

Поведение Мориеля, когда они перехватили его во дворе, уже не показалось Алексу столь возмутительным, как при первой встрече. Взгляд стал осмысленнее, зрачки пришли в норму. Цирюльник определенно разрядил распиравшие его чувства.

Втроем свернули в ближайший переулок, замусоренный свежими очистками. Фессания провела переговоры. Кассета, завернутая в тряпицу, перекочевала из рук в руки. После этого Фессания отправила Алекса в одну сторону, сама

двинулась в другую, а Мориель остался на месте — предаваться мрачным раздумьям.

Таким образом, Алексу не удалось проследить за своей новой знакомой и установить ее местожительство, если, конечно, она направилась домой. На постоялый двор он вернулся с желанием поскорее увидеть Дебору.

Во дворе Гупта разговаривал с хозяином — кругленьким лысым косоглазым мужчиной, судя по имени Камберчанян, армянином. Владея также и стриптиз-салоном, Камберчанян питал глубокую ненависть к кожевенной мастерской и делал все возможное, чтобы выкупить участок и перепрофилировать заведение в модное ателье. Таким образом он рассчитывал истребить мерзкий запах щелочи, золы, квасцов и навоза, вторгавшийся на территорию его нынешних владений каждый раз, когда ветер дул в их сторону. Вонь была причиной того, что постояльцы нередко сомневались в качестве приготовляемых блюд, а некоторых клиентов даже отвращала от его девушек. У разборчивых посетителей стриптиза — а свои надежды Камберчанян связывал именно с ними — развились странные фантазии: будто бы разоблачение девушек неким загадочным образом связано со снятием плоти, жира и шерсти с

кожи животных. Дух смерти, витавший по одну сторону постоялого двора, мог отпугнуть тех, кто искал удовольствий по другую.

Все эти обстоятельства всплыли накануне вечером, когда удрученный хозяин присоединился к гостям в пивной. Несчастный Камберчанян никак не мог понять, что выбрал для модного ателье не тот район города.

Заметив Алекса, Гупта полетел на него, как шмель на цветок.

— А я тут подбираю зернышки деловой информации. Как? Получилось?

Алекс только хмыкнул.

— Ну же, расскажите дяде Гупте.

— Это не ваше дело. Вас оно не касается.

— Вот как? Тогда и дела нашей очаровательной Деборы не ваши. Вернувшись из храма, она собрала вещи и ушла.

— Шутите!

— Никогда не был так серьезен. Старик Камбер совершенно расстроен. Такая потеря. У этой женщины есть класс. Он-то собирался предложить ей весьма соблазнительную работу. Наш хозяин лелеет мечты о величии и славе. Никакого чувства реальности — хотя, казалось бы, реальность у него и перед глазами, и под руками! Может быть,

поэтому девочки и держатся за него. Он внушает преданность. Уверенность! Поэтому я ищу у него совета, хотя и воспринимаю все им сказанное с долей здорового скептицизма. Процветание — оно как беременная лошадь: сегодня есть, а завтра нету. Или красота. Или невинность.

— Куда она ушла, Гупта?

— Понятия не имею.

У Алекса похолодело в груди.

— И вы не попытались остаться с ней па связи?

— В такие игры играете вы, но не я.

— А по-моему, вы лжете.

— Может, да, может, нет. То, что вы видите, всегда может оказаться иллюзией.

— Думаю, вы знаете, куда она отправилась.

— Вообще-то да. Она где-то здесь, в Вавилоне. Рано или поздно здесь все встречаются. Вот и вы когда-нибудь наткнетесь на нее. Может, завтра, может, через десять месяцев.

Тот мужчина в храме! Они обо всем договорились! Только он, больше некому. Значит, Дебора пошла с ним.

Алекс попытался вспомнить, как выглядел незнакомец. В годах, мускулистый, но не плотный. Высокий, с завитой черной бородой. На голове тюрбан. Дорогое платье. Трость, которой

он помахивал с привычным апломбом, инкрустирована костью. Узор спиральный… Стоп. А не путает ли он его трость с другой, с той, которую держал в руке враждебно настроенный торговец, указавший ему неверный путь к храму?

Можно ли найти спутника Деборы? И как?

Ну, все не так сложно. Сам Алекс ничего сделать не мог, но Фессания наверняка приметила столь заметного мужчину. Весьма вероятно, что она знает его. Есть еще Мориель. Может быть, это он подстригал и завивал незнакомцу бороду?

Только вот стоит ли обращаться за помощью к цирюльнику? К тому, кто, несомненно, донесет на него Фессании? Хочет ли он, Алекс, давать ей дополнительный козырь против него? Заложника в лице Деборы?

Впрочем, выход есть. Дебора знает о существовании картриджа. Она могла рассказать о странной находке своему новому приятелю в тюрбане, который определенно занимает какое-то высокое положение. Следовательно, у Алекса есть все основания навести о нем справки и выяснить, не к нему ли отправилась Дебора.

В таком случае ссылка на какие-то особые чувства к Деборе вовсе и не обязательна. Она всего лишь знакомая, случайно увидевшая кассету у

него в руках. Игра усложнялась: теперь уже он плел паутину интриги вокруг сбежавшей Деборы точно так же, как Фессания сплела ее вокруг него самого. Алекс понимал, что должен вытащить нужную информацию из Фессании — последовав примеру собирающего зернышки Гупты, — а иначе многого в Вавилоне не добьешься, особенно в делах сердечных. Собственно, других у него и не было. И ни в коем случае нельзя выдать Фессании свои истинные чувства!

Пожалуй, Алексу тоже не помешало бы перебраться в другое место. Почему Фессания должна знать, где он живет, а не наоборот? Если она предпочитает держать связь с ним через Мориеля, то почему бы и ему не сделать то же самое?

С другой стороны, Дебора может устать от своего вавилонского красавчика или он от нее. И тогда она, не исключено, вернется в «Меж двух шкурок». Увы, придется остаться.

— Какая затянувшаяся медитация, — сказал Гупта. — Вы снова что-то потеряли. На этот раз Дебору.

— Снова? А что я потерял раньше?

— Вы ведь испугались, что потеряли что-то вчера утром, а? Что касается вашей подружки, то, насколько я понимаю, у вас появился некий

ключик. Вы бросились на поиски ее в лабиринте Вавилона. Мысленно, разумеется. И нашли путеводную нить, скользкую шелковую ниточку, столь же опасную и коварную, как та, из который плетет свою сеть маленький паучок.

Поразительная точность этого замечания всколыхнула прежние подозрения. Фессания упоминала о работающих на правительство шпионах, а Гупта уж слишком усердно водит наживкой у него перед носом. Для человека, прибывшего в Вавилон сравнительно недавно, индиец удивительно проворен. Поселившись на постоялом дворе Камберчаняна не более двух недель назад, он демонстрировал не свойственную новичкам осведомленность.

Действительно ли Гупта приехал в Вавилон вместе с Набу? Пожалуй, стоит спросить у самого нубийца. И еще одно: Гупта определенно понравился Деборе. Могла ли она рассказать ему о находке Алекса?

— А потом этот коварный паучок оплетает сетью несчастную простодушную муху и утаскивает ее в свое логово!

Нет, Гупте доверяться нельзя! Ни в коем случае.

— Может, оставила записку у меня в комна-

те, — небрежно сказал Алекс. Возразить против такого предположения индиец не мог, даже если и побывал в комнате Алекса во время его отсутствия. Даже если заметил, что из стены вынимали кирпич. — Пойду взгляну. А вы продолжайте собирать зернышки.

Проверив комнату и не обнаружив никакой записки, Алекс отправился к Набу.

Нубиец был у себя — обнажившись по пояс, он делал отжимания.

— Можно войти?

— Конечно. — Набу вскочил и, схватив полотенце, начал растираться. — Вот подумываю, может, лучше стать борцом, чем писцом.

Алекс закрыл дверь.

— Дебора ушла.

— Вот как? Жаль. Такая милая дама. Это из-за вас. Вы с Гуптой ее достали.

Алекс пожал плечами.

— Извини, если обидел тебя вчера. Я не хотел, честно. Можно задать вопрос?

— А кто мешает? Спрашивай.

— Вы с Гуптой поселились здесь в один день?

— Точно.

— А в Вавилон добирались вместе?

— Нет.

— Уверен?

— Конечно, уверен, черт возьми. А что?

— Думаю, Гупта здесь уже давно.

— Ты имеешь в виду на постоялом дворе?

— Да нет же! В городе.

— И чем он тут занимается?

— Шпионит понемножку.

Набу подошел к окну и выглянул во двор.

— Сейчас он болтает с Камбером. Это, по-твоему, и есть шпионская работа?

— Сказал, что выведывает у него кое-какую деловую информацию.

— Зачем ему, если он не новичок в городе, выведывать что-то у Камбера? Парень, у тебя паранойя.

Алекс сдержанно улыбнулся.

— Сервивалисты все параноики. Этот город основан на паранойе.

— Полнейшая чушь.

— А вот и не чушь. Вавилон — проект выживания. Выживание здесь не детская забава для наивных простаков.

— Типа меня, да? Я ведь наивный простак?

— Я имею в виду другое. Здесь с тобой может случиться все что угодно. Тебя могут подкупить, заманить в ловушку, уничтожить. У правитель-

ства наверняка есть секретные агенты.

— У какого правительства?

— Вавилонского. Не исключено, что своих шпионов могли прислать и другие. Греция, Индия, Карфаген. — Алекс криво ухмыльнулся. — Выживание — дело тяжелое.

— Все зависит от точки зрения. Судя по тому, какой путь выбрал ты, закончишь игру в темном переулке с проломленным черепом. Прими дружеский совет. Расслабься. Не напрягайся.

— Расслабься? И это советует человек, взмыленный, как скаковая лошадь.

— Ну и что? Зато я никого не задел, никому не наступил на мозоль.

— Вавилон — вот мой череп, — отвечая на собственные мысли, пробормотал Алекс. — Вот что я должен расколоть. Город — мой череп.

— Что ж, играй в свои игры, раскалывай черепа, — бросил Набу, — только меня в них не втягивай.

Так случилось, что в тот же день Набу покинул постоялый двор и исчез из жизни Алекса; разве что однажды, совершенно случайно и издалека, на вавилонской ярмарке в поле за вратами Адада ему попался на глаза чернокожий здоровяк с лоснящейся от масла кожей и почти голый, если не

считать набедренной повязки и кожаных ремней на запястьях и лодыжках. Неф демонстрировал мышцы, обрабатывая черный вулканический камень, напоминающий более темный, мобильный, более пластиковый вариант диоритовой колонны на Дворцовой улице с начертанными на ней десятью тысячами клинописных знаков законами Хаммурапи, нравственными установлениями для города, который больше почитал их элегантное словесное оформление, нежели собственно содержание.

Однако же наказание в Вавилоне, как впоследствии узнал Алекс, могло настигнуть нарушителя внезапно и быть очень жестоким. Иногда, впрочем, правосудие состояло не в применении жестоких мер, а в освобождении от них.

Только такой вариант будущего и ждал нубийца. Чтобы взглянуть поближе и снять все сомнения, нужно было пройти меж шумными рядами мелочных торговцев, предсказателей, жонглеров и шутов, но сделать это Алекс не рискнул.

Короче говоря — подобно сказочному мальчику-с-пальчик, отправившемуся в опасное путешествие и захваченному лесными феями или обитающей на болоте заколдованной лягу-

шачьей семейкой, принимающей человеческий облик не чаще раза в год, — в тот день нубиец навсегда исчез из его жизни.

Глава 3

в которой Алекс сорит деньгами и становится дурным предзнаменованием

Летели дни. Небритое лицо Алекса приобретало все более достойный вид по мере того, как щетина превращалась в бороду. Слоняясь бесцельно по городу, он исходил весь квартал Этеменанки, после чего приступил к знакомству с новым городом. Вернувшись однажды после длительной экскурсии, Алекс заглянул в греческий театр, где давали «Андромеду» Еврипида, некогда утраченную, но теперь обретенную.

Хвастовство матери Андромеды, не устававшей расхваливать красоту дочери, задело за живое владыку морей Посейдона, и он наслал на землю страшное чудовище. Чтобы откупиться от Посейдона, девушку приковали цепями к скале в качестве угощения для морского дракона.

Пока актеры в масках разыгрывали на сцене сию драму, Алекс прикидывал ее на себя.

Можно ли сравнить Дебору с несчастной Андромедой? И не Алекс ли выступит в роли смелого Персея, который спасет девушку, обойдясь без

помощи знаменитого крылатого коня?

Разместившиеся во множестве на каменных сиденьях зрители бурно откликались на происходящее и вообще вели себя так, словно находились в театральной ложе. Они пили и ели. Аплодировали и дудели в дудки. И даже когда хор исполнял торжественный танец, интерлюдии сопровождались свистом тех, кто либо сокрушался из-за прискорбной утраты чистоты хореографии, либо выражал свое одобрение по противоположному поводу. И все же в самые трагические моменты при исполнении отдельных сольных партий в сопровождении одинокой флейты зал затихал. Один из таких монологов Андромеды запал в душу Алекса. Позднее он купил текст у театрального писца.

АНДРОМЕДА (в цепях):
Подобно той Елене, настоящей,
Что Трои не видала никогда,
За призраком которой корабли
В тщете носились, волны рассекая,
За призраком, что так любил Приам,
Видением, ниспосланным богами,
Чтоб разума навек лишить мужей,

Иль, может быть, видением богини,
Желающей Елену сохранить
От вожделения Париса и безумств
Тех, суждено кому разрушить Трою…
Я тоже в жертву отдана фантому
Тщеславия отца, что вызвал гнев
Великого владыки Посейдона.
Но смерть моя куда как не фантомом
Представится, когда придет морское
Чудовище, что эти берега
Из года в год привыкло разорять.
Что, если это чудище реально,
А не пиратами придуманные сказки,
И можно откупиться от него
Лишь кровью взлелеянной невинности моей!
И кто мои оковы разорвет, как не пират?
Ведь знают все: герои — пираты те же
Под другим прозваньем, с судьбой ведущие
Неравную борьбу, у времени похитить

Пытаясь мантию величья. У богов
Крадущие бессмертия огонь. И у самих
Могил забвение пытаются украсть.
И все ж не для того ль герои место
Желают у истории отнять,
Чтоб возвести на нем свой фаллос власти?
Не сыновей и дочерей чтоб породить,
Но имя, только имя героя,
Перед которым женщины должны,
Колени преклонив, молиться и стенать?
И все равно душа героя жаждет,
Пирата жаждет, чтоб взял меня
И муки ожиданья прекратил.
А может быть, герой с пиратом в схватке
Сойдутся и падут к моим ногам,
Оставив рядом меч окровавленный
И острый зуб чудовища морского,
Чтоб цепи разорвать и распилить.
Оковы сбросив, я б умчалась прочь

И стала жрицею в укромном храме леса,

Там, где не рыщет привиденье-бог,

Где не выходит, ухмыляясь, он из тени

В обличье безмятежном пастуха

И,не всплывает из глубин наядой

С грудями крепкими и прядями златыми,

А после, маску сбросив, предстает

Самим собой. Ах, рвется как душа

Моя меж страхом перед поруганьем

И страхом быть спасенной от него.

Ах, как безумно мучает меня

Желание обеих этих судеб…

Но что это, на берегу какой-то шум,

Какой-то скрежет когтей… Иль не когтей?

Шаги и звон железа? Я слышу: о воздухе

Доносится дыханье, какой-то шорох быстры

Словно конь в галоп пошел по облакам,

Его копыта на кружевах их оставляют дыры.

Из них сочится дождь, иль это слезы неба?

Откуда, с моря или с неба он идет?

Герой ли он? Бог? Зверь иль человек?

А может быть, я слышу сердца собственного

Стук, потока крови эхо в цепях,

Что держат крепко, как любовника объятья?[4]

За несколько дней до постановки «Андромеды» Алекс прогулялся до перекрестка Эсаглии и Каср, в душе опасаясь и отчасти надеясь, что не найдет там никакого салона.

Ни опасения, ни надежды не подтвердились. Заведение Мориеля стояло на указанном месте и представляло собой довольно внушительное угловое здание. Сводчатые проходы, снабженные крепкими ночными ставнями, открывались на расположенную на первом этаже парикмахерскую и на соседствующий с ней салон красоты. Надпись на греческом и клинописью извещала:

ДОСТОЙНЫЕ

---

[4] Примечания: 4
Перевод Л. Криволапова.

ВАС ОТДЕЛЬНЫЕ КАБИНЕТЫ НАВЕРХУ ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЗАПИСИ

У входа в парикмахерскую раб с татуировкой на лбу и засунутым за пояс мечом сторожил впряженного в легкую колесницу серого жеребца. Другие клиенты, должно быть, прибыли пешком: пара бородатых брадобреев и два бородатых цирюльника усердно обрабатывали мужскую и женскую головы. Посетители восседали на деревянных тронах, цирюльники и брадобреи стояли на низеньких скамеечках. Заведение не бедствовало, что подтверждалось имеющимися в изобилии бутылочками с маслом и благовониями, горшочками с мазями, костяными гребнями, бронзовыми щипчиками, медными пинцетами, маникюрными наборами, морскими раковинами с румянами и краской для век, бритвами, квасцовыми палочками, щетками из верблюжьей шерсти, тазиками, зеркалами, завивочными клещами и маленькими угольными жаровнями для нагревания последних.

Дожидаясь, пока мастер доведет до совершенства завитую и намасленную прическу клиента, Алекс задержался у входа. Наконец мужчина поднялся, полюбовался собой перед зеркалом,

расплатился за работу и взял из вазы ореховую трость. Алекс тут же прошмыгнул в парикмахерскую и занял освободившийся трон.

— Чего угодно, господин?

— Э-э… угодно стрижку.

— Стрижку? Но у вас и без того короткие волосы, как же я могу сделать вам стрижку?

— Ну… тогда побрейте.

Мастер похлопал Алекса по щеке мягкой пухлой ладошкой.

— Я бы предложил обратное, господин. Хотя если вы предпочитаете брить лицо…

— Такой стиль предпочитает ваш хозяин, Мориель. Вообще-то я пришел повидаться с ним. Он может меня обслужить?

— Хозяин занят, господин. Он никогда не работает внизу. И принимает по предварительной записи.

— Полагаю, меня он примет. Скажите, что меня зовут Алекс. Алекс-грек.

— Разве я не сказал вам, господин Алекс, что он занят? — раздраженно ответил цирюльник.

В этот момент из-за тростниковой двери появился сам Мориель. Придерживая дверь и кланяясь, он выпустил красивую даму, чьи рыжие волосы напоминали вспыхнувшую ярким

пламенем высокую поленницу. Дама тоже наклонилась, чтобы не испортить прическу соприкосновением с притолокой, и, сопровождаемая Мориелем, направилась к колеснице, подняться на которую ей помог татуированный раб.

Хозяин вернулся, и Алекс тут же соскочил с трона.

— Извините, Мориель!

— О, наш знаменитый тезка собственной персоной! Какая честь. И так скоро после нашей последней встречи. По редчайшему совпадению у меня как раз есть пять свободных минут. Пожалуйте наверх.

Они поднялись наверх, прошли по коридору и свернули в просторную комнату, окно которой было затянуто марлей, служившей препятствием как для любопытных взглядов снаружи, так и для насекомых.

Зеркала и чаши, бутыли, гребни и кувшины. Гребни здесь были только серебряные, чаши из фарфора. На одной полке — самые разнообразные золотые и серебряные заколки для волос, на другой — причудливые сооружения из медной проволоки, каркасы для будущих вычурных причесок. Три оштукатуренные стены украшали живописные фрески: полнотелые гаремные

одалиски, купающиеся в мраморных фонтанах, разлегшиеся в вольных позах на диванах или прихорашивающиеся на фоне роскошных занавесей.

Трон для клиентов был дополнен мягкой подушечкой, дерево покрыто позолотой.

— Чему обязан таким удовольствием? Времени на решение нашей маленькой загадки было слишком мало, здесь требуется крайняя осторожность. А вот прийти сюда без предупреждения и в рабочее время — верх неосторожности. Или вам так не кажется?

— Может быть, но есть кое-что, о чем вам следует знать.

И Алекс изложил заранее подготовленную версию событий, связывавшую между собой маленький свиток — так он решил называть кассету, — Дебору и мужчину, которого видел с ней в храме Иштар.

Мориель задумчиво погладил гладкий, как у евнуха, подбородок.

— Хм-м, интересно.

— Вы ведь тоже там были. Может быть, и мужчину видели.

— Что? А, нет. Кажется, нет. Я ведь и не присматривался. Был занят другим. Отделен от мира

занавесом.

— Подумайте! Мориель наморщил лоб.

— Если эта жрица Иштар такая, какой вы ее описали, я бы не забыл. Я бы не прошел мимо… если бы только не был одурманен каким-то экзотическим порошком.

— Так вы видели ее или нет?

— Увы, увы. Кстати, кто вас больше интересует: он или она?

— Оба, — торопливо ответил Алекс. — Она могла рассказать ему.

— Ах да, да. Ложе — ключ ко многим тайнам! По себе знаю. Вы, конечно, можете предположить, что те, с кем делю ложе я, слишком юны и незрелы, чтобы скрывать что-то, но смею вас уверить, их секреты — самые сочные. Я так люблю их, эти первые тайны, но слишком часто, к моему удивлению, под нежной кожицей свежего плода обнаруживается гниль, а под закрытой крышкой — клубок змей.

— Мне обязательно все это слушать? У нас же всего пять минут!

— Послушать вам не помешает. Может быть, Фессания и есть тот самый плод. Что касается описанного вами мужчины, то, боюсь, у меня нет ничего, кроме смутных догадок относительно

его личности. Все они требуют уточнения, подействовать нужно осторожно. Признаюсь, я и сам заинтригован, как выразилась бы наша общая знакомая. Жаль, но вам пора. Ждите сообщения.

Когда Алекс вернулся на постоялый двор после посещения греческого театра, прислужница Хыммым вручила ему письмо: две сложенные вощеные дощечки с восковой печатью, на которой просматривалось изображение рогов — то ли бараньих, то ли рогоносца.

— Кто принес?

— Хм-м, мм! Ым! — с чувством ответила Хыммым. При более детальном рассмотрении удалось выяснить, что оттиск печати представляет собой стилизованное изображение гривы или шапки волос. Алекс поспешил в комнату, сломал печать и раскрыл дощечки. В сообщении, написанном заглавными греческими буквами, говорилось следующее:

МОЙ ЮНЫЙ ДРУГ!

ИНФОРМАТОРЫ ТРЕБУЮТ НЕМЕДЛЕННОЙ ОПЛАТЫ. МЕНЯ ОСАЖДАЮТ КРЕДИТОРЫ, ПОСКОЛЬКУ БЛАГОВОНИЯ И МАЗИ СТОЯТ ДОРОГО, А ПОСТАВКИ ПРИОСТАНОВЛЕНЫ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА МОИ ДОСТОПОЧТЕННЫЕ КЛИЕНТЫ НЕ РАССЧИТАЮТСЯ ПО СЧЕТАМ. УВЫ,

ТАКОВЫ ПРИВЫЧКИ ЗНАТИ. ПАРИКМАХЕРЫ НЕ ЖЕЛАЮТ РАБОТАТЬ БЕСПЛАТНО — НИ БОЛЬШЕ НИ МЕНЬШЕ. К ТОМУ ЖЕ Я ВЫНУЖДЕН ВНЕСТИ ВОЗМУТИТЕЛЬНЫЙ ПО РАЗМЕРУ ШТРАФ ИЗ-ЗА СФАБРИКОВАННОГО ОБВИНЕНИЯ. НАША ОБШАЯ ЗНАКОМАЯ УЕХАЛА НАВЕСТИТЬ ТЕТЮ В БОРСИППЕ. ОНА, НЕСОМНЕННО, ВОЗМЕСТИТ ВАШИ РАСХОДЫ, ПОСКОЛЬКУ РЕЧЬ ИДЕТ О НАШИХ ОБШИХ ИНТЕРЕСАХ. ПОСЫЛЬНЫЙ НАВЕСТИТ ВАС ЗАВТРА УТРОМ. ВОЗМОЖНО, БУДУТ НОВОСТИ И ПО ДРУГОМУ ДЕЛУ. ДАЙТЕ ЕМУ СЕМЬ СЕРЕБРЯНЫХ ШЕКЕЛЕЙ.

ВАШ ДРУГ М.

Какое еще «другое дело» имеет в виду Мориель? Кассету? Или Дебору? Непонятно.

Семь серебряных шекелей. В Вавилон Алекс прибыл с двадцатью шекелями. Двадцать шекелей, как говорили, стоил дешевый, немощный раб. (Цена на сильного, молодого и красивого могла доходить до девяноста.) Самый низкооплачиваемый работник получал в год десять шекелей. Пару шекелей Алекс успел потратить, один отдал Фессании в храме. Камберчаняну за кров и пищу, предположительно, еще два. Если заплатить семь Мориелю… Дохнуло холодком подступающей бедности. А не слишком ли

многого от него хотят? Он и так уже расстался со свитком. Алекс твердо решил не отдавать деньги.

На следующее утро Алекс торопливо проглотил традиционную овсянку и вышел во двор, сделав вид, что любуется одинокой пальмой, на которой устроилась парочка голубей. Его восхищение голубями разделял и облезлый черный кот, наблюдавший за птицами из своего укрытия за деревянной бочкой с водой. Рассчитывая, что голуби сами прилетят ему в лапы, кот бросал на Алекса сердитые взгляды.

Появившийся у входа мальчишка сначала замялся в нерешительности, потом направился к Алексу. Посыльный был бос и практически гол, если не принимать в расчет короткую драную юбчонку. Лет десяти-одиннадцати, с копной черных волос, пропеченный до коричневой корочки солнцем и грязный, как будто только что вывалялся в пыли.

— Ты от Мориеля? Мальчонка кивнул.

— Есть новости? Кивок.

— Говори.

— Господин Мориель сказал, что вы сначала должны дать деньги.

Посыльный отскочил на шаг, словно подо-

зревая, что Алекс, услышав о деньгах, может схватить его за руку.

Алекс пожал плечами.

— Сначала я хочу услышать новости.

— Господин Мориель сказал, что я должен рассказать новости тому, кто заплатит деньги. Он сказал сколько. Если вы дадите сколько надо, значит, вы тот, кто нужен. А иначе вы можете быть и кем-то другим.

— Хозяин постоялого двора может подтвердить, кто я такой. Позвать его?

Мальчишка покачал головой.

— Господина Камберчаняна все знают. Он на выдум-горазд.

Один из голубей слетел на землю. Кот напрягся, припал к земле и, сделав пару осторожных шагов, прыгнул. Птица взмахнула крыльями и, набрав высоту, метко обделала обидчика.

— Мне пора возвращаться, — сказал мальчишка. — Новости важные, но надо спешить. Так что? Это вы или не вы?

— Я.

Алекс попытался совершить обходной маневр, чтобы отрезать посыльному путь отступления, но сорванец оказался проворнее.

— Новости ждать не будут, — предупредил он.

— Ладно. Семь серебряных шекелей. Так?

— Но где они? Не вижу денег.

Досадуя на самого себя, Алекс отсчитал шекели и положил их на протянутую ладонь. В следующий момент его деньги исчезли под грязной юбкой.

— Вам надо поспешить в Праздничный храм. Это за северной стеной. Там вы увидите гречанку и узнаете, кто тот человек. Дело со свитком продвигается медленно. Семь шекелей откроют тайную дверь. Все.

Прежде чем Алекс успел открыть рот, мальчишка развернулся и бросился наутек.

— Подожди!

От двери в столовую за Алексом с интересом наблюдал Гупта.

— У вас получилось! Мальчонка исчез! — Он похлопал в ладоши. — Причем с вашими деньгами. Хороший трюк.

— Я тоже исчезаю.

Алекс повернулся было к выходу, но остановился после первых же шагов. Привратник куда-то ушел. Время истекало, а как найти кратчайший путь? Как ни неприятно обращаться за помощью к индийцу, но он вряд ли станет обманывать, тогда как случайный встречный может отправить

в противоположном направлении.

— Гупта! Я вас с собой не приглашаю, понятно?

— Абсолютно, саиб.

— Скажите, как быстрее всего попасть к Праздничному храму? Пожалуйста!

— Легко. Идите все Бремя по улице Сима. Пройдите ворота. Потом будет мост через ров. Дорога к храму идет на северо-запад. Не пропустите.

Кивнув в знак благодарности, Алекс бросился со двора.

Син — бог луны, как Шамаш — бог солнца, а Иштар — богиня Венеры. Изображали его в виде мудрого старца с бородой цвета лазурита и с огромным тюрбаном на голове. Кроме того, Син отмерял время, а время распределяет историю. Он был также хранителем мудрости, к которому раз в месяц, в период наибольшей яркости, обращались за советом и консультацией другие боги. И еще его считали врагом ночной преступности.

Торопливо шагая по улице, ведущей к северной стене, Алекс замечал приметы и других грехов[5]. Какие-то обкуренного вида типы сидели на корточках у стены или слонялись бесцельно, никого и ничего не замечая. Не здесь ли, на улице Сина,

---

[5] Примечания: 5

Син — в переводе с англ. «грех».

добывал Мориель недозволенную фармацевтическую экзотику? Например, афродизиаки? Хватало здесь и стриптиз-салонов. Может быть, существование подобного рода заведений под эгидой бдительного бога служило указанием на то, что здесь, в Вавилоне, они вовсе не являются рассадниками зла и порока?

У врат Сина Алекса окликнул вооруженный копьем стражник.

— Куда идешь, грек?

— К Праздничному храму.

— Ты не вавилонянин.

— Пока нет.

— Плата за вход четверть шекеля.

Алекс с неохотой протянул бронзовую монетку. Стражник достал из кожаной сумки вощеную дощечку.

— Имя? Дата прибытия? Адрес местопребывания?

С трудом сдерживая раздражение, Алекс ответил на вопросы. Опираясь для равновесия на копье, стражник усердно водил бронзовым стилом по воску.

— Пройти-то можно? Я спешу, приятель.

— Подождешь. — Солдат переписал все на нижнюю половинку дощечки, после чего переломил

ее пополам и протянул нижнюю половину Алексу. — Представишь на выходе. Да не потеряй, а то придется заплатить еще раз.

— Отлично. Спасибо.

Схватив пропуск, Алекс проскочил через ворота, украшенные зелеными розетками и белыми серпами полумесяцев, покачивающимися, как лодки, на синих волнах.

За мостом Сина дорога разветвлялась, уходя дальше через зеленеющие поля. Храм возвышался в четверти мили от развилки: зиккурат, похожий на огромный зеленый артишок. У входа толпились люди, чуть в стороне парковались колесницы.

Спустившись с моста, Алекс увидел, что народ начинает расходиться, а пара колесниц уже отъезжает. Одна взяла курс на лежащую дальше к западу цитадель, пассажиры другой были заняты разговором. Он побежал.

Дебора сидела в колеснице. Одетая в белое сари, она внимательно слушала своего спутника — чернобородого мужчину с огромным тюрбаном, роскошное, поблескивающее золотыми нитями платье которого выдавало знатного вельможу.

Отдав рывку все силы, Алекс перешел на шаг. Встреча должна выглядеть случайной. Не бежать

же за колесницей, выкрикивая имя Деборы. И все же поторопиться пришлось — вельможа взял поводья. Предположив, что колесница покатит к вратам Иштар, Алекс свернул с дороги и бросился наперерез через утыканное капустой поле. Поводья щелкнули, вороной рысак ожил, и колесница тронулась.

Алекс так и не успел достичь дороги, когда экипаж прокатился мимо. Все, что он успел, это вскинуть в приветствии руку и придать лицу выражение приятного удивления. Насколько последнее удалось, судить трудно.

Заметив Алекса, Дебора осчастливила его улыбкой и неопределенным жестом, однако не попросила спутника остановиться.

Ну и черт с ним! К счастью, вороной трусил неспешной рысью, и Алекс, выбравшись наконец на дорогу, припустился следом, надеясь сойти за энтузиаста-джоггера. Догонять экипаж он не спешил. Дебора оглянулась всего лишь раз. Но как только колесница миновала проезд между внешней стеной и цитаделью, Алекс рванул вперед.

Добежав до проезда, он увидел, что колесница уже пересекает мост перед вратами Иштар. Путь ему перегородил стражник. Алекс торопливо протянул половинку дощечки.

— Подожди-ка, грек! Это же пропуск через ворота Сина!

— И что?

— Ты должен вернуться через те же ворота.

— Я заплачу! — Алекс сунул руку в мешочек и, отыскав четверть шекеля, бросил монетку солдату.

— О Шамаш! Придется выписывать новый пропуск.

Колесница тем временем исчезла из виду. На то, чтобы догнать ее, рассчитывать не приходилось. Попробовать проскочить? Алекс представил, как в спину впивается копье, и остановился.

— Ладно, проехали! Выйду через ворота Сина. — Алекс протянул руку за монетой, которая тут же исчезла в жадной лапе стражника.

— Ты уже заплатил мне, — довольно ухмыльнулся тот.

— Я передумал.

— Из-за таких вот и работать стало невозможно.

— Так-то у вас обращаются с гостями? Послушай, деньги ведь все равно пойдут не в твой карман. Какая тебе разница?

Стражник не ответил.

— Понятно. Ты получаешь долю.

— Деньги идут на поправку ворот. Благое дело, грек.

— Благое дело? Заглянешь в храм Иштар? Или отправишься на улицу Сина?

Стражник нехотя разжал толстые пальцы.

— Ладно, грек, забирай. Я тебя запомню.

Схватив монету, Алекс повернул к Праздничному храму. Те, кто не мог позволить себе колесницу, возвращались в город пешком. Не все внушали доверие, а потому он пропустил несколько человек, пока не встретил симпатичную парочку: один высокий и толстый, другой — маленький и тощий. Бородатые Лорел и Харди[6] в юбочках и голые по пояс. Груди месопотамского — или гиппопотамского — Харди грузно подрагивали при ходьбе.

— Извините, почтенные, не соблаговолите ли вы ответить на вопрос любопытного чужестранца?

— С удовольствием, — отдуваясь, ответил Харди, похоже, обрадовавшись поводу остановиться.

— Можете ли вы объяснить, что происходило сейчас в том храме?

— Могу и объясню. Каждый год боги выбирают

---

[6] Примечания: 6

Лорел И Харди — американские комедийные артисты.

невесту для Мардука. Нынче очередь Сина. Жрец Сина Шазар и будущая невеста совершали жертвоприношение на нейтральной территории. Прорицатели изучали внутренности и другие знаки. Масло на воде. Течение дыма.

— Все предзнаменования отличные, — добавил Лорел.

— Жрец Сина… это мужчина в большом тюрбане? Кивок.

— А женщина в белом — будущая невеста?

— Именно так.

— И какая невеста! — воскликнул Харди. — Ее с полным правом можно провозгласить самой красивой женщиной во всем Вавилоне. Уверен, она заслуживает всех положенных почестей и даров. На протяжении года ей предстоит быть сияющим символом нашего города: красавицей Вавилона. И совершенно справедливо.

Похоже на победу в конкурсе «Мисс Мира», подумал Алекс.

Олли Харди похлопал себя по животу. Жирные складки затряслись.

— Двенадцать месяцев она будет согревать ложе бога. Насладиться ее обнаженной красотой смогут все, но только раз, и то будет кульминацией их свадьбы. Истинное удовольствие для

всех болящих и голодных — пир Красавицы и Шазара! Приглашенные могут считать себя счастливчиками. Когда? Через месяц. Невеста еще не вавилонянка, хотя все знаки указывают на то, что она скоро станет таковой. С приходом царя Александра мы уже не видим ничего плохого в том, что невестой Мардука избирается чужеземная женщина. Но, конечно, сначала ей нужно пройти обряд инициации в Вавилонской башне.

Дебора — невеста Мардука? Сначала она отправилась в храм Иштар, а теперь сумела найти способ предложить себя в невесты целому городу. Сделка явно в высшей степени прибыльная. Выйти замуж за саму власть — ведь государственная религия и есть власть. И при этом ей известно о кассете.

— А что потом? Когда срок истечет? — спросил Алекс.

— А потом — в Нижний мир, — сказал Стэн Лорел.

— Если только, — поправил его Олли, — она не зачнет ребенка от бога. В таком случае останется до рождения, а потом — прости-прощай. Ребенок, когда вырастет, станет жрецом или жрицей.

— И когда же такое случалось в последний раз? — скептически поинтересовался у приятеля

Стэн.

— У пяти последних ничего не вышло.

— Может, Мардук не желает иметь ребенка от жены, выбранной для него другим богом. Может, он перед тем, как взойти на брачное ложе, испрашивает совета у луны.

— Может быть.

— Или считает, что двенадцати месяцев с одной женой вполне достаточно.

— Может быть.

— Э-э… послушайте, уж не хотите ли вы сказать, что через год женщину убивают?

— Не убивают, — покачал головой Стэн. — Приносят в жертву.

— Ее приносят в жертву?

— Не публично, конечно, — сказал Олли. — Считается, что она просто уходит. Спускается в Нижний мир. Исчезает. Мардуку выбирают новую невесту, и город обновляется. Доброго тебе дня, грек. — И парочка продолжила путь.

Возвращаясь напрямик, через поля, к воротам Сина, Алекс напряженно анализировал ситуацию.

Почему Мориель отправил его к храму вместо того, чтобы просто изложить факты? Почему устроил все так, чтобы он опоздал на церемонию?

Чтобы позлить? Чтобы распалить ревность?

Насколько реальна угроза жизни Деборы по истечении года? Известны ли ей правила игры? Может, да. А может, и нет.

Если бы только он мог спасти Дебору, как Персей спас Андромеду. Если бы у него был крылатый конь. Картридж с кассетой — которая вполне могла оказаться пустой — на роль равноценной замены Пегасу никак не тянул. Да и где он сейчас, тот картридж?

Проклятый цирюльник! К черту его предупреждение не являться без приглашения. Алекс решил, что отправится в салон немедленно — высказать претензии и потребовать объяснений.

Страж у ворот Сина беспрепятственно, не чиня дополнительных помех, пропустил его в Вавилон. Миновав улицу Сина, Алекс погрузился в лабиринт петляющих улочек квартала Нинна, держа курс на внутренний город.

По пути ему попадались то маслобойня, то пивоварня, то скотобойня; встречались также недостроенные здания, кучи мусора и лужи грязи. Печные трубы окуривали небо серыми струями дыма. Алекс то скользил, то вдыхал запах крови, то задыхался от копоти и пыли и снова скользил. Где-то неподалеку, если только он не заблудился,

должен был проходить канал Процветания, Либил-хегалла. И действительно, словно в ответ на мысли Алекса впереди заблестела вода, а потом появился и мост, с которого он еще совсем недавно — а кажется, будто сто лет назад — восхищенно и самозабвенно взирал на Вавилонскую башню. Алекс пересек аллею Процессий и вступил на территорию внутреннего города. Еще несколько минут — и вот он, знакомый угол, на котором устроилось заведение Мориеля.

Напротив салона размещалась мастерская по изготовлению печатей и штампов с выставленными на витрине заготовками из горного хрусталя и халцедона. Алекс поболтался с четверть часа возле мастерской, незаметно наблюдая за парикмахерской. Ничего особенного: вот прибыл какой-то напыщенный щеголь, вот вышла какая-то расфуфыренная дама.

А потом… Из подкатившей колесницы выступила не кто иная, как сама Фессания! Та самая Фессания, которая, как уверял Мориель, отправилась с визитом в Борсиппу. К тете! Алекс метнулся через улицу.

— Эй!

— О! Ты? — Обильно наложенная розовато-лиловая краска скрыла румянец, который должен

был окрасить щеки обманщицы. — Молчи. На улице ни слова.

— Я скажу только одно. Ты же вроде бы как уехала в Борсиппу.

— Вот как? Ну, в таком случае я, должно быть, вернулась раньше срока. Поднимемся наверх и там поговорим. Вообще-то я рада тебя видеть.

— Неужели?

Возницей у Фессании был здоровяк с рыжевато-медной бородой и широкой обнаженной грудью. Ни татуировки, ни каких-либо других знаков рабского достоинства Алекс не заметил, из чего следовало, что человек этот свободный и работает за деньги. Скорее всего отец Фессании, зная о странностях и причудах дочери, специально приставил к ней свободного слугу, а не раба, обязанного беспрекословно исполнять все прихоти госпожи. Оставив возничего стеречь колесницу и коня, Фессания торопливо погнала Алекса на второй этаж.

— Мори! — крикнула она.

Цирюльник высунул голову из-за тростниковой двери и, заметив Алекса, отреагировал на его появление гримасой человека, сунувшего в рот недозрелый лимон.

— В голубую комнату, — бросил он и исчез.

Фессания втолкнула спутника в небольшое помещение, стены которого были заняты зеркалами и выложены небесно-голубой плиткой, вскочила на высокое кресло-трон и жестом предложила Алексу занять место на скамеечке у ее ног. Он предпочел постоять.

— Какая интрига! — с придыханием произнесла Фессания. — Будущая невеста Мардука! Кто бы мог подумать.

— Да, кто бы мог подумать. Только вот открытие это далось мне недешево. А за что я заплатил? И зачем понадобилось гонять меня к храму?

— Кто знает? — беззаботно сказала она. — Я думаю о другом: что будет, если выяснится, что невеста бога знала о нашем маленьком секрете?

— Ей грозит опасность.

— Опасность, какой пикантный соус. Я, кстати, тоже невеста, — задумчиво промурлыкала Фессания.

Алекс схватил с полки серебряный гребень и протащил его через взлохмаченные волосы. По крайней мерс что-то удалось распутать.

— Так что может произойти? Ну же!

— Она заявит протест, скажет, что ни в чем не виновата, что сверток подбросили.

— Подбросили… Кто? Кто, кроме тебя? Ты

явный кандидат. И мотив есть — всепоглощающая ревность. Мори сразу это понял. Он такой чуткий, милый Мори. Получается, что она все знала, но промолчала, утаила информацию. Поступила крайне необдуманно. Вы оба повели себя необдуманно. Люди царя Александра к пыткам обычно не прибегают — предпочитают перекрестный допрос с использованием аристотелевых силлогизмов огню, воде, веревкам и разным хитроумным механическим приспособлениям. Но вот люди Мардука… да… Не забывай, Вавилон — город восточной утонченности. Мне приходилось кое-что слышать…

— Ты же не захочешь сама оказаться под пытками, — осторожно сказал Алекс.

— Моя защита — социальное положение.

— Уверен, что твой дорогой, чуткий и милый Мори такой защитой не обеспечен. На днях его крупно оштрафовали. По крайней мере он так сказал.

— Он так сказал, — эхом откликнулась Фессания и улыбнулась.

— Неужели ты всерьез рассчитываешь помешать свадьбе Мардука?

Фессания посмотрела на него невинными, широко открытыми глазами. И даже похлопала

ресницами.

— Но ведь ты сам именно этого и хочешь. Расстроить их свадьбу. Сделать так, чтобы она не состоялась. Поправь, если я ошибаюсь.

Алекс сглотнул.

— Нет. Это помешает обновлению города.

— Каким ты вдруг стал патриотом. Я тобой восхищаюсь.

— Кстати, Мориель пообещал, что ты возместишь мне семь шекелей, которые пошли на подкуп информаторов. Я могу получить деньги?

— Я не ношу с собой наличные. Счета присылают мне домой.

— Может быть, я зайду сам. Она весело рассмеялась.

— Ты — красавчик.

Ничего существенного более не произошло. Заглянувший ненадолго Мори укорил Алекса за несвоевременный визит, а Фессания, внезапно смягчившись, пообещала лично заглянуть на постоялый двор через три дня и доложить о ходе дела. Поверил ли он ее обещанию? Не имея альтернативного варианта, Алекс откланялся.

Три дня. Три дня мук и терзаний. Алекс бесцельно слонялся из угла в угол, не находя сил вырваться за пределы проклятого круга: Фесса-

ния и Мориель, неведомый Шазар, судьба Деборы, интрига… Он то бесился от бессильной злобы, то впадал в отчаяние и чувствовал себя потерянным и беспомощным. Чтобы сэкономить, Алекс питался только на постоялом дворе и в кредит, но счет все равно рос и рос. Гупта наблюдал за соседом с живым интересом.

Однажды вечером, бродя по кварталу Этеменанки, Алекс попал на маленькую рыночную площадь, где торговали льняным и кунжутным маслами, фисташками и миндалем, кориандром и тмином, чесноком и луком. Посреди площади на тростниковом коврике лежал мужчина с серым как пепел лицом.

Когда Алекс проходил мимо, незнакомец прохрипел:

— Стой.

Не увидев протянутой за подаянием руки, Алекс остановился.

— Зачем?

Мужчина оторвал голову от подушки и попытался что-то сказать, но лишь закашлялся, отчего на щеках проступили нездоровые багровые пятна.

— Ты должен спросить, в чем дело, — просипел он наконец.

— Верно, — поддержала доходягу толстуха, предлагавшая прохожим вязанки лука. — Таков порядок.

— Ладно. В чем дело?

— Жуткая боль вот здесь. — Мужчина положил ладонь на грудь. — То приходит, то уходит. Как будто проглотил осиное гнездо, и они теперь жалят, когда их что-то донимает. Хуже всего рано утром.

— У тебя когда-нибудь так болело? — строго спросила у Алекса толстуха. — Если да, вспомни, что принимал.

Алекс покачал головой. Ужасно. Серьезно больной человек лежит прямо на улице, под открытым небом, надеясь только на то, что кто-то из прохожих поставит диагноз и предложит лечение. Если только он действительно болен, а не притворяется.

— Извините, но я помочь не могу. Очень жаль. Женщина с луком подошла ближе.

— У моей невестки болел живот, так ее вылечил такой, как ты, грек. Проходил мимо, остановился на этом самом месте и сказал, что надо принимать. Вы, греки, в медицине разбираетесь, точно? Асклепий и все такое?

— Я не врач. Может быть, тот, который помог

вашей невестке, и был врач, но…

— Каждый сам себе врач. — Она пожала плечами. — Ладно. Проходи.

Проходи? А может, сесть здесь, на рыночной площади, и объявить себя больным? Страдальцем. Смятение чувств, расстройство мыслей, душевный диссонанс — что-то вроде эмоционального рака, который так талантливо диагностировал Еврипид, первый драматург разделенного сердца.

Странно, но перспектива еще одного поворота бурава судьбы выглядела почти заманчивой.

В тот вечер, накануне обещанного визита Фессании, к Алексу за ужином обратился Гупта:

— Вы выглядите изможденным. Надо встряхнуться. — Как будто столовая была рыночной площадью, а индиец прохожим.

— Что пропишете?

— Предлагаю посмотреть стриптиз.

— Здесь, у Камберчаняна?

— Нет-нет. Я слышал о заведении более интересном. Это недалеко. А специализируются там на — ха-ха — метафизическом стриптизе.

— Как противоположности обычному, физическому? И что же, зритель должен притворяться, что видит, как женщины разоблачаются?

— С раздеванием там все в порядке. Но их действо заставляет аудиторию обнажать душу. Увидите.

— Хорошо, посмотрим.

Вечером они, каждый со своим фонарем, отправились на поиски просвещения по темным, но не тихим улицам, на которых уже рыскали, охотясь за рыбьими головами и прочим дневным мусором, бродячие коты и крысы.

Фонари над входом в заведение освещали вывеску с изображением раздевающейся танцовщицы. Пара македонских солдат прошла через открытую дверь вслед за некими сомнительного вида личностями.

— Вот мы и пришли — «Дом Вуали».

— От возвышенного к низменному, — пробормотал Алекс.

— Возвышенного?

— Не так давно я смотрел одну из величайших трагедий Еврипида.

— Считайте, что пришли на сатирическую пьесу, розыгрыш, что дополняет трагедийное трио. Или дополнял бы, не будь современная публика столь чертовски ленива.

— Не знал, что индийцы так хорошо разбираются в греческой драме.

— А почему бы и нет? Царь Александр открыл нам много нового. Взять, к примеру, домик на спине слона. Его придумал Александр.

— Сам? Лично?

— Удивительный человек. Жаль, что умирает.

Царь умирал последние пять лет. Должно быть, превратился в мумию, восковой муляж.

У входа они заплатили по четверти шекеля привратнику и, оставив у него фонари, прошли за солдатами в большое помещение. Освещенный лампами деревянный помост был увешан всевозможными занавесями. Перед сценой сидела на табурете женщина-флейтистка, развлекавшая столпившихся в полутьме зрителей. В воздухе висел тяжелый запах ладана, густая пелена дыма поднималась из расставленных по обе стороны от подиума глиняных горшков.

Через какое-то время на сцене появилась грудастая женщина в темном платье и с заплетенными в косички волосами.

— Добрый вечер, уважаемая публика! Стойкие поклонники мужских развлечений и безбородые юнцы! Не говоря уж о коварной даме, любительнице маскарада и ценительнице женского тела!

Кто-то из солдат разразился грубым хохотом. Распорядительница понизила голос, добавив

мрачных ноток. Флейта зазвучала необычайно низкими басами.

— Сегодня мои девочки исполнят Танец Смерти, Нисхождения в Ад, где спадают все покровы.

— Отлично! — крикнул другой солдат.

— А потом… Кто знает, что потом?

— Мы знаем! — ответил нестройный солдатский хор.

Мадам удалилась; представление началось. Из-за занавески, пригнувшись, выступила совершенно обнаженная чернокожая девушка лет пятнадцати-шестнадцати. Флейта взвыла точно новорожденный. Пританцовывая, девица прошлась по сцене, а потом начала срывать развешенные тут и там черные одежды и напяливать их на себя.

Ожидавшая развития событий в обратном порядке, изумленная публика притихла. Вскоре танцовщица полностью облачилась в черные кружева. Мало того, выпрямляясь, она как будто стала выше и взрослее. Процесс одевания, а вместе с ним и сольный танец завершились появлением на ее голове сверкающей короны.

На сцену выпрыгнула вторая обнаженная девушка. Эта была белая, но кожа ее была хитроумно разрисована напоминающими кости

черными полосами, и казалось, на помосте дергается и выгибается живой скелет. Двигаясь неуклюже, рывками, она преследовала черную девушку. И не просто преследовала, но и срывала с нее одежды, начав с короны. Завладев трофеем, белая отскакивала, с каждым разом все медленнее, неохотнее. Что-то жидкое, пот или слезы, стекало по лицу жертвы, из-под волос, застывая бороздками и морщинами, как отвердевающий воск. Лишаясь одежд, она уже не выглядела больше молодой, но казалась сморщенной, как высохшая слива. И когда белая воровка стащила последний покров, перед зрителями предстала старуха, усталая, согбенная, с обвислыми грудями. Белая танцовщица схватила свою добычу и утащила за плотный занавес. Тихо и жалобно всхлипнула флейта.

Неловкая пауза молчания, и аудитория разразилась аплодисментами. Обе девушки, черная и белая, выбежали на помост, чтобы поклониться. Первая уже не казалось такой древностью.

— Ловко! — сказал Гупта. — Надо освоить этот трюк с одеждами. — Какая-то липкая ткань. Морщинится, как старая кожа.

— Так это был только трюк?

— Сопровождаемый удачно подобранными

позами и жестами.

На сцену снова вышла распорядительница.

— Спасибо тебе, благодарная публика. А теперь вам предстоит узреть путешествие через пять ворот ада.

И тут Алекс сам вошел в первые ворота ада. Он похлопал по мешочку с деньгами и обнаружил его отсутствие. Приглушенно вскрикнув, обшарил себя всего. Потом опустился на корточки и постарался разглядеть что-то в темноте между ногами, как босыми, так и в сандалиях.

— Кошелек! Кто-нибудь стоит на моем кошельке? — Он выпрямился и схватил Гупту. — Это ваша шутка? Вы взяли мой кошелек? Говорите!

— Конечно, нет. Ничего подобного. Может быть, вы обронили его на входе, когда расплачивались. Подумали, что положили на место, а он выскользнул. Такое случается.

Под звуки ожившей флейты Алекс протолкался через толпу к выходу. Допросил привратника. Поискал на земле.

— Ну как, удачно? — поинтересовался вышедший следом Гупта. Лицо его выражало искреннее дружеское сочувствие.

— Ничего! — Алекс снова схватил индийца, провел руками по его спине, ощупал более сокро-

венные места. — Вы сказали, что здесь не только раздеваются, но и раздевают. Да, так! А что еще? Что еще у меня отнимут?

— Протестую. Хотя и прощаю, учитывая ваше состояние и невыдержанность. Какой ужасный шок.

— Что толку вас обыскивать. Вы могли спрятать его в задницу. Пожалуйста, Гупта. Пожалуйста, если мой кошелек у вас…

— У меня его нет. И быть не может.

Алекс повернулся к привратнику, с вежливым интересом наблюдавшему за происходящим.

— Отсюда кто-нибудь выходил?

— Вы двое.

— Я имею в виду кто-нибудь еще!

— После первого танца? Нет, вряд ли.

— Значит, вор еще там с моими деньгами.

— Очень удачно. Все, что вам нужно, это встать у входа и спрашивать каждого выходящего.

— Спрашивать?

— Да. Не поднял ли кто-то случайно ваш кошелек.

— Я требую, чтобы представление остановили. Пусть всех обыщут. Воровство — это преступление против закона.

— Конечно. Но сегодня там сорок человек. Кто

будет их обыскивать?

— Я. Если вы запрете дверь.

— Это вряд ли всем понравится. Там есть и агрессивные парни. Мало кому нравится, когда его ощупывают.

Алекс застонал и схватился за рукоять спрятанного под туникой доброго греческого ножа. Привратник протянул руку к лежавшей на полке дубинке. Алекс разжал пальцы.

— Дайте мой фонарь.

— С фонарем заходить нельзя. Нарушение баланса освещения.

— Верните мой фонарь! Я иду домой! Спать.

— Не спешите, — сказал Гупта. — С падением покровов смерти вор может испытать раскаяние.

— Что-то плохо верится. И я не намерен оставаться в одной комнате с тем, кто только что меня уничтожил.

— Это преувеличение.

— У меня нет больше денег, Гупта. Совсем. Я — нищий.

— Позвольте предложить вам заем. Могу выделить полтора шекеля на неотложные нужды.

— Щедрость вас погубит.

— Извините, я не Крез. Впрочем, вы вольны

отказаться. Сохраните гордость. — Чьи деньги предлагает Гупта? Собственные? Или его, Алекса? — Не хочу чрезмерно себя ограничивать. А этой суммой могу рискнуть.

— Спасибо. Я подумаю.

— А я останусь. Хочу досмотреть то, за что заплатил. Первый номер был на редкость поучительным. Будьте осторожны на обратном пути.

— Полагаете, меня может ждать засада? Новое ограбление?

— Возмущенная душа не ведает осторожности. Человек в таком состоянии думает, что ничего хуже случиться уже не может. А беда ведь в одиночку не приходит.

— У меня есть нож — если что, воспользуюсь! Гупта повернулся вполоборота, вслушиваясь в звуки

флейты.

— Прошу извинить. Не хочу пропустить что-нибудь… разоблачительное. — Он скрылся за дверью.

Алекс — в одной руке фонарь, другая на рукояти ножа — уныло потащился на постоялый двор.

Пророчество Гупты не исполнилось — он без приключений добрался до своей комнаты, но уснул не сразу. С одной стороны, ему позволяли

жить в кредит — по крайней мере до тех пор, пока Гупта не шепнет Камберчаняну пару слов. И кто знает, чем может обернуться визит Фессании, при условии, конечно, что она вообще придет? Алекс сосредоточился, заставляя себя думать о том, что она, как и обещано, появится на следующий день. А если не придет…

Фессания сдержанно оглядела голую комнату.

— У тебя есть что-нибудь, что можно продать?

— Те семь шекелей… я ведь как бы дал их вам с Мориелем в долг.

— В долг? Без расписки? Так не бывает. Лучше считай их инвестицией — в рискованное предприятие.

— В таком случае я, выходит, инвестировал все! Включая свиток.

— Свиток сам по себе совершенно не важен. Ты даже представить себе не можешь, сколько усилий, знаний и изобретательности вложили в это дело мы с Мори. Ты неблагодарный.

— И какова отдача? Что на выходе?

— И к тому же чудовищно нетерпелив. Действовать нужно осторожно, хитро, без суеты. Думаю, через три дня я смогу удивить тебя кое-чем. Но говорить заранее не стану — намеки только портят удовольствие.

— Через три дня. А что мне делать до тех пор? Хозяин вот-вот предъявит счет. Мне нужно хотя бы немного денег. — О предложении Гупты Алекс решил не говорить — это запасной вариант.

— Можешь продать себя.

— А разве я этого еще не сделал?

— Я говорю серьезно. Думаю, могла бы уговорить отца приобрести для меня раба. Шекелей сорок он бы за тебя дал. Жизнь не такая уж трудная. И у тебя будет много свободного времени, которое мы могли бы употребить на дальнейшее расследование. Все стало бы намного легче, будь ты под моей крышей.

— Скажи лучше, под твоим каблуком. Продаться тебе в рабство? Ты шутишь.

— В этом нет ничего бесчестного или постыдного. Всего лишь злоключение. Я смогла бы защитить тебя.

— Нет, чтобы попасться на эту удочку, надо быть полным идиотом. Сама идея — совершенное безумие. Продать себя в рабство чуть ли не в первый день пребывания в Вавилоне!

— Всякое бывает.

— Лучше уехать.

— Тебе нечем заплатить за выход из города. Будет чем, если воспользоваться щедростью Гупты.

— Кроме того, ты обязан пробыть здесь один лунный месяц. Городу недешево обходится содержание потенциальных граждан.

Интересно, позволят ли ему сесть на ховеркрафт раньше срока? Алекс попытался вспомнить, как выглядит это транспортное средство, но оно исчезло за облаком пыли. Откровенно говоря, ему уже и не вполне верилось в существование такой машины.

Деньги. За нож можно выручить несколько монет.

Никогда не разоружайся! Ни при каких обстоятельствах не позволяй себе оставаться беззащитным! Вбитые Митчем правила до сих пор прочно сидели в голове.

— Три дня? Точно? Поклянись.

Фессания перекрестила сердце и, подбежав к окну, крикнула своему рыжеволосому слуге, который остался с колесницей во дворе:

— Поднимись, Пракс! Проводи меня. Я ухожу.

Алекс лишь сейчас заметил, что держит руку на рукоятке ножа. Может, Фессания испугалась? Хорошо. Загони человека в угол, и он выпустит когти. Или просто свернется калачиком…

— Итак, через три дня? Здесь?

— Я обязательно приду. Клянусь.

Конечно, придет. Ее ведь хлебом не корми — дай только вдохнуть запах опасности. В дверь постучали. Кулаком.

— Войди, — отозвалась Фессания, и на пороге возник, почесывая грудь, Пракс. — А пока обдумай мое предложение, — мило проворковала гостья. — Для тебя оно самый лучший выход. Евнухом тебя не сделают — запрещено законом. Для этого тебе пришлось бы сначала изнасиловать дочь хозяина дома! — Она подмигнула. — Соглашайся. Уверена, в рабах ты долго не задержишься. Если наше предприятие ждет успех, сможешь легко выкупить свободу. Сейчас за тобой ничего, кроме одного-единственного долга за постоялый двор. Но у свободного человека расходы постоянно растут, а долги копятся, согласен? Если у тебя нет и четверти шекеля, ты пропал. Алекс молча смотрел на нес.

— Лучшие времена впереди, — ободряюще добавила Фессания. — Прежде чем продавать себя в рабство, тебе надо обязательно стать гражданином. Придется провести неделю в Вавилонской башне. Кому нужен раб, который не говорит на вавилонском? — Интересно, какую игру задумали Фессания с Мориелем, пока он, выбыв на время из строя, будет учить вавилонский? Одно

несомненно, кассета как-то связана с намеченным бракосочетанием Деборы и Мардука.

— Да простится мне такое предположение, — с горечью сказал Алекс, — но, по-моему, ты больше хочешь заполучить меня в качестве раба, чем я тебя. Так кто что продает и кому?

— Интригующий вопрос, — согласилась она. Вот и все, что принес визит Фессании.

Алекс бродил по городу с полуторами шекелями, которые позаимствовал-таки у Гупты, — они лежали в туго свернутом пакетике, пристегнутом к набедренной повязке бронзовой булавкой.

На поклон к индийцу он отправился почти сразу после ухода Фессании. В одном она была, несомненно, права: без денег слишком опасно. Это почти то же самое, что и остаться безоружным. В некотором смысле счет за все потерянное следовало бы предъявить Деборе. Если бы она не ушла, не дезертировала… Из-за нее его ободрали как липку и пустили голым по миру. С другой стороны, даже повстречай он на улице Дебору и явно преуспевающего Шазара, такой долг публично требовать не станешь.

Полтора шекеля. Какая-никакая передышка. А пока забудь о непредъявленном, а потому призрачном счете Камберчаняна — до завтра. Или

послезавтра. Или…

Расписку Гупта не потребовал. Возможно, сумма была для него пустяковой. Может быть, он и впрямь поступил так из дружеских чувств. Или только посмеялся тихонько про себя, не желая тратить время на заполнение глиняной таблички по поводу денег, которые сам же, пустив в ход какой-нибудь ловкий приемчик, и вытащил у недотепы.

Не в силах заставить себя забыть о деньгах — каждый раз, когда он пытался это сделать, они вспоминались сами собой, — Алекс дошел до Радужных или висячих садов.

Сады занимали семь террас дворца Навуходоносора с солнечной стороны. На нижнем уровне размещались конторы и складские помещения, а в дальнем северо-восточном углу — Зал Чудес. На сей раз Алекс подошел к дворцу с южной стороны, в том месте, откуда к тенистой зелени вели широкие мраморные ступеньки. Прохожий, остановившийся посреди пыльной и шумной улицы, видел кедры и кипарисы первой террасы, миндальные деревья и финиковые пальмы, хлопчатник Сеннахериба и оливы, частично скрывавшие верхние террасы. Как и горные террасы, они не только прятали, но и намекали

на существование других, более высоких террас, но только в данном случае гора была зданием, вытянутым зиккуратом из семи покоящихся на прочных колоннах уровней. Длина дворца превышала его высоту, хотя и высота была немалой.

Путь наверх охраняли македонские и персидские солдаты, которые, однако, никого не задерживали и никому не препятствовали. На середине лестницы, собравшись в кружок, судачили о чем-то несколько богато одетых дам. Стоявшие рядом слуги держали над их головами пышные опахала. Трое магов в черных одеяниях и высоких конусообразных колпаках спускались вниз, занятые оживленным разговором, — астрономы, астрологи, люди Мардука?

Алекс поднялся на первую террасу, прогулялся, взошел выше, на вторую: пальмы, папоротники и фонтаны. Одну за другой он осматривал террасы, оказываясь то в гуще кустов жасмина, то среди миниатюрных хвойных рощ, то в песчаном саду с суккулентами, то между терракотовыми урнами с высаженными в них апельсиновыми деревьями, лаврами и авокадо. Повсюду журчала, шумела и звенела вода, перетекая с уровня на уровень, низвергаясь водопадами, искрясь в струях фонтанов. Здесь обсидиановая статуя

сфинкса, там — крылатый бык, дальше — слон. В самом конце каждой террасы высилась аркада с выходом к самому дворцу.

Сделаться садовником в Вавилоне! Работать в висячих садах! Вычеркнуть из памяти маленький свиток, Фессанию, Мардука и деньги! По пути Алекс уже встретил нескольких занятых своим делом садовников. Вот и еще один: тщедушный старичок, окропляющий водой каменный бордюр пятой террасы, чтобы с него не поднималась пыль.

— Добрый день, садовник!

— И тебе добрый день, грек. — Согбенные плечи, неуклюжие руки, на сморщенной коже пигментные пятна.

Сидеть бы тебе, дедуля, в кресле-качалке на задней веранде с пледом на коленях, а не гнуть спину в Вавилоне.

Эмигрировать в Вавилон в преклонном возрасте! Или ему уже все равно, где умирать? И, может быть, чем раньше, тем лучше? Или Вавилон стал для него воплощением желания смерти? Но здесь, среди буйной зелени, в садах, которые сами по себе олицетворяют антитезу тлена? Возможно ли такое?

— На что смотришь, грек? — Садовник закаш-

лялся, хрипло, со свистом, хуже больного на рыночной площади.

— С вами все в порядке? Вы же стары.

Старик сплюнул, растер плевок подошвой сандалии и усмехнулся, явив беззубый рот.

— Умирают все, парень. Даже сам царь, а ведь ему всего-то тридцать три. Но это от лихорадки… Послушай. Ты, наверное, знаешь, что клетки тела заменяются много-много раз, но ведь существует и естественный предел, так? Город или царство — то же тело. А нет ли подобного предела у полиса, государства? Полис, который я покинул — Алекс понял, что старик имеет в виду Америку, — похоже, достиг своего предела. Предела, как тело. Подумай об этом.

Так ли? И где садовник постиг эту мудрость? Не здесь ли, в Вавилоне? Прозрение, достойное внимания НИИ в Эвристике: срок жизни каждого общества определяется неким изначально встроенным ограничителем?

Садовник огляделся, явно довольный меткостью и глубиной своего замечания и как будто ожидая аплодисментов от цветов и листьев, а Алекс вспомнил о своих подозрениях, что за всем происходящим наблюдают микрокамеры, а разговоры записываются через миниатюрные

микрофоны. Уж не занесена ли мудрость садовника в базу данных спрятанного под землей в далекой Эвристике компьютера?

Или все устроено так, чтобы старик, попав сюда, познал именно эту истину в качестве утешения накануне неизбежного расставания с миром?

Много странного происходило в городе. Странные приливы осознания и просветления накатывали, словно вызванные древней — но более молодой — луной, светившей некогда над первым, настоящим Вавилоном.

— Александр умирает от лихорадки, — прошамкал садовник. — Вчера взбунтовались солдаты. Хотели знать правду. Умрет ли царь. Будущее без него страшит их. Бессмертные не знали, как их усмирить. Успокоились только тогда, когда увидели царя собственными глазами… — Старик фантазировал, рассказывая вечную бессвязную повесть — о былом, о собственной молодости или о событиях двухтысячелетней давности.

Далеко внизу, за скрытыми листьями террасами, за несколькими парапетами Алекс увидел — или ему показалось — Дебору, прогуливающуюся со жрецом Сина Шазаром! Пальцы сжали увитую плющом балюстраду. Фигурки были слишком малы, чтобы сказать наверняка, а потом

их еще и скрыл баньян.

Он уже приготовился броситься вниз, промчаться зигзагом через шесть террас и попытаться перехватить гуляющих или проследить за ними — там будет видно! — когда садовник сказал:

— А почему бы тебе не навестить его?

— Навестить? Кого?

— Александра, конечно.

— Но… он же царь! Царя нельзя вот так запросто взять и навестить.

— Удивлен? Я здесь давно работаю и кое-что знаю. Говорю же, вчера к нему заходила делегация солдат.

— Но… — Но его ведь на самом деле нет! — Но он же умирает, — не забывая о микрофонах, сказал Алекс.

Садовник хмыкнул.

— Умирает-то он давно. Поди, надоело. А соотечественнику, может, будет рад. К тому же вы, греки, народ демократичный. Ну, были… когда-то… Теперь-то и вам приходится пресмыкаться, унижаться и выказывать почтение.

— Так вы действительно считаете, что я могу навестить царя Александра?

— Думаю, что да. В любом случае спросить не

помешает. Я же только садовник.

Невероятно. Сам царь Александр лежит на смертном ложе где-то в этом самом дворце, может быть, всего лишь в сотне шагов от него… Это Алекс знал. Знал определенно. Но он и представить не мог, что Александр на самом деле здесь.

Все проблемы вдруг отступили. Дебора и Шазар отодвинулась куда-то в дальний угол сознания, как никому не нужные куклы. Фессания и Камберчанян со своим счетом отступили на задний план.

Неужели царь Александр и впрямь существует? Или старик просто продемонстрировал Свое изрядно протухшее гериатрическое чувство юмора?

— Если не веришь, спустись на нижнюю террасу. Спроси у стражника.

— Спрошу.

Да. Да. И да!

Алекса обыскали — нет ли спрятанного оружия. Нож он уже сдал добровольно. Потом облачили в золоченые одежды — мера предосторожности на случай, если его собственная туника отравлена или ее жалкий вид оскорбит воспаленные очи царя. Необъяснимо веселый управляющий тщательно проинструктировал гостя: как поцеловать

кончики его пальцев, как поклониться, как пасть на колени.

— Его величество сегодня в своем обычном хмуром настроении, — доверительно добавил придворный, в шестой раз повторив, как именно положено падать ниц. — Иногда ему лучше. Он встает. Облачается в львиную шкуру и размахивает палицей, как Геракл. А то еще уподобляется Гермесу — сандалии с крылышками, посох. Или Амону — тапочки, пурпурная роба и рога па голове. Бывает, что и платьице в цветочек натягивает — тогда он Артемида. Но не сегодня.

Сопровождаемый двумя стражниками — один в расшитом наряде бессмертного и с копьем, нижний конец которого имел форму граната; другой — лучник в красно-синем, — управляющий провел Алекса в глубь дворца. Повсюду стояли искусно расписанные вазы, фигурки из полированной слоновой кости и жадеита — трофеи из Индии и более далеких стран. Пол был спрыснут ароматической водой и вином. В воздухе витали ароматы мирра и ладана.

Подойдя к массивным двойным дверям из украшенного резьбой тика, управляющий ударил посохом. Двери открылись в просторную комнату, потолок которой поддерживали выложенные

из кирпичей колонны в виде стволов пальм. Ветерок шевелил тонкие муслиновые шторы на окнах, но запах пролитого вина и ладана держался стойко и был так силен, что не столько ласкал обоняние, сколько напоминал о рвоте.

Царь лежал на широкой золоченой кровати с ножками в форме звериных лап и под балдахином. На серебряной кушетке валялись мятая пурпурная мантия, золотой браслет, ожерелье и алые ленты.

Алекс распростерся на персидском ковре — рисунок на нем изображал некоего монарха, бросающего в тенистый пруд дохлую рыбину — и пополз на коленях по вытканной воде.

— Поднимись, — произнес усталый голос.

Алекс поднял голову: Александр, в шелковом халате с вышитыми драконами и тяжелыми перстнями на пальцах, лежал, откинувшись на мягкие подушки.

Царь вовсе не выглядел смертельно больным. Но разве не страдал он последние пять лет от одной и той же лихорадки? На тридцать три он тоже не выглядел — уж скорее на пятьдесят три — и вообще мало походил на отважного, рискового, мускулистого завоевателя. Упитанный, с отвислым двойным подбородком, с длинными,

завитыми колечками волосами и темными глазами, в которых светился тем не менее острый ум — ум, заточенный в тюрьму болезни и ограниченный подушками. И что это, румяна на щеках? И на губах? Подбородок слабый и безволосый.

Кровать окружали бутыли с вином и керамические вазы с фруктами и сладостями; лениво курились ароматические палочки. Алексу вспомнился Нерон, картины Обри Бердсли и какой-то Папа из семейства Борджиа — фантазмы из будущего. Царь Александр явно предался восточной роскоши. На кровати лежали свитки — карты империи? Нет, какие-то графики, рисунки, таблицы неких загадочных символов. Алхимические диаграммы, астрологические гороскопы. Может быть. Или упражнения в эвристической футурологии.

Уж не пребывает ли царь под влиянием дурмана? Как какой-нибудь провидец или сивилла.

Что будет с ним дальше, спросил себя Алекс. Убьет ли его собственная стража? Испустит ли он дух, приняв сверхдозу от своего лекаря? Заменит ли его кто-то помоложе, кто-то, кого тоже будут держать в кровати в состоянии наркотического полусна? Кто-то, кому позволят время от времени подниматься и разгуливать по коридорам в об-

личье Геракла или Артемиды. В какой-то момент Алекса посетила дерзкая и страшная мысль: что, если следующим Александром суждено стать именно ему?

Но если тело царя наполовину сковано параличом, то что же тогда с его головой?

Царь уставился на Алекса. Накрашенные губы шевельнулись.

— Немногие приходят навестить червяка в яблоке… Вина!

Подоспевшая служанка поклонилась, налила в кубок вина, отпила глоток, подождала немного и, убедившись в его безвредности, поднесла сосуд к губам повелителя. Он осушил кубок одним глотком. Капли скатились по подбородку, но не сорвались — женщина ловко подобрала их салфеткой.

— Послы, просители, маги с их проклятыми снадобьями… С чем ты, грек? Что ты предлагаешь для поправления мира? Назови средство.

— Вавилон. Вавилон — вот лекарство.

Он и сам в это верил. И, странное дело, только укрепился в вере, воочию узрев царя.

И тут — как будто вино или что там в нем было воспалило жилы зрения, мускулы мысли — царь заговорил громко и нараспев:

— Мы слышали басни об утре земли, о ее золотом полудне, который, как считают, придется на двадцать первый век после некоего нерожденного Мессии, а может, на тридцатый, сороковой или сотый. И слышали мы басни о долгом, долгом сумраке упадка. В котором будут взлеты и падения, новые варвары, полеты к звездам, кто знает?

Но это все пустое, чепуха. Сейчас утро, и утро же будет через миллион лет. И еще через миллион. И даже ранний полдень будет невообразимо другим, отличным от утра. Планету, может, будут населять и ею править существа, что ныне не длиннее пары дюймов: мыши полевые, землеройки. Иль псы, ходящие на двух лапах. Или птицы. Или твари, которых мы даже представить не можем, потому что их предки еще не родились.

Что до меня, то я за землероек! За крошечных пушистых малюток, снующих проворно по земле меж папоротников и цикад и прячущихся ловко от гулко топающих к смерти ящеров. Но то всего лишь предрассудок, предубеждение и желание повторить уже прожитую историю.

Кто способен ощутить время? Кто в состоянии прочувствовать его громадные аркады? Ах… И все же ловкий фокус нам удался!

Он срыгнул, и служанка тут же вытерла изрыг-

нутую массу цвета моря.

— Мир древний явно старше нашего. Он как старик, рядом с которым мы — нахальный юнец, пусть даже и живем дольше в большинстве своем, чем те, другие. Там — вечер, здесь — утро, потому что там — древность.

Таким образом, возрождая рассвет цивилизации, который ныне прах, в душе нашей мы делаем гигантский прыжок в полдень жизни и даже, может быть, в ее вечер. Мы выходим за пределы незрелого утра времени, в другие, более поздние часы будущего…

Стоявший неподалеку писец торопливо записывал все это, царапая воск заостренной палочкой. Зачем записывать, если есть микрофон, если за происходящим наблюдает скрытая камера? Уж где-где, а в этой комнате должно быть соответствующее оборудование. Как, несомненно, и повсюду в городе. Чтобы справиться с потоком входящей информации, наблюдатели должны пользоваться самыми современными компьютерами с функцией реализации нечеткой логики.

В своем, несомненно, спорном, но старательном следовании древним традициям Вавилон, возможно, стал первым самоосознанным поли-

сом в мировой истории. Ничего подобного не было нигде и никогда. Чем-то вроде общинного мозга. Может быть, Вавилон и сам компьютер, построенный из людей, а роль микросхем памяти исполняют глиняные таблички и вощеные дощечки.

Утомленный монологом Александр откинулся на подушки и закрыл глаза. На веках его лежала краска. Управляющий потянул гостя за рукав, давая понять, что аудиенция окончена.

Алекс уперся. Он так и не успел ничего сказать, кроме нескольких слов, и сейчас его одолевало желание выговориться, отдаться на милость повелителя.

— Царь Александр! — воззвал он. Управляющий потянул сильнее. — Простите, ваше величество, но вы задали мне вопрос.

Веко дрогнуло и поднялось.

— И ты ответил.

— Я должен рассказать кое о чем еще.

Но о чем? Какую повесть предложить царю? О маленьком свитке? О Фессании? О Деборе, Шазаре и Мардуке? Последние трое были, конечно, героями одной повести, но ведь три эти нити можно и расплести для пущего эффекта. Люди Александра к пыткам не прибегают, докапываясь до истины

только с помощью логики… Он растерялся. И все же… он не совершит ничего предосудительного, если расскажет о своем открытии. Может быть, его даже вознаградят. Чем? Мешочком с монетами? Дозволением жениться на Деборе? Нет, правдой…

— Ваше величество, я нашел устройство, изготовленное с помощью tekhne будущего.

Глаз закрылся, но накрашенные губы снова шевельнулись.

— Еще одна книга предзнаменований? Расскажи о ней Аристандру, а не мне. Я — книга предзнаменований Вавилона, Аполлон Прорицающий.

Управляющий пригнул Алекса к полу.

— Плохой мальчик, — прошептал он.

Пятясь задом, с горящими щеками и на четвереньках, гость выполз в коридор. Управляющий щелкнул пальцами, подзывая стражу.

— Доставьте его к Аристандру. Живо!

Алекса провели по другому коридору, тоже пропитанному тяжелым сладковато-гнилостным запахом, мимо дюжины дверей. Остановились у тринадцатой.

На стук отозвался высокий костлявый грек с длинным пониклым носом, напоминающим

хобот тапира. Лет пятидесяти, чисто выбритый, с завитыми, спускающимися кольцами на шею волосами. Голова перехвачена плетеным серебристым шнуром.

На кончике длинного носа образовалась капля. Он вытер ее рукавом, но ее место тут же заняла другая. У грека был насморк или же, может быть, нос его, подобно сталактиту, удлинялся с годами за счет выделения жидкости и отложения солей.

Управляющий объяснил, в чем дело, и Аристандр впустил его, Алекса и стражей.

Столы, табуреты, полки, большая часть пола и половина кровати завалены глиняными табличками и свитками папируса. На стенах таблицы со странными геометрическими рисунками и примечаниями, сделанными красными чернилами. В одном углу водяные часы, у окна — солнечные, а еще неизвестного назначения устройства с зубчатыми колесиками, дисками и шестернями.

— Устройство, изготовленное с помощью tekhne будущего, вот как? — Аристандр вытер нос, накрутил на палец прядку волос. — Изложи подробно все обстоятельства.

— Да… но кто вы? — спросил Алекс.

— Глупец, — сказал управляющий. — Перед тобой Аристандр, придворный футуролог.

— Так оно и есть. И время идет.

— А я-то думал, что в Вавилоне время стоит.

— Мое время бежит. И царя тоже.

— Когда он умрет, будет ли назначен другой Александр?

Оплеуха больно обожгла щеку.

— Переходи к делу.

Алекс подался назад и наткнулся спиной на острие копья.

— Я… Извините. Могу ли я говорить о вещах, которые не относятся к Вавилону?

— Разрешаю. — Аристандр посмотрел на стражей. — Вам запрещается повторять где-либо то, что вы здесь услышите, а не то ваши уши проткнут раскаленными иголками.

— Ну, получилось так… — начал Алекс. Остальное — но не все — вывалилось из него само собой.

Вытянув большую часть оставшегося хитроумными вопросами — нюх на детали у Аристандра оказался отменный, несмотря на заложенный нос, — футуролог едва заметно усмехнулся.

— Думаю, нам не помешает выпить вина, — сказал он и, отложив в сторону папирусы, поставил на освободившееся место кувшин и три чаши, которые сам и наполнил. _ Что ты об этом дума-

ешь? — Вопрос был адресован управляющему.

Управляющий утолил жажду с жадностью человека, иссушившего горло пространной речью.

— Заговор, — ответил он. — Вот что это такое. С одной стороны, глупейший заговор. А с другой — он же, но более тонкий и глубокий, хотя многое остается пока неясным. И в самом сердце — вот этот мальчишка, простодушный младенец с неустойчивой психикой.

Алекс почувствовал, что краснеет. Неоперившийся юнец, вот он кто. Сопляк, из которого Митч старался, да так и не смог сделать мужчину, бойца.

Однако же кто есть мужчина, если не выросший мальчишка? В какой-то момент Алекс вдруг увидел Аристандра и управляющего такими, какими они, возможно, и были на самом деле: большими, потертыми временем мальчишками. Дети, которыми они когда-то были, проступали из плоти взрослых. В отсутствие зеркал — если не считать таковыми полированные стеклянные диски, встроенные в футурологическую модель Аристандра (или что-то другое, чем это могло быть) — себя самого он не видел.

— И я так думаю, — согласился футуролог. — Глубокий заговор может быть чистой воды игрой

воображения. Но нельзя не замечать явное предзнаменование.

— Какое предзнаменование?

— Значение свитка, упавшего под ноги новому Александру. Тому, кто носит имя Зимы, сезона смерти! Наш царь — солнце. Что может затмить его город, если не зима мира?

— А!

— Прошу прощения, — вмешался Алекс, — но мое имя слишком неубедительная причина, чтобы верить мне.

Аристандр энергично покачал головой.

— Это не причина. Это предлог, чтобы поверить тебе. Повод. Твоя история соответствует сделанным мною в последнее время многочисленным прогнозам. Она уточняет и проясняет их. А еще позволяет выбрать единственный вариант, чтобы прощупать почву будущего и обнаружить поддающуюся интерпретации картину. Твой приход сюда гораздо существеннее, чем, скажем, появление на подоконнике в комнате царя семи ворон, оставивших на нем свое дерьмо. Но как знамения они схожи. Искусство понимания знамений — в умении их применить.

— А что, мой рассказ не был бы так же важен, будь мое имя, к примеру, Филипп Спринг.

— Отца нашего царя звали Филиппом. А весна — разве не приходит она из тайных дворцов подземелья?

— То есть мне уже не победить, так?

— Насчет этого я не знаю. Мы определенно можем использовать коварство невинности. Люди скорее замечают простодушие, чем хитрость. Алекс, ты должен как можно быстрее стать гражданином Вавилона — сейчас, сегодня! Где еще, если не в Вавилонской башне, есть tekhne для прочтения такого свитка? Где еще есть маги, владеющие всеми средствами коммуникации? Цирюльник, конечно, пронесет свиток в башню. Тебя будут тай но сопровождать несколько телохранителей, которые потом доложат мне обо всем.

Длинный нос повернулся к Алексу, словно с тем, чтобы миропомазать его последней каплей елся.

— Скажи мне только одно, Аристандр. Что будете женой Мардука по истечении года славы?

— Она станетжрипей Нижнего мира. Другими словами, будет помогать обслуживать компьютер.

— Обслуживать что?

— Компьютер.

— А как иначе ты собираешься выучить вавилонский? С помощью магии?

Алекс радостно хихикнул. Тысячи миль и тысячи лет преодолела Дебора, чтобы избежать унылой участи компьютерного оператора. Какая судьба! Похуже смерти. Смерть, замаскированную под красочный обряд жертвоприношения, она, одурманенная наркотиками, еще могла бы принять. Но стать рабом компьютера до конца всей своей вавилонской карьеры — о сладостная месть! Вот уж с чем она не согласилась бы ни за что.

Алекс издал торжествующий крик.

— С неустойчивой психикой! — Управляющий добродушно хлопнул его по спине.

Глава 4

в которой Алекс совершает восхождение на вершину холма, а потом находит низкооплачиваемую работу на самом дне

Алекс шел через квартал Эсаглия, торопясь — наконец-то! — к Вавилонской башне. Пара телохранителей в неприметных платьях неотступно следовали за ним на некотором расстоянии. Прощай, прежняя жизнь. Довольно быть греком.

Расталкивая пространство, Вавилонская башня в то же время притягивала к себе Алекса. Высочайший из зиккуратов, зиккурат-небоскреб, устремленный в безоблачное голубое небо. Охваченный спиральными витками уходящих вверх ступенек, достаточно широких, чтобы вместить несколько запряженных ослами повозок. Если бы эту спираль можно было развернуть, она пересекла бы весь город и вышла далеко за его пределы.

Восхождение на самый верх, куда ему и надлежало явиться для прохождения инициации, наверняка занимало не меньше двух часов. Есть ли где-то более короткий, вертикальный подъем, Алекс не знал. Имевшиеся на каждом уровне

арочные проходы вели внутрь громадного сооружения. Наличие двух этажей окон над каждым проходом указывало, что там, внутри, есть свои, отдельные лестницы, мо ничто не говорило, соединены ли уровни друг с другом.

Алекс решил, что не станет искать коротких путей. Подъем сам по себе был испытанием, приближением к инициации и с такой целью изначально задумывался. Важно одолеть весь путь, пройти каждый уровень. В каком-то смысле нечто подобное предстояло несколькими веками позже совершить и Христу при восхождении с крестом на Голгофу. Трудно представить, что он при этом взял бы, да и воспользовался лестницей.

Добравшись до третьего уровня, Алекс остановился и прислонился к парапету, чтобы передохнуть. Ниже, в сотне локтей от него, два стража опустились на корточки и начали бросать кости.

Мимо непрерывным потоком текли люди и товары. Вверх и вниз. Город и прилегающие сельские районы поставляли продукты и сырье. Торговцы доставляли это все наверх, обменивая одни товары на другие, связывая нижние и верхние уровни. Башня представляла собой гигантскую архимедову спираль с множеством

дырочек-дверей, через которые и происходил товарообмен, так что груженная капустой тележка к моменту прибытия на самый верх могла превратиться во что угодно: засахаренные фрукты, свитки, благовония, одежду. Впрочем, несколько кочанов капусты все же достигали вершины, иначе обитавшие там олимпийцы обзавелись бы цингой.

В целом существующие субкультуры держались в рамках языковых барьеров. Алекс уже миновал последовательно сообщества шумеров, аккадцев, ассирийцев, хурритов, хеттов, финикийцев и арамеев.

Взирая на раскинувшиеся внизу беспокойные, суетливые, шумные кварталы, Алекс испытал странное чувство: у него вдруг возникло ощущение, что башня не сужается кверху, а расширяется, наклоняясь, нависая над городом подобно Пизанской, угрожая обрушиться на Вавилон.

Отпрянув от балюстрады, он наткнулся на кого-то и едва не упал. Сильная рука поддержала Алекса.

— Что, голова закружилась?

Гупта! (Два телохранителя быстро — и незаметно — подобрались ближе.)

— Что вы здесь делаете?

— А вы как думаете? Наверное, гоняюсь за своими шекелями, ха-ха! Вообще-то я принял наконец решение относительно планов на будущее. И теперь должен стать гражданином. Гостевой месяц заканчивается. Какой смысл разбазаривать денежки, если уже можно получать доход. Похоже, вы того же мнения, вот только разбазаривать вам нечего.

Алекс хотел подать знак своим сторожам, но воздержался, чтобы не привлекать внимания Гупты. Передача такого сообщения — что индиец вовсе не собирается перебросить его через парапет, что, наоборот, это он, Алекс, должен ему деньги и что при всем этом относиться к Гупте следует с крайней осторожностью — потребовала бы слишком сложных жестов и еще более сложной маскировки, так что Алекс ограничился тем, что почесал голову.

— И что же у вас за планы? — спросил он.

— Ха-ха, разве бизнесмен, какого бы скромного звания он ни был, станет распространяться о своих задумках и выдавать секреты? Скажу лишь, что они имеют отношение к фокусам и к тому занимательному действу, которое мы с вами наблюдали не далее как вчера. Жаль, самое интересное вы пропустили.

— Только не говорите, что вы намерены вступить в партнерство с Камберчаняном!

— Как вы догадались?

— Денег на открытие собственного заведения у вас нет… разве что вы богаче, чем признаетесь.

— От вас ничего не скроешь, вы просто видите меня насквозь. Да, так оно и есть. Я буду художественным руководителем еще одного предприятия старика Камбера.

— Станете подражать «Дому Вуали»? Будете обучать метафизических стриптизерш?

— Подражать? Нет, друг мой. Я намерен превзойти их. Сотворить целое новое измерение. Голая правда, ха-ха. Давайте продолжим восхождение вместе. Если снова закружится голова, хватайтесь за мою руку. И не бойтесь, я не пойму вас превратно.

Так случилось, что в следующем отсеке башни обосновались как раз индийцы, на что безошибочно указывали густые ароматы карри и тандури.

— Самое время перекусить! Чую запах самосы. — И Гупта, жестикулируя и болтая по-гречески, потащил Алекса к лоточнику.

— Вы вовсе не обязаны из-за меня говорить на греческом. Если хотите, разговаривайте на

своем.

— Дорогой друг, здесь пользуются санскритом. Я же, хотя и знаком, разумеется, с нашей великой индийской классикой, владею им недостаточно бегло для повседневных нужд.

Утолив голод острыми пирожками с ягнятиной и остудив жар мятным йогуртом, они продолжили путь, то и дело останавливаясь по зову любопытства, запасы которого у Гупты оказались неистощимыми. Позади остались Маленький Египет, Маленькая Армения, Маленькая Италия, Маленькая Скифия и Маленький Китай. О визите к царю Алекс еще не упомянул ни словом.

Они были на седьмом уровне, когда Гупта воскликнул:

— Посмотрите! Уж не наша ли добрая знакомая там, впереди?

День уже клонился к вечеру. На западе, за полями и лугами, за пустыней, солнце опустилось в балансирующий на краю горизонта мешок расплавленного золота, оплетенный паутинкой облаков. Лучи его позолотили одетую в желтое холщовое платье Дебору. Ее сопровождали двое магов в высоких конических колпаках.

— Должно быть, поднялась по внутренней лестнице, — сказал Гупта. — Коротким путем.

— Дебора! Эй, Деб!

Многочисленные японцы удивленно уставились на кричащего Алекса. Ни один из них не говорил по-японски. В этом бесконечно повторяющемся 323 году до н. э. государство Ямато еще не существовало, а японцы были корейскими эмигрантами в массе волосатых аборигенов айнов. Япония оставалась частью Китая, из которого позднее вышла ее литература. Японцы Вавилона говорили на языке Конфуция.

— Деб! Эй! — Алекс сорвался с места и, расталкивая прохожих, помчался вверх.

— Подождите! — Гупта последовал за ним, рассыпая извинения и принимая проклятия.

— Деб!

На сей раз она услышала и повернулась. То же сделали и маги. Дебора остановилась в нерешительности, помахала рукой, но люди в колпаках уже тащили ее к ближайшей арке.

Подбежав к тому же входу несколькими секундами позже, Алекс вошел в высокий зал. С полдюжины человек играли в маджонг. Горели лампы. Закрывавшие два выхода шелковые шторы висели неподвижно. Деревянная лестница поднималась к галерее с открытыми дверьми и уходила выше. Подняться наверх Дебора и ее

спутники успеть не могли. Оставались двери.

— Пожалуйста! — взмолился Алекс. Игроки в маджонг повернули головы. — Женщина и маги — куда они прошли?

Ему никто не ответил, хотя игроки и защебетали о чем-то между собой.

Алекс метнулся к первой двери, развел шторы — полутемное помещение, тюфяки на полу и еще два прохода, ведущих дальше, в глубь башни.

Он перебежал к следующей. За занавесками находилось что-то вроде склада, заставленного мешками с рисом. И тоже два выхода.

Никого.

Алекс устремился к ступенькам, столкнулся с Гуптой и рванулся вверх, перепрыгивая через две ступеньки.

За первой дверью лежала залитая солнечным светом комната, перегороженная расписанными розами, ивами и цаплями ширмами; за второй — ярко освещенная спальня. Сидевшая на табурете обнаженная азиатка тщательно расчесывала длинные черные волосы. При виде незнакомца женщина выронила гребень; рука ее метнулась ко рту. Прежде чем она успела вскрикнуть, Алекс поспешно ретировался.

В третьей, темной и запущенной, не было

никого и ничего, кроме огромной вазы налакированном столике.

Пыхтя и отдуваясь, он одолел еще один пролет. Зал здесь уступал по размерам предыдущим. На полках, купаясь в янтарных лучах заходящего солнца, теснились бутыли, кувшины и баночки с порошками, настойками, мазями, засоленными змеями, корнями женьшеня, органами животных. Еще два выхода. И снова ступеньки. Алекс выбрал ступеньки и очутился в похожем на чердачное помещении — темном, душном, с тяжелым, затхлым воздухом. Когда глаза немного привыкли к сумраку, он увидел сотни свисающих с потолочных балок гирлянд сушеных грибов. Других дверей, кроме той, через которую он вошел, видно не было.

Алекс вернулся в медицинский салон. С нижней галереи доносились сердитые птичьи голоса и жалобные причитания Гупты.

Глянув вниз, он увидел нескольких игроков в маджонг. Один из них угрожающе размахивал здоровущим орудием, напоминающим секач мясника, но украшенным изысканным орнаментом. За его спиной виднелись фигуры других китайцев (или японцев), которые, отложив доски, готовились дать отпор нарушившим их покой

чужакам.

— Вниз, Алекс, да поживее! — крикнул Гупта. Алекс нехотя подчинился. Едва он оказался рядом с

Гуптой, как индиец бесцеремонно толкнул его вниз, сопроводив толчок подзатыльником. За подзатыльником последовали другие оскорбительные действия.

— Глупец и сын глупца! — кричал Гупта. — За что мне такое проклятие! Позор предков!

Прикрывая отступление тычками и ругательствами, индиец гнал Алекса по лестнице, пока они не оторвались от разгневанной толпы и не оказались наконец на внешней лестнице.

Гупта остановился.

— Ну вот, я вас защитил. Теперь вы мой сын. Беру ответственность на себя.

В сгущающихся сумерках мерцали огоньки ламп, каждая из которых отмечала отдельный вход. Дневной грузопоток сошел на нет, но место ослов с их тележками заняли выбравшиеся прогуляться обитатели Вавилонской башни. В тени под опорой Алекс заметил своих притаившихся телохранителей. Почему они не вмешались раньше? Не имея возможности высказать претензии, он укоризненно покачал головой.

Гупта принял жест на свой счет.

— Разве я вас не спас? — запротестовал он.

— Спасли, спасли.

— А! — Индиец огляделся. — Уж не должен ли был кто-то другой спасти вас от последствий ваших же необдуманных действий?

— Конечно, нет, — поспешно уверил его Алекс.

Разумеется, его безумное вторжение в китайский квартал смутило шпиков, ведь раньше он вовсе не спешил к вершине. Чтобы отвлечь Гупту, Алекс негромко выругался, выразив огорчение в связи с потерей Деборы.

— Интересно, почему она была с магами? — задумчиво произнес индиец.

— Собирается стать невестой Мардука.

— А вы откуда знаете?

— Я? Э-э… слышал.

— От того мальчишки, что приходил па постоялый двор и убежал с вашими деньгами?

— Может быть.

— Так теперь вы ревнуете ее к Мардуку? Рискованно. Как человек, взявший на себя ответственность за вашу безопасность, ха-ха, советую вести себя благоразумно и осторожно. Преследование невесты бога до добра не доведет.

— Наверное, вы правы.

— И все же, как вижу, вы не намерены следовать моему совету. Пожалуй, придется мне отречься от вас.

— Не стесняйтесь.

— Не сейчас. Сначала нам надо найти местечко для ночлега.

— Для ночлега?

— Да. На вершину лучше всего подниматься с первыми лучами солнца. Вы же не думаете, что чиновники будут заниматься нами сегодня? Не беспокойтесь, все расходы я беру на себя. Вы ведь мой сын, грешный и глупый.

И останетесь им, пока я не доставлю вас на место. В целости и сохранности.

— Спасибо.

Они зашли на территорию гуннов, примыкавшую в 323 г. до н. э. к Китаю, и быстро отыскали постоялый двор. Название, написанное, кстати, по-гречески, звучало довольно устрашающе — «Край Бездны», — но место оказалось вполне гостеприимное, с атмосферой немецкой пивнушки более поздних времен, хотя украшением интерьера служили чучела конских голов с довольно скорбными выражениями. Алекс и Гупта взяли себе стейки из конского мяса и кислое молоко и даже не заметили проскользнувших вслед

за ними двух телохранителей.

Встав пораньше, Гупта и Алекс поднялись наверх еще до рассвета. Дебору они больше не видели.

Последний лестничный пролет вывел их на круглую каменную площадку, в центре которой высилась сложенная из кирпичей круглая башенка, увенчанная железным копьем. Деревянная дверь была открыта. Сидевший за столом маг разбирался в стопке вощеных глиняных дощечек.

Гупта приложился губами к кончикам пальцев и поклонился. Алекс сделал то же самое.

— Сюда нас привело, — торжественно начал индиец, — желание гражданами стать величайшего из городов, врат Бога!

Появившиеся на площадке шпики подошли к балюстраде, делая вид, что любуются видом

— Хм-м, — сказал маг. — Назовите, пожалуйста, ваши имена. И дату прибытия.

Записав ответы на дощечках, он поднялся.

— Подождите. — И исчез в башне — проконсультироваться с компьютером?

У двери тут же возник стражник с копьем. Маг быстро вернулся и жестом предложил Гупте и Алексу войти.

— Не оборачивайтесь, — шепнул на ходу ин-

диец. — За нами следят. Этих двоих я еще на постоялом дворе приметил.

— Наверное, тоже хотят получить гражданство.

— Вряд ли. Натуристов они совсем не похожи. Кстати, впервые встречаю человека, который бы не оглянулся, когда ему сказали не оглядываться. Мало того, вы даже бровью не повели.

Алекс поспешил перевести разговор на другую тему и обратился к магу:

— Не приходила ли сюда молодая женщина с темными волосами в сопровождении двух магов?

— Дела магов — не твои дела, грек.

Следуя за магом, они прошли вдоль внутренней стены и остановились перед тем, что избавило Алекса от необходимости отвечать на вопрос индийца. Кабина лифта! Механический подъемник! А может быть, клетка спускалась вниз под действием силы тяжести, а поднималась вручную? Так или иначе, но шахта пронизывала всю Вавилонскую башню от вершины до самого основания. Судя по размерам клетки, в ней могли поместиться человек двадцать. Внутри горели три масляные лампы.

Маг открыл дверцу. И хотя из укрепленной

на стене рядом с кабиной железной пластины выступали самые обычные тумблеры, внутри никакого пульта управления не было.

— Ступайте в Нижний мир! Умрите греками, чтоб возродиться вавилонянами. И поживее. Вы здесь не одни такие.

Алекс и Гупта вошли в клетку. Дверь закрылась. Лифт пошел вниз. Задрожало пламя в лампах, запрыгали тени, кирпичная кладка рванулась вверх…

Однажды вечером (если только то действительно был вечер), в час занятий, Алекс слонялся по внутреннему двору. В голове гудело и шумело. Новый язык созревал в нем, как плод в утробе матери, формируя члены и органы чувств, суча ножками в стенки черепа. Он чувствовал себя так, словно перебрал наркотиков, перепил да еще не выспался.

Десятки других соискателей бродили по тем же освещенным факелами сводчатым подземельям, спрятанным где-то в глубине Вавилонской горы. Со стороны их можно было принять за погруженных в молитву монахов позднейших веков или пребывающих в сомнамбулическом состоянии канатоходцев. Время от времени кто-то начинал пританцовывать, кружиться, подпрыгивать.

Случалось это, когда избыток слов вспыхивал в голове человека подобно фейерверку, дергая нервы, словно струны. Спазмы оживляли затекшие члены.

Все свое время за исключением получаса по пробуждении и часа перед сном кандидаты проводили в теплых сумеречных кельях, подключившись к обучающим терминалам. Дежурные маги давали им снадобья, гипнотизировали, закачивали информацию и выводили из транса на время отдыха.

Общего для всех распорядка не было, а счет времени Алекс давно потерял, так что отделить день от ночи или определить продолжительность того или иного отрезка уже не мог. Гупту он встретил всего лишь однажды, когда индийца отводили в келью. Дебору не видел ни разу. За сколько дней? Пять?

Еще два — и он станет вавилонянином.

Телохранители-шпики постоянно держались поблизости. К Алексу они не подходили и внимания к себе старались не привлекать. Маги к ним не приставали, следовательно, разрешение на их присутствие пришло откуда-то сверху. Чем они питались? Где спали? Как проводили свободное время? Он не знал. Вечером за ним присматривал

один, утром встречал другой.

Даже освещенные факелами, пещеры оставались мрачными. Собравшиеся под сводчатым потолком тени напоминали предгрозовые тучи. Черные миазмы гроздьями висели между подсвечниками. Источники света казались в равной степени источниками тьмы. То была страна мертвых, где душам дозволялось скитаться на рассвете и где они бродили, печальные и смятенные, бессвязно бормоча неясные упреки и напоминания о том, что осталось неисполненным, несказанным.

Коридоры с перемежающими их аркадами соединялись в единую систему. Слоняясь по ним, Алекс уже не обращал внимания на массивные, обшитые медными полосами двери в стенах некоторых пещер. Одна из них, конечно, вела к лифту, но какая именно, он не помнил и вспомнил лишь, когда, совершая третий или четвертый променад, увидел, что из спустившейся сверху клетки выходит в сопровождении мага новая группа претендентов.

Какая-то другая дверь должна была вести к компьютеру и его служанкам, бывшим женам Мардука.

В конце концов Алексу все же довелось увидеть

Дебору. Она шла одна, и он сразу же ее догнал.

— Деб, привет. Как ты? — На каком языке он к ней обращался? На греческом? Вавилонском? Или смеси обоих?

Она растерянно и смущенно посмотрела на него.

— Я? Я… у меня все хорошо. А ты тоже здесь?

— Да. Послушай, Деб, ты ведь собираешься замуж за бога или по крайней мере его жреца…

— Шазара, — не совсем уверенно сказала она.

— Нет, не за него. За верховного жреца Мардука. Шазар всего лишь посредник.

— За Шазара, — упрямо повторила Дебора. — Он проходил мимо храма, когда я пришла, и, пораженный моей красотой, повернул и последовал за мной. Едва я села, как Шазар остановился рядом, готовый бросить монету, если появится кто-то другой, но одолеваемый сомнениями. Потом дух Сина вошел в него, и он решился.

Она говорила медленно, как будто повторяя то, что внушили под гипнозом, накачав предварительно наркотиками.

— Да, но замуж тебя выдадут не за Шазара. Ты видела жреца Мардука? Он был в Праздничном храме? И знаешь ли ты, что с тобой сделают через год? Знаешь, Деб?

— Вопросы, вопросы… Он знал все. И теперь я тоже знаю все. Я уверена…

— В чем ты уверена? В том, что год побудешь богиней? А потом? До конца жизни… — он перешел на английский, — компьютерным оператором! Да, оператором! Где-то здесь, за одной из этих дверей. Взаперти! Вдали от света и жизни.

— Через год… я отправлюсь в Дом Суда.

— Ты отправишься в машинный зал.

— Сам великий Мардук сказал об этом, явившись мне во всем своем величии. Я видела его! Потом он снова исчез, будто растворился в воздухе.

— Ты видела голограмму, Деб! Не более того!

Она посмотрела на него со страхом, как будто это сам Алекс был привидением, и поспешила прочь. Он бросился за ней.

— Подумай, Дебора! Одумайся!

— Уходи! — жалобно воскликнула она на вавилонском. — Перестань мучить меня! Оставь в покое! Ты сумасшедший!

— Послушай! Помнишь, что мы здесь нашли? Помнишь, что было в свертке?

— Нет!

К ним уже бежали два мага. Алекса схватили за руки, да так ловко, что совершенно лишили

возможности сопротивляться. Его потащили к келье.

Бесшумно, какдве изголодавшиеся щуки, шпики последовали за ними, то исчезая в мутной глубине теней, то мелькая серыми пятнами.

Проснувшись на седьмой день, Алекс обнаружил, что, хотя в голове по-прежнему шумит, все заняло свои места, определилось, отстоялось. Вавилонский звучал привычно, как будто он всегда разговаривал только на нем. Был ли этот язык древнее греческого? Нет, не был. Но казалось, что был.

Маг вывел его из комнаты и повел к массивной, обшитой медными полосами двери. Другой маг привел Гупту. Дверь открылась. Широкий, обложенный кирпичом туннель полого уходил вверх, исчезая в темноте за поворотом.

— Вы оба возродились, — сообщил маг. — Вы граждане. Ступайте и ищите свой путь, Найдите свое место в Вавилоне. Если же вас влечет Вавилонская башня, возвращайтесь через год и попроситесь в город внутри города.

Два новых гражданина вошли в туннель. Они уже скрылись за поворотом, а дверь все еще оставалась открытой. Словно ждала кого-то. Может быть, двух телохранителей?

Впереди, в конце туннеля, показалась освещенная факелами и заполненная шумом каверна.

Что это? Чрево Вавилона? Казалось, сто языков сошлись, смешались если не в споре, то в шумном обсуждении. С мраморных постаментов, с шатких деревянных платформ, с каменных подиумов, устроенных рядами, неслись бессвязный лепет мужчин, завывание женщин и детские вопли. С десяток магов патрулировали площадь, внимая этой разноголосице, словно живые регистраторы.

Что это? Состязание ораторов? Сумасшедший дом? Базар, где в качестве товара предлагались языки? Или, может, храм во славу Бога Времени, внимающего всем голосам, стихающим в конце, всей поэзии, всей философии и всем пророчествам, сливающимся в непостижимое, невнятное бурление?

Благодаря особенной акустике подземного зала слова распадались на отдельные звуки великой симфонии разлада. Эхо билось под сводом, как стая вспугнутых светом факела летучих мышей. Казалось, здесь был плавильный тигель самого Слова, тот котел общения, в котором некая изначальная речь Ура могла соединиться, срастись, дав наконец всему на свете точное название, и

выявить себя в голосе грома, скрежете ледников, шорохе снегов, журчании текучих вод, во всем том, что, сложившись, сотрясало, крушило, давило и сметало творения цивилизации.

Алекс схватил за рукав проходившего мимо мага.

— Что это? Вы можете объяснить?

— Сие, граждане, Парламент Вавилона! Чтобы говорить с будущим, нам нужно прежде понять, что есть бессмыслица. Большая часть того, что мы обычно говорим, не имеет смысла. Однако же из этой бессмыслицы рождается смысл. В начальном, беспорядочном шуме космоса возникали ростки органов чувств. Организмы, организация, органоны. То, что слышите, есть голос стотрубного органа. Мелодия лона всех слов. Музыка матери смысла в родовых муках. Сие есть Мамму. Сие есть лава раскаленная, исторгнутая из недр бытия, чтоб коркою застыть на склонах Вавилона.

Маг устремился вперед, крутя головой из стороны в сторону. По-видимому, он был одним из тех, кто управлял — Алекс вспомнил выражение Аристандра — средствами коммуникации.

С десяток выходов вели с этой плошали парламента к ступенькам, рампам, туннелям,

ухолившим в темноту. Над аркой каждого выхода был выложен рельефный символ: диск солнца с пиками лучей, полумесяц, голова быка, обезьяна, лепешка в форме губ, пчела, лев, крест, собака. Движение в пещере не прекращалось ни на миг: одни входили, другие выходили.

Ничего подобного этому месту не было больше нигде во всем городе. Здесь находилась звуковая студия, предназначенная для общения с существами, которые еще не родились и даже не были зачаты, с существами, совершенно отличными от человека. Казалось, здесь, как матка в гуляшем пчелином улье, ворочается великий нерожденный бог.

Вот оно, подсознание Вавилона, подумал Алекс.

И здесь же маги, вслушивающиеся в рвущиеся из глоток времени звуки, распорядители мистерий или их жертвы, тонущие в потоке шума.

Он со вздохом отступил за куб мрамора, с которого во весь голос вещал сытого вида потный парень.

Из-под арки, помеченной знаком обезьяны, появился, настороженно посматривая по сторонам, Мориель. За ним шла Фессания.

Схватив за руку Гупту, Алекс увлек его за ка-

мень.

— Тише. Не высовывайтесь.

— Тише? В этом-то гаме?

— Ш-ш-ш! Не мешайте.

— По крайней мере скажите, от кого я прячусь.

— Вон там, видите? Девушка с каштановыми волосами. И франт с кривым носом.

— Кто они? Почему от них надо прятаться?

— Не важно.

Фессания задержалась у помоста, на котором четверо парней славянской внешности декламировали что-то, не

слушая друг друга. Мимо, совсем близко от того места, где укрылись Алекс и Гупта, прошел Мориель. Взгляд владельца парикмахерского салона был направлен на арку с изображением губ.

В следующее мгновение из-под арки вынырнул маг с крючковатым носом и забранной в сеточку черной бородой, напоминающей огромный зоб. Маг заметил Мориеля. Мориель кивнул. В тридцати шагах от мраморного куба эти двое встретились.

После короткого обмена репликами в руке мага возник маленький, странно знакомый сверток. Мориель отсчитал монеты. Завершив сделку, человек с черной бородой повернулся, явно соби-

раясь уходить.

В то же мгновение Алекс выскочил из укрытия, чтобы либо заявить свои права на сверток, либо потребовать от цирюльника возмещения. До цели оставалось несколько шагов, когда на сцене появились двое в юбках и накидках. Один, схватив Мориеля за руку, повернул ее так, что сверток выпал из разжавшихся пальцев. И все же крик боли, сорвавшийся с губ цирюльника, не имел отношения к вывихнутому запястью — между ребер у него торчала рукоятка кинжала, подарок второго грабителя.

Мгновением позже Алекс врезался в первого из нападавших, наклонился, схватил сверток и сразу же отскочил, В руке разбойника блеснул нож. Второй злодей, не обращая внимания на корчащееся под ногами тело, выхватил из-под накидки запасное оружие и сделал шаг в сторону. Алекс оказался в западне.

Один против двоих! Вспомнив уроки Митча, он сунул руку за пазуху.

Ножа не было.

И не могло быть, потому что нож остался во дворце Александра. Он сам сдал его стражнику на входе, а потом, после всего случившегося, позабыл забрать. При восхождении Алекса охра-

няли сторожа. Следующую неделю ему было не до оружия. И вот результат: в нужный момент он оказался абсолютно безоружным, все равно что голым.

Пальцы еще сжимали воображаемую рукоятку, а на глаза наворачивались слезы. Убийца Мориеля сделал ложный выпад и самодовольно ухмыльнулся.

Рано! Промелькнувшая в воздухе тень оказалась человеком. И не кем-то, а одним из телохранителей. В мгновение ока сторож Алекса сбросил тунику и одним круговым движением намотал ее на левую руку. Зажатый в правой нож, описав дугу, разрезал воздух. Нет, не только воздух! Предплечье убийцы пересекла красная полоса.

За спиной у Алекса пританцовывал, охраняя тыл, второй сторож.

Застывший в тридцати шагах от места схватки маг наблюдал за происходящим.

Бой длился недолго, как бросок уносящего дичь гепарда, знающего, что сил ему хватит только на сотню шагов.

Выпад — и со лба убийцы потекла, застилая глаза, кровь. Воспользовавшись преимуществом, телохранитель ударил врага в живот. Смертельно раненный грабитель согнулся, и в этот момент

что-то толкнуло Алекса в спину. Обернувшись, он увидел захлебывающегося собственной кровью второго сторожа.

Два победителя оказались друг против друга, разделенные Алексом. Не успел последний сообразить, что делать дальше, как полуобнаженный страж отбросил его в сторону. Через пару секунд и второй грабитель валялся на земле, зажимая смертельную рану.

Телохранитель лежал неподвижно в растекающейся луже крови, а вот разбойники трепыхались, как выброшенные на берег рыбины. Никогда прежде Алекс не видел, как действуют настоящими ножами те, для кого они не игрушка, а эффективное оружие. Быстрая и обманчиво легкая смерть Мориеля была лишь прелюдией к кровопролитию. Гладя в ужасе на бьющихся в предсмертных судорогах грабителей, он чувствовал подступающую к горлу тошноту.

Встревоженный маг поспешно уходил.

Воспользовавшись паузой, на место побоища проскользнула тоненькая фигурка.

— А это возьму я!

Голос принадлежал Фессании. Словно загипнотизированный смотрел Алекс, как сверток снова переходит из рук в руки. И лишь когда

похитительница, перепорхнув через лужи крови, исчезла в толпе, он очнулся и бросился в погоню. Но тут же поскользнулся и едва не упал. Тень движения заставила его обернуться.

— Уходи отсюда, пока не подоспела стража Вавилона! Воспользуйся маршрутом Солнца, — бросил первый телохранитель, уже успевший облачиться в привычную серую тунику. — Будь завтра во дзорце. И, если сможешь, забери свиток. Ступай!

С этими словами спаситель и сам устремился к выходу.

Из сотен заполнявших площадь людей лишь несколько десятков притихли, обступив все еще бьющиеся в агонии тела. Остальные, не заметив случившегося, продолжали бросать голоса в общий хор безумия. Потрясенный Алекс остался в одиночестве.

Впрочем, на помощь ему уже спешил Гупта.

— Отвратительное зрелище! Рекомендую спешно покинуть это жуткое место, — сказал он по-вавилонски, хватая Алекса за руку.

— Да, по маршруту Солнца, — ответил по-гречески Алекс — на этом языке с ним разговаривал телохранитель.

Не теряя времени, новоявленные граждане

Вавилона устремились к арке с лучистым символом дневного светила. Коридор долго бежал зигзагами, потом неожиданно выплеснул их на рыночную площадь, заполненную преимущественно веселыми круглолицыми шумерами. Прилавки ломились от фруктов. В арочные проходы вливался слепящий солнечный свет, вдали виднелись городские здания. Пробившись через один из них, беглецы оказались у подножия внешней лестницы. Еще бросок, и они будут в безопасности. Алекс прикрыл глаза.

— Преследователей не видно, — сказал Гупта. — Давайте передохнем. А пока… может быть, вы меня просветите? Что было в том свертке? Кто та молодая женщина? Кем были смельчаки, спасшие вас от грабителей? Что вам сказали? Признаюсь, эти маленькие детали ставят меня в тупик. Я, видите ли, забочусь о сохранности моих полутора шекелей, ха-ха!

— М-м, — сказал Алекс.

— Предлагаю сделку! Я расскажу вам, что успел заметить, а вы, если пожелаете, дадите комментарии. Итак, маг, передавший сверток фатоватому незнакомцу, хотел больших денег. При этом он настолько не желал расставаться с пакетом, что даже потратился на двух головорезов, поручив

им убить того хлыща. Отсюда следует, что сверток изначально не был собственностью мага; он его не продавал. По-видимому, сверток принадлежал молодой женщине, а франт был ее сообщником. Вернуть пакет было для нее крайне важно. Если она владела им раньше, то зачем передала потом продажному магу? Должно быть, все дело в том, что спрятанный в свертке предмет имел некое значение, раскрыть, интерпретировать которое мог только маг. Именно за эту услугу ему и заплатили. Маг, если не ошибаюсь, воспользовался проходом, помеченным губами. Такой маршрут должен вести к той загадочной tekhne, рядом с которой мы провели целую неделю, а может быть, и другой, еще более загадочной! Если бы таинственное содержание свертка было просто изложено на другом языке, женщина — на сей счет у меня нет ни малейших сомнений — отыскала бы нужного человека где-нибудь в городе. Следовательно, проблема заключалась в другом: для постижения тайны содержимого требовалась некая сложная tekhne.

Кстати, я подозреваю, что сверток, который женщина выхватила у вас из рук, действительно содержит то, что в нем и было с самого начала. С учетом определенно выраженного намерения

убить, сомнительно, что тряпка таила в себе всего лишь какую-нибудь деревяшку!

Следующий пункт. Ожидал ли маг, что женщина сама придет в назначенное для передачи место? Если да, то можно ли рассматривать убийство мужчины как жестокое предупреждение? Вряд ли план состоял в том, чтобы убить обоих, — иначе маг устроил бы все так, чтобы женщина и ее сообщник находились поближе друг к другу. Вывод: молодая женщина слишком влиятельна, чтобы убивать ее без особой нужды.

Алекс чувствовал себя как человек, которого спеленали в тугой кокон. Помочь, подергать за свободные концы могла бы Фессания, но…

Может быть, лучшая защита — нападение?

— Только не притворяйтесь, будто не знаете, что в свертке.

В темных глазах индийца вспыхнули веселые огоньки.

— Моя цивилизация старше вашей, но это еще не дает оснований предполагать, будто я всемогущ и умею читать чужие мысли! И все же ваш ответ проливает печальный свет на ваше отношение ко мне. Обижен. Вы, наверное, полагаете, что это я украл ваши шекели, чтобы оплатить игру в прятки. Однако же, оглядываясь назад,

я вижу и другое объяснение. Обнищание ваше не есть следствие действий некоего удачливого карманника, орудующего в заведениях, где внимание мужчин сосредоточено на объекте страсти. Не есть оно и результат моих проделок. Подстроена — и мастерски! — кража была тем неизвестным, с кем вы интриговали на стороне. Кем? Нашедшим смерть щеголем? Похоже, он имел к ней отношение. Молодой женщиной, отнявшей у вас сверток, как лепешку у ребенка? Несомненно!

— Я имел в виду другое, — соврал Алекс. — Раз вы такой умный, то наверняка с одного взгляда определили, что было в свертке.

— Простите, но ничего такого вы в виду не имели. И почему вы притворяетесь, будто не слышали, что я сказал? О женщине, которая несколько минут назад отняла у вас пакет. Вероятно, это она обворовала вас на постоялом дворе. Через мальчишку-посыльного. А потом еще раз — в стриптиз-салоне, договорившись с кем-то. Что общего у нее с истинным объектом вашей одержимости, а именно с Деборой, будущей невестой Мардука? Как вы, недавно оказавшийся в городе грек, могли познакомиться с женщиной высокого общественного положения?

— Вот вы и скажите. Гупта хлопнул себя по лбу.

— Какой же я тупица! Ну конечно! То утро, когда вы последовали за Деборой в храм Иштар… Там вы с ней и встретились.

Алекс застонал.

— Ее имя Фессания. А убитого звали Мориель. Гупта схватил Алекса за локоть, и боль раскаленной

иглой пронзила руку до самого плеча, парализовав язык.

— Тот маг! И с ними трое! Уходим!

Поспешно выйдя из-под арки, они двинулись в сторону ближайшего и, как всегда, закупоренного сгрудившимися повозками выхода в квартал Эсаглия. Куда и прибыли без дальнейших помех и никем не преследуемые.

С другой стороны ворот навстречу им выступил плотный рыжеволосый мужчина, обнаженный по пояс, в юбке и с коротким мечом. Возничий и телохранитель Фессании. Рядом с ним стоял еще один, тоже вооруженный.

Пракс. Да, так звали возничего. Должно быть, Фессания приказала ему остаться здесь и дожидаться ее. Следовательно, она еще не вышла из Вавилонской башни. Прячется на шумерском

рынке? Или воспользовалась лестницей и затерялась где-нибудь в Маленькой Аккадии или Маленькой Ассирии?

Нет.

— Привет! — сказал Пракс, предъявляя глиняную дощечку. Его спутник многозначительно погладил рукоять меча. — Алекс, моя госпожа купила тебя. Как раба.

— Что?

— Три дня назад хозяин постоялого двора, Камберчанян, подал иск по поводу неоплаченного счета. Моя госпожа благородно урегулировала проблему долга, рассудив, что тебе вряд ли понравится быть рабом владельца второсортного заведения, чистить горшки и выносить помои. Судья передал тебя ей. Вот нотариально заверенное соглашение.

Алекс схватил дощечку и пробежал взглядом по клинописным значкам, которые прекрасно теперь понимал. Гупта заглянул ему через плечо.

— Ох, Алекс, так вот почему вас обворовали. Мне бы следовало это предвидеть.

— Вы же сказали, что Камберчанян ваш партнер!

— Так оно и есть. То есть так оно скоро будет. Все случилось, пока мы с вами находились в башне,

готовились стать гражданами. Для меня совершенно очевидно, что старика Камбера убедили предпринять определенные шаги. Теперь дело вышло из-под контроля, так что мое влияние уже не поможет.

Пракс усмехнулся.

— Пошли, раб. Тебя ждет мастер татуировок. Алекс размахнулся, собираясь швырнуть проклятую

дощечку в стойку ворот. Пракс и глазом не моргнул, но документ выхватил Гупта.

— Не глупите! Здесь по крайней мере удостоверена сумма вашего долга и есть печать. — Индиец протянул дощечку возничему, который с недовольным видом сунул ее за пояс.

— Гупта, у вас есть деньги! Вы можете выкупить меня. Несколько секунд индиец молчал; лицо его отражало

борьбу конфликтующих внутренних сил.

— Лучше бы вы этого не говорили. Я вложил деньги в наше совместное с Камбером предприятие и не могу распоряжаться ими единолично. Поверьте, я помогу вам всем, чем только смогу. А теперь прошу извинить. — С этими словами индиец удалился.

— Нам в другую сторону, — сказал Пракс.

— И без лишнего шума, — добавил его спутник. — Веди себя прилично и делай, что говорят.

Он ведь рассказал Аристандру о своих насущных финансовых проблемах? Не мог не рассказать. Или все же… Проклятие! Почему Аристандр не предупредил, что долг может обернуться рабством? Почему не предложил оплатить злосчастный долг?

Или царский футуролог предвидел, что дело закончится именно этим — внедрением потенциального информатора в дом Фессании? Тогда зачем телохранитель сказал ему прибыть во дворец?

Потому что более вероятным представлялся вариант, при котором Алекс оставался бы на свободе. Аристандр вел свою игру, не забывая держать козырь про запас.

К несчастью, Алекс расстался с Гуптой, так и не рассказав ему о визите к царю Александру. Не зная о том, что произошло во дворце, как мог индиец помочь ему?

И еще одно. Если Аристандр не предусмотрел вариант с порабощением, то как он воспримет известие о том, что из Вавилонской башни Алекс отправился прямиком в дом Фессании? (Если, конечно, узнает об этом!) Не заподозрит ли Алекса в

двойной игре? Не сочтет ли его рассказ о кассете частью хитроумного плана Фессании?

Нет, вряд ли, ведь пролилась кровь! Погибли люди! Впрочем, смерть мелких игроков могла быть приемлемой платой в доброй вавилонской интриге.

Но можно ли считать мелким игроком Морие-ля? Сам цирюльник по крайней мере с таким мнением наверняка бы не согласился. А вот Фес-сания… Это ведь ее он имел в виду, когда говорил о клубке змей.

— Вот и умник! — сказал подручный Пракса. — Веди себя достойно и благоразумно. Смирись. Не проклинай богов. Копи денежку и не ленись. Не суй нос куда не следует. Не ковыряй в зубах на людях.

Алекса вели в рабство.

Путь до дома в северном конце улицы Писцов, около стены храма Мардука, занял не больше пятнадцати минут. Сама улица Писцов считалась престижным районом и вела к вратам Борсиппа. Если бы дома помечались номерами, дом Фесса-нии значился бы под первым.

Глухие, с острыми зубцами стены поднимались на высоту трех или четырех этажей. Соседние дома по обе стороны улицы Писцов тоже отли-

чались большими размерами, 1-го следующие постепенно, от крыши к крыше, уменьшались, что создавало любопытный эффект: улица выглядела более длинной, чем была на самом деле. Стоявшие в конце ее врата Борсиппа находились, казалось, на самой точке схода, где-то рядом с бесконечностью.

Да, действительно номер один.

— Кто отец Фессании? — спросил Алекс.

— Для тебя она — «моя госпожа», — поправил его Пракс. — Привыкай к новому обращению.

— Ладно. Так кто отец госпожи Фессании?

— Во плоти он здесь не живет, — сказал Пракс, когда они прошли через ворота, охраняемые чернокожим привратником. — Так что об этом не беспокойся.

— Не живет во плоти? Он что, умер? Его сопровождающие рассмеялись.

Как обычно, окна выходили во двор со всех сторон. На постоялом дворе их закрывали занавески из плетеного тростника, здесь же отверстия в стенах не только имели деревянные рамы, но и были завешены вавилонскими шторами из вощеного тростника, соединенными таким образом, что их можно было сворачивать и разворачивать. Во дворе нашлось место пруду с рыбой, трем фи-

никовым пальмам и смоковнице, а также айве и многочисленным горшочкам с красными и дамасскими розами, поливкой которых занимался слуга. Поскольку дом располагался на западной стороне улицы, правая часть двора в этот час томилась под солнцем, тогда как остальная пребывала в тени, и в этой тени сидел на каменной скамье рядом с раскрытым ящичком дремлющий старичок.

Подойдя ближе, Пракс потряс старика за плечо. В ящичке лежали маленькие свитки папируса, пузырьки с цветными красками, кисточки и набор иголок.

Появление Алекса не прошло незамеченным, и из окон на него уже посматривали любопытные. Две женщины в ответ на его взгляд глупо захихикали. В другом окне появилась и исчезла девичья головка. Служанки. А вот и Фессания, в окне третьего этажа. Алекс замахал ей рукой, и Пракс тут же ударил его по пальцам. Фессания продолжала смотреть.

— А? Что? А… Наконец-то, — проворчал старик. — Становись-ка, парень, на колени. — Алекс нехотя подчинился. — Немного поближе! Не вытягивать же мне руки!

— Что ты собираешься делать?

— Нанесу татуировку, что же еще? Львиную голову. Красным и синим. Знак этого дома. На левую щеку.

— На мою щеку?

— Таково желание госпожи Фессании. На щеке будет чуточку побольнее, чем на лбу, но я постараюсь не задеть главные нервы. Когда выкупишь себе свободу, приходи ко мне снова — выведу. Почти ничего не останется. А вот если сбежишь и тебя поймают, тогда уж поставят клеймо, а его никакой кузнец не сведет.

Мастер порылся в ящичке, нашел то, что искал, и, приложив трафарет к щеке Алекса, взял угольную палочку.

— Займет час, не больше.

— И не шевелись, — предупредил Пракс. — У меня другие дела, но за тобой присмотрит Аншар.

— Горшок слушается горшечника, — заметил его долговязый темнокожий напарник. — Ты же не хочешь получить иголкой в глаз.

На рисунок ушло несколько минут, после чего Алексу пришлось еще час стоять на коленях, пока старик неторопливо прокалывал дырочки в его щеке и втирал подозрительно похожую на яд смесь кобальта с кадмием. Кровь стекала по подбородку вместе с потом, и мастер периодиче-

ски вытирал ее грязной тряпкой. Наблюдала ли за процессом Фессания, Алекс не знал. Иголки, казалось, проникали в нервную систему головы, словно старик снимал копию его мозга.

Наконец все закончилось. Мастер вытер иголки все той же тряпкой, убрал инструмент в ящик и, насвистывая под нос, удалился.

Алекс попытался подняться с колен, но Аншар положил тяжелую руку на его плечо.

— А теперь сделаем тебе стрижку раба.

Какая-то толстуха, по виду кухарка, принесла чашу с водой, кусок мыла, ножницы, железную бритву и тяжело опустилась на табурет. Защелкали ножницы. Вьющиеся кудри упали на землю. Заскребла по коже бритва. Потом женщина вымыла ему голову мылом, что-то поправила, и от прежней прически остался гребень на макушке.

— Следующая через месяц, — сказала она. — Но если волосы отрастают быстро, приходи через две недели.

Наконец-то Алексу разрешили подняться. Он даже сохранил то, что должно было стать бородой. Аншар указал на тростниковую дверь.

— Разденься и умойся. Я дам тебе юбку.

Часом позже в комнату Фессании ввели совсем другого Алекса: голого по пояс, в юбке, с бритой

головой и татуировкой в виде львиной головы. Щека онемела, как будто к ней приложили лед.

Увидев его, Фессания даже захлопала в ладоши от восторга.

— Ты стал настоящим вавилонянином! Можешь идти, Аншар. Я сама объясню новому рабу его обязанности.

Они остались одни.

— Ты, кажется, не очень-то опечалена смертью Мориеля, — заметил Алекс.

— Я ужасно огорчена. Но хорошо уже то, что Мори смог кое-чему научить своих работников. По крайней мере я довольна париком, который заказала к свадьбе.

— К свадьбе?

Она поиграла серебряным гребнем.

— Да. И давай лучше поговорим об этом, чем о мертвом цирюльнике. Тем более что обстоятельства его… его… гм…

— О каких обстоятельствах ты говоришь? О тех, при которых его зарезали? О низком предательстве мага, которому вы заплатили — между прочим, моими деньгами, — чтобы узнать содержимое моего маленького свитка?

— Твоего! Ты ведь просто нашел его на улице, разве не так? — Фессания рассмеялась. — В лю-

бом случае, даже если он твой, подумай, кому принадлежишь ты сам?

Тем не менее Фессания не стала отрицать, что знает содержимое свитка, хотя Мориеля убили прежде, чем он успел поговорить с ней. Апекс сразу обратил внимание на это упущение.

— Раз уж я имею право выкупить свободу, то есть, полагаю, и законы, касающиеся собственности рабов.

— Конечно, есть. Только вот толковать закон можно по-разному.

— Не думаю, что тебе понравится, если я обращусь с жалобой именно по этому вопросу. Или расскажу обо всем твоему отцу.

Она отбросила гребень.

— Скорее всего ты увидишь его уже сегодня на вечерней молитве. Нужно согласовать дату свадьбы, так что он появится лично. И тогда, Мори, тебе многое станет ясно.

— Как ты меня назвала? — Фессания отвернулась к окну. — Ты назвала меня Мори. Не можешь забыть об ушедшем дружке? Но я для тебя новым Мори не буду.

— Верно, не будешь. Ты же ничего не знаешь, а он знал многое. — Она подошла к нему, окинула холодным взглядом и, подняв руку, дотронулась

пальцем до татуировки на щеке. — Придется обходиться тем, что есть. Обучить тебя восхитительному искусству интриги.

— Тебе мало Пракса? Разве он не согласен выполнить любое твое поручение?

— Пракс по натуре немного пуританин. Моралист. Еще в большей степени, чем Аншар, которого к комментариям по поводу нравственности толкает отсутствие оригинальности. Пракс может невзлюбить тебя, сам не понимая почему. Но если прикинешься послушным, строго наказывать не станет.

Алекс сглотнул подступивший к горлу комок. Щека от ее прикосновения разболелась.

— Получается, мои нравственные качества недотягивают до стандартов Пракса?

— В тебе так много всего смешалось: недоверие, вероломство, амбиции. Ас сам знаешь кем тебя объединяют… некоторая тяга к мазохизму, подсознательное желание, чтобы люди наказывали и предавали тебя. В твоем случае это объясняется тем, что ты не оправдал надежд своего клана, ожидавшего от тебя чего-то большего. При этом тебе кажется, что наказания судьбы, которые ты сам навлек на свою голову, освобождают тебя отличных обязательств и дают право потакать

затаенным порочным страстям, что возможно только в таком городе, как Вавилон.

— И это все?

— Кет. Оружием защиты от мира ты избрал холодную иронию, чтобы выглядеть сильным и искушенным, тогда как в действительности тебе недостает жизненного опыта. Одна из главных причин, почему ты с недоверием относишься к людям, почему не способен открываться и быть искренним, заключается в том, что для эгоиста не существует никого, кроме него самого. Другие люди всего лишь предметы, объекты. Единственный субъект, единственное «Я» — ты сам. Остальные существуют лишь постольку, поскольку нужны тебе или мешают…

— Я случайно не твое зеркало, Фессания?

— Ты должен называть меня госпожой. Сейчас ты мой предмет, моя собственность. Ты не способен отдаваться, но я сама взяла тебя. Помнишь, в храме Иштар я сказала, что молюсь за тебя. Теперь ты мой.

— Кстати, к вопросу о том, кто и как способен отдаваться. Этот твой муж…

— Твое остроумие оскудело так же, как и кошелек.

— Кто он?

Фессания улыбнулась.

— Думаю, мы друг друга стоим.

— Ты и он?

Она качнула головой.

— Ты, раб, и я. Так что будь моим зеркалом, и я тебя отполирую. Моего будущего мужа зовут Музи, он сын Гибила, финансиста. Гибил — человек очень богатый, хотя к деньгам пришел не совсем праведным путем. Музи немного глуповат, но компенсирует этот недостаток бравадой. Его страсть — охота на диких зверей. Здоров, хорошо сложен, настоящий молодой жеребчик. Укротить и обучить такого — чистое удовольствие. Я не буду вставать у него на пути, и то, что Музи не сможет покорить во мне, он компенсирует на охоте, убив львицу.

— Рискованное предприятие. Лев может откусить ему голову, оставив тебя богатой вдовой.

— Не дерзи.

— Извини. И, пожалуйста, отполируй меня еще немного. Расскажи, что такое было в том свитке, если из-за него пошли на убийство.

— Подожди, пока не встретишься с моим отцом. Любое событие лучше тысячи слов. Вот почему я приказала сделать тебе татуировку храмового раба. Эта татуировка — печать нашего с тобой

частного контракта.

— Знак льва. А Музи охотник на львов.

— То, что и требуется. Он, наверное, воспринимает меня как трофей, добытый за счет его собственной смелости.

— Знаешь историю Андромеды? — спросил вдруг Алекс. — Андромеды Еврипида?

— Нет, а что?

Алекс, насколько это было в его силах, пересказал монолог Андромеды, в котором речь шла о доблести героев по отношению к женщинам.

Когда он закончил, Фессания захлопала в ладоши.

— Ты прекрасный раб! Надо будет дать тебе лютню, чтобы ты мог ублажать меня такими вот песнопениями. — Помолчав, она добавила: — Конечно, эгоист меньшего разряда всегда испытывает потребность втереться в доверие к тому, кто стоит выше. Ему важно восхищение других, чтобы иметь основание восхищаться собой. А теперь все, раб, ступай.

Получая тюфяк, Алекс узнал, что спать можно либо во дворе, либо возле кухни. Своей комнаты ему не дали, хотя свободные помещения должны были быть. Кухарка Мама Забала спала непосредственно в кухне, на полу около печи, в которой

пекла хлеб, и места, где жарили на угольях мясо.

После легкого полдника, состоящего из чечевичной похлебки, ячменной лепешки и тарелки с неаппетитными на вид кусочками выловленных в реке раков, наступила сиеста, которую Алекс провел в тени фигового дерева. Во второй половине дня ему пришлось таскать воду, чистить медные сковородки и шелушить и молоть вручную зерно с помощью ступы из вулканического камня. Непрерывная болтовня Мамы Забалы позволяла получить некоторое представление о хозяйственной стороне домашнего быта, по крайней мере в той ее части, к которой имели отношение слуги, служанки, хромоногий, но еще бодрый привратник, обитатели конюшни и две кошки.

Упоминание Алексом новой госпожи вызвало уважительный и сдержанный кивок, а вовсе не доверительное изложение милых анекдотов, чего ожидал он от добродушной и словоохотливой кухарки в доме, где не было другой матроны.

Что же касается отца Фессании, то стоило Алексу затронуть эту тему, как на лице Мамы Забалы мгновенно отразилось суеверное благоговение, а глаза беспокойно заметались. Она погладила висящий на груди глиняный амулет, в котором

с трудом угадывались стертые временем очертания слона.

Причина такого поведения кухарки прояснилась тем же вечером.

Услышав звучный удар гонга, Мама Забала торопливо вытерла руки.

— Пора в молельню, — объявила она. — Идем! Поешь потом.

Пройдя через двор, они оказались у широкой тростниковой двери, за которой открылось просторное, без окон помещение, скудно освещаемое несколькими лампадами. Служанки, привратник и Аншар уже стояли, преклонив колена, на набитых травой подушечках перед тяжелым и плотным черным занавесом. Расстеленный перед ним круглый, совершенно черный коврик создавал впечатление уходящей в глубь земли темной шахты. Ни статуй, ни каких-либо изображений богов, ни даров в виде жареного ягненка, вина или ячменной лепешки. Только занавес, коврик и курильница.

Мама Забала заставила Алекса опуститься на колени и сама сделала то же самое с неуклюжестью слонихи. Вошедшие вслед за ними Пракс и конюх торопливо приняли ту же позу. Пару минут спустя прибыла Фессания в белом шел-

ковом платье. Обойдя собравшихся, она тоже встала на колени всего в трех-четырех локтях от черного провала. Алекс оглянулся по сторонам, надеясь увидеть ее отца, но никого больше не обнаружил.

Внезапно — по крайней мере для Алекса — Фессания воскликнула:

— Приди, Владыка Мардук, Маг Магов, Отец нас всех! Лугалугга! Думудуку! Бель Матати! Шазу! Туту! Сухрим! Захрим! Услышь нас, благослови нас, наставь нас.

Черный занавес отошел в сторону, и Мама Забала едва слышно охнула. За занавесом ничего не было — только темнота. В следующий момент на черном коврике возникла сияющая фигура. Нет, она не выступила из тьмы, но появилась мгновенно, ослепив своим блеском. Это был мужчина, самой неприятной чертой внешности которого представлялась борода, туго заплетенная в три косички. Казалось, с подбородка на грудь опускаются три косматых темно-каштановых щупальца. Из-за них он выглядел не столько человеком, сколько неким неведомым существом, древним и ужасным, питающимся посредством этих волосатых придатков. Голову венчала корона с тремя зубьями. Глаза — водянисто-голубые,

нос толстый и короткий, губы широкие, мясистые, чувственные. Накидку украшали вышитые серебряные львы. Стоял он неподвижно, глядя прямо перед собой.

Фигура могла быть только holographos, наподобие той, что появлялась и перед Деборой. Элемент tekhne будущего здесь, в молельне вавилонского дома! Мало того, фигура не могла быть никем иным, как лишь отцом Фессании. И в то же время богом Мардуком в обличье своего верховного жреца!

И этот человек собирался жениться на Деборе, как он делал периодически, выбирая в супруги самую красивую женщину года.

Многое из того, что представлялось неразрешимой загадкой, стало ясно и понятно. Фессания управляет отцовским домом. Мардук здесь жить не может. Ежегодно, сочетаясь браком с очередной красавицей, он попирает и оскорбляет память о матери Фессании, кем бы и какой бы она ни была. Символически Мардук отвергает свою земную дочь. И при этом держит ее в полной своей власти.

Расстроить свадьбу отца — какой бы это был триумф! Конечно, Фессания не питала теплых чувств к новой невесте, к женщине, которой так

восхищался Алекс. И когда скрываемое им вышло наружу, Фессания нанесла удар по Деборе, но не напрямую, а унизив Алекса. По крайней мере в сфере эмоциональных уравнений равновесие было восстановлено.

Однако, ведя одну интригу, Фессания столкнулась с заговором еще более глубоким и кровавым, связанным с tekhne и политическими играми реальных сил.

Фессания хлопнула в ладоши.

— Кинма! Туку! Аранунна! Иркингу! Лугалдурмах! Услышь нас, благослови нас, наставь нас.

Призрак Мардука переступил с ноги на ногу и сделал широкий жест руками, как будто собирая и прижимая к себе весь мир.

— Через десять дней я женюсь. Город будет обновлен! — [Голос, глубокий, хотя и несколько глуховатый баритон, исходил откуда-то из-за спины фантома. — Ты, моя земная дочь Фессания, выйдешь за Музи, сына Гибила, неделей позже и будешь жить в этом доме со своим мужем. Он — доброго племени. В нем есть сила! Ты выносишь и родишь сына, который будет расти в моем храме и унаследует мантию Мардука, когда я умру.

Даже в перламутровом отблеске сияния божественной фигуры было видно, как побледнела

Фессания от гнева и изумления.

В следующий миг она уже стояла перед Мардуком.

— Повелитель, — произнесла девушка, и все, кто был в молельне, опустили головы, — мне приятно и лестно выходить замуж всего лишь через неделю после очередного праздника сластолюбия, коим мой отец утоляет свои похотливые желания, но с какой это стати мне еще и становиться племенной коровой? И разве я не имею права сама выбирать себе стойло и сама решать, где жить с моим новым бычком? И почему мой первенец — если таковой будет — должен быть отнят у меня, как когда-то и я была отнята у своей матери?

— Твоя мать была недостойной женщиной. Она пила, принимала дурман.

— Живя с тобой, Великий Владыка Мира, кто бы не предался тем же порокам?

— Молчи! Она препятствовала твоему развитию. Я спас тебя, потому что любовь моя к тебе была безмерна.

— Спас? Похитил! И беззаконно взял с собой!

— Здесь я — закон, и нет иного! Это все твои ранние воспоминания. Фантазии и выдумки пустые. Твоя мать была почти что сумасшедшей!

Преступницей!

— Что ж, такова и я! Почти! Как дочь ее.

— Не забывай, ты также дочь моя. Сила твоя — от меня, слабость твоя — от нее.

— Уж красоту я, несомненно, унаследовала от нее.

— Я знаю, что ты унаследовала. Мозги у тебя есть. У Музи, сына Гибила, есть тело, мускулы, здоровье. Не притворяйся, что тебя что-то не устраивает. Я тебя знаю. И все устраиваю с пользой для тебя.

— Неужели? Какой же стыд, что все твои жены оказались бесплодны. Кроме одной, моей матери! Уж не сам ли ты, Великий Владыка, наказан за вину свою бессилием? Или жены твои рожали тайно лишь только бесполезных дочерей? — Фессания похлопала себя по узким бедрам. — Я умру при родах, произведя на свет лишь мертвый плод.

— Ты родишь сына. Об этом позаботится придворный греческий врач, у которого есть некий чудодейственный эликсир. Когда наступит срок, он сам разрешит тебя от бремени, изъяв ребенка через живот, без всякой для него — и для тебя — опасности. Уверяю тебя в этом как Лугалдурмах, пуп мира. Ты так меня назвала, призывая.

Настроение Фессании, похоже, изменилось.

Она снова опустилась на колени.

— Великий Мардук, как я могу тебе не повиноваться? Все будет ровно так, как ты прикажешь. Атвоей невесте я даже приготовлю восхитительный подарок. Люблю тебя, Мардук. Чту и повинуюсь.

— Хорошо. Пусть Пракс известит Гибила.

Мардук исчез, погрузив молельню в темноту. Когда глаза привыкли к полумраку, занавес снова скрывал стену.

Фессания вышла. Алекс вскочил и последовал за ней, подгоняемый сочувствием и жалостью. Он догнал ее уже на середине двора. Сгущались сумерки, и в небе блестели россыпи созвездий.

Она обернулась.

— Как ты смеешь следовать за мной! Я прикажу тебя выпороть!

— Нет! Послушай меня, пожалуйста! Я понял!

— Понял меня? Как же мало ты понял! Что ж, кнут поможет осознать, сколь скудна твоя мудрость.

— Я понял, в чем смысл политической игры. Я знаю, почему убили Мориеля. И что происходит в Доме Суда!

Фессания замедлила шаг.

— Продолжай.

— Для чего мы здесь, если не для того, чтобы открыть наилучший способ выживания? Как выживет город. Как выживет культура и даже сама история. Разные цивилизации пробовали разные способы. Но все в итоге приходили к одному и тому же концу. Пыль скрыла цивилизации, потому что они не понимали протекающие в них процессы. Не были достаточно внимательны и бдительны. Взять, к примеру, египтян. Воли и энергии им было не занимать. А сколько сил, труда и упорства они вложили в будущее. Их династии продержались дольше других. Но они были слишком одержимы будущим после смерти. И в конце концов тоже пали.

— Лекции мне неинтересны. Переходи к делу. А не то прикажу сечь тебя каждый день.

Алекс торопливо сглотнул.

— Мардук и его люди решили, что ключ к выживанию — наследственный бог. Бог с человеческой кровной линией. Сын Мардука и его ежегодно сменяемой жены может стать только жрецом. Ранг он наследовать не может. А вот внук может.

— То есть мой отец хочет увековечить свою власть? Сохранить ее даже после смерти?

— Да, но это еще не все, хотя предполагаемое усиление власти Мардука уже вызвало мощное,

но пока еще скрытое сопротивление. Наследственный высший бог плюс светская военная администрация — такова новая формула. Царь и двор — плюс бог-босс, представляющий одну-единственную династию. В настоящий момент разные боги, представляющие различные заинтересованные группы, уравновешивают друг друга. Каждый поочередно представляет Мардуку женщину, которая должна стать его женой. И все же я не думаю, что Мардук нацелился стать монотеистическим богом; чем-то подобным занимался фараон Ахенатеп, когда пытался подстроить систему управления.

— То есть другие боги тоже сохранят влияние, но в гораздо меньшей степени?

— Должны. Посмотри, как Шазар, жрец Сина, поддерживает твоего отца.

— А он его поддерживает?

— Конечно. И я скажу тебе почему. Каждый год тот или иной соперничающий бог представляет Мардуку избранную им невесту. Имея в своем распоряжении достаточно времени, он готовит ее так, чтобы она была лояльной прежде всего ему, а не Мардуку. По истечении срока она уходит в Дом Суда, где, как я полагаю, и принимаются судьбоносные решения. Там составляются гороскопы

города, там сопоставляются планы и реальность, там формулы сверяются с результатами экспериментов. Так я думаю. Там умершая для мира бывшая супруга Мардука продолжает нажимать на кнопки. Возможно.

— Но зачем Шазару выбирать именно Дебору? Да, она привлекательная, но ведь он ее не готовил! Почему бы не представить Мардуку другую, ту, которая всему обучена?

— Возможно, все дело как раз в том, что Дебора новенькая. В некотором смысле невинна. Вероятно, другим кандидаткам Шазар не доверял. Может быть, подозревал, что женщины подпали под влияние враждебно настроенных магов, заранее рассчитавших, что в этом году наступит очередь храма Сина. Испугавшись, Шазар пошел на сотрудничество с Мардуком.

— И кто же еще участвует в этой удивительной интриге?

— Навскидку я бы сказал так: светские финансисты. В лице Гибила. Не исключено — придворный футуролог. Рано или поздно нынешнего умирающего царя сменит другой, но не кровный наследник, а его двойник. Мирской правитель умирает и умирает, но бог возрождается и возрождается. Такая вот модель.

Полагаю, дворец должен поддерживать твоего отца по крайней мере в интересах продолжения эксперимента — потому что Аристандр, похоже, уже проанализировал возможные сценарии именно такого развития. Да, конечно, теперь-то я понял! Дворец дал «добро» твоему отцу, но указание на существование более глубокого заговора стало для Аристандра новостью. Получается, что противодействующие плану маги действуют без ведома дворца.

Все более горячась, Алекс продолжал развивать мысль и не замечал, как пристально смотрит на него Фессания.

— Кто поддерживает магов? Какой-то другой храм? Проживающие в Вавилоне чужестранцы? А может быть, даже внешние силы? Фессания… Госпожа, мне нужно знать, что в этом свитке. Его ведь ввезли в город извне! Контрабандой!

Фессания схватила его за руку и дернула так, что он едва не упал.

— Что ты знаешь о дворце? — прошептала она. — Как узнал об Аристандре?

Вышедшие из молельни слуги столпились у двери. Держась подальше от неприятностей, они все же напряженно прислушивались к разговору их госпожи с новым рабом.

— Откуда ты его знаешь? — спросила Фессания, едва шевеля губами.

— Ух… видишь ли, прежде чем отправиться в Вавилонскую башню, я пошел посмотреть висячие сады. То, другое… В общем, я познакомился с царем и Аристандром. Аристандр узнал о свитке.

— Так вот кто были те двое! Я-то приняла их за обычных переодетых стражей. Оказывается, это люди из дворца. Проклятие! Никогда бы не подумала, что ты… — Она посмотрела на Алекса скорее с восхищением, чем с досадой.

— Мы оба ошибались. Я думал, Пракс ждет тебя, а не меня. Как он так ловко рассчитал время, чтобы нас перехватить?

— Я попросила какого-то нищего присмотреть за храмом Сина, — рассеянно объяснила Фессания. — Когда маги Шазара повели Дебору к Вавилонской башне, нищий прибежал ко мне. Сама не знаю, зачем я туда пошла. Увидела, что ты поднимаешься, и догадалась, что на постоялом дворе за тобой остались долги. Я знала, что уроки начнутся не раньше следующего дня, а подтолкнуть вавилонянина подать жалобу оказалось не так-то просто.

— Понятно. Значит, Дебора меня опередила. Только вот поднималась она даже медленнее,

чем мы. Или останавливалась на сиесту.

— Мы? — спросила Фессания.

— Мы с Гуптой. Встретились случайно.

— Ты имеешь в виду того индийца, который был с тобой при выходе из башни? Пракс упомянул, что с тобой был друг, не пожелавший поделиться своим богатством. — Она в упор посмотрела на Алекса. — Кто он?

— Ах да, конечно, ты же не видела нас вместе, верно?

Со стороны их можно было принять за двух заговорщиков, и Фессания, должно быть, вспомнив, что вообще-то они не сообщники, даже если отношения начали склоняться в эту сторону, отступила на шаг.

— Кто такой Гупта? Что ему известно?

— Я… мы познакомились на постоялом дворе Камберчаняна. Рассказать про дворец я ему не успел — помешал Пракс.

— Если не рассказал раньше, то почему вдруг решил открыться потом?

— Э-э… видишь ли, один из тех воинов сказал, что я должен прийти утром во дворец.

— И ты надеялся, что вместо тебя туда отправится Гупта. Что он объяснит, в каком положении ты оказался, и попросит Аристандра вызволить

тебя из рабства?

— Вроде того. Не могу сказать, что я все продумал. Фессания покачала головой.

— Аристандр не станет тебя вытаскивать. Если он считает, что я как-то замешана в этой игре — а я в ней замешана, — то ты нужен ему здесь. Лучшего агента не найти. Уверена, его люди скоро выйдут с тобой на связь.

— Не выйдут. Аристандр не знает, что ты меня купила. Знает только Гупта, но он не знает об Аристандре.

— На мой взгляд, придворному футурологу не составит труда вычислить, где ты находишься. В конце концов, выбор возможных вариантов невелик. Придется держать тебя в доме. — Как будто лишь теперь заметив столпившихся у входа в молельню слуг, Фессания вскинула голову и грозно крикнула: — А ну-ка за работу! У нас что, ужина сегодня не будет?

Слуги, подгоняемые Праксом, метнулись к дому, стараясь не попасться госпоже под горячую руку.

— Пракс, зайдешь ко мне позже!

Переход от шепота к оглушающему крику случился так быстро, что следующих слов Фессании Алекс не расслышал. — Что?

— Я сказала: благодаря тебе Аристандр знает, что свиток у меня.

— Он не знает, что в нем. — Нет.

— Я тоже. А тебе не приходило в голову, что маг мог отдать Мориелю чистый свиток?

— Из-за чистого свитка не убивают.

— Убить могли, чтобы избавиться от потенциального свидетеля. Чтобы припугнуть тебя.

— Свиток тот же самый. Я поставила на нем тайную метку. Но ход твоих рассуждений мне нравится.

— Спасибо. Так что там?

— Думаешь, я так тебе и расскажу? Чтобы ты при первой возможности передал донесение во дворец? Ну уж нет. — Она помолчала. — А почему ты думаешь, что я что-то знаю? Мори ведь убили раньше, чем мы успели поговорить.

— Ты бы не пришла на передачу сама, если бы уже не проглотила наживку. К тому же, когда мы разговаривали об этом в твоей комнате, ты не отрицала, что знаешь о содержании свитка.

— Верно.

— Будем надеяться, что тебе сказали правду.

— В этом я уверена. Сочинить такое никому бы и в голову не пришло, если… — Она тряхнула головой. — Нет, я не могу тебе доверять.

— Я не собираюсь ни о чем докладывать во дворец. Мне просто нужно знать. Для себя. Как ты не понимаешь! Этот свиток… я как будто попал в зависимость от него. С самого приезда в Вавилон. Он контролировал меня, заставлял делать то и это. — Алекс невесело рассмеялся. — Не поверишь, но я почти рад, что он наконец у тебя и что контролировать меня теперь будешь ты. По ее губам скользнула улыбка.

— Свиток, который контролирует… Лучше не скажешь.

— Да? Что ты имеешь в виду?

Объяснить Фессания не пожелала. Однако заметно смягчилась.

— Никогда бы не подумала, что ты сумеешь встретиться с царем, — задумчиво сказала она. — Расскажи мне о нем.

Чувствуя, что ему подбрасывают своего рода наживку, Алекс все же подробно описал свой визит к умирающему правителю. Фессания слушала внимательно, не перебивая, как маленькая девочка слушала бы любимую няню, рассказывающую на ночь сказку.

Когда он замолчал, она сказала:

— Музыка для бешеного танца, вот что такое наш маленький свиток. Партитура для всего

города.

— Ты сказала «наш свиток», — негромко произнес Алекс.

— Наш. Твой и мой. Всех и каждого. Вавилон — огромный бордель, и мы в нем блудницы, все мы. Разодетые, раскрашенные, играющие отведенные роли блудницы. И это относится не только к храму Иштар или заведениям, где устраивают стриптиз. Ты — блудница. Царь — блудница. Я. И мой отец тоже станет ею, если согласится плясать под чужую дудку.

Из открытой двери кухни через двор потянулся запах жареного мяса. Появившаяся на фоне освещенного прямоугольника Мама Забала нетерпеливо прокричала в темноту:

— Алекс-раб! Поторопись!

— Иди и не забывай, что ты раб, — напутствовала его Фессания. — А мне еще надо поговорить с Праксом. Он примет меры, чтобы ты не сбежал и чтобы тебя не выкрали.

Она сказала это так, словно посвящала Алекса в свою тайну.

Глава 5

в которой побитый пес мечтает стать невидимым

Алекс еще долго ворочался на соломенном тюфяке под фиговым деревом. На рассвете, когда уже начали меркнуть звезды, он проснулся, дрожа от холода, завернулся поплотнее в тонкое шерстяное одеяло и, одолеваемый тревожными мыслями, уже не смог уснуть. Он говорил себе, что предаваться беспокойству в ранние утренние часы, когда тело инертно, а разум легко становится добычей пессимизма, не следует, что ничего хорошего из этого обычно не получается. Однако ж мысли снова и снова вертелись вокруг того, что сказала Фессания относительно свитка, хотя, может быть, она и говорила не всерьез.

В каком смысле все жители Вавилона — блудницы? В каком смысле сам город — бордель?

Что есть блудница? Женщина, эксплуатируемая другими. Сексуально. Хотя и не всегда. Так можно назвать каждого, кого используют. Кто позволяет себя использовать. Зачастую вынужденно. Поддавлением обстоятельств. Смиряясь

потом с ситуацией, может быть, даже находя в ней некое удовольствие.

Люди приходили в Вавилон добровольно и с радостью. Делали ли они это, руководствуясь некими принципами — сам Алекс, например, — чтобы получить возможность пережить, сыграть придуманные роли в абстрактном борделе, обретшем вдруг форму и содержание? Здесь, в экспериментальной зоне, где будущие законы, традиции и моральные требования еще не возникли?

Был ли Вавилон его собственным «мозговым» борделем, где Алекс — по собственному желанию? — обрек себя на нищету, рабство, унижения? Куда он пришел, чтобы быть допущенным к древней мудрости через потрясения, призванные уничтожить все современное, нефункциональное, мешающее выживанию? В чем реальная логика всего, что с ним приключилось? Были ли эти события случайны или произошли в соответствии с некоей неведомой программой или планом? Программой, которая наложила город на его психику и наоборот?

Действительно ли свиток из будущего неким странным образом контролировал его? Подобно талисману, вечно выскальзывающему из паль-

цев, подобно книге, которую никак не удается открыть и прочесть, не был ли он не ключом к ситуации, а вещественным воплощением самой ситуации?

Алекс посмотрел на гаснущие между черными ветвями звезды, на смутно проступающие в утреннем сумраке стены вокруг двора.

Что, если я вовсе не человек из плоти и крови? Не живое существо из нервов, слюны и семени, а призрак? А просто копия личности по имени Алекс Уинтер?

Мысль показалась странно знакомой, как будто он уже знал это раньше, давным-давно, но потом его заставили забыть об этом.

Зачем возводить целый город в Аризонской пустыне, тратить огромные деньги, когда все это можно смоделировать? Создать программу для компьютера, способного совершать миллионы операций в секунду?

Где может находиться такой компьютер?

Под Вавилонской башней? Нет, потому что и сам город, и башня лишь часть модели.

В Эвристике. В Институте будущего. В каком-нибудь подземном бункере, защищенном от пыли, перепадов температуры и прочих внешних воздействий.

Что, если такой компьютер не просто ведет мониторинг Вавилона, но генерирует город и его обитателей в своих схемах и контурах?

Возможно, в пустыне и впрямь есть город Вавилон, голографический комплекс, функционирующий в режиме реального времени. И если так, то экспериментаторы не полагаются только на распечатки и графическую анимацию, но и сами прогуливаются по виртуальным улицам, наблюдая за происходящим и оставаясь невидимыми, но вполне реальными, осязаемыми завсегдатаями призрачного города, города мертвенного света, города-привидения, реального лишь для населяющих его призрачных граждан, сотканных из той же эфемерной субстанции.

Насколько продвинутыми могут быть такие компьютеры? Способны ли они моделировать человеческое сознание? Когда именно, в каком году Алекс на самом деле уехал из Орегона и приехал в Вавилон? Не отобрали ли у него несколько лет? Может быть, времени прошло больше, чем ему представляется, а он — доброволец или жертва какого-нибудь эксперимента, проводимого фашистским правительством? И, может быть, все эти вопросы совершенно бессмысленны, потому что он никогда и не существовал вне Вавилонии

или института? По крайней мере как данная версия Алекса Уинтера.

Сможет ли Дебора найти ответ, когда, проведя год на ложе Мардука, отправится в Нижний мир? Попытка установить с ней контакт будет тогда сродни усилиям живого связаться с мертвецом, чтобы порасспросить его о загробной жизни.

Что, если ему никогда не раскрыть тайну свитка, потому что сам свиток есть не более чем символ, умозрительный символ управляющей им программы.

И, может быть, Вавилон занимается вовсе не проблемой выживания! Может быть, цель проекта — в изучении сознания. Может быть, Вавилон и есть компьютер, запрограммированный на достижение сознания, на то, чтобы стать — через интуитивные символические скачки — живым существом, используя в качестве информации своих внутренних жителей, блудниц мозга, копии тех реальных людей, которые добровольно или по принуждению согласились стать моделями.

Холодок пробежал по коже. Алекс поднялся.

Все, о чем он только что думал, не имело ни малейшего смысла. Страшно даже представить, что весь этот мир не существует на самом деле.

Страшно, но в то же время и соблазнительно. Так и сумасшедших, должно быть, страшит и утешает отвержение реальности.

Чтобы согреться, Алекс несколько раз обежал двор, потом, вспомнив Набу, занялся отжиманиями. Зарядка пошла на пользу, оживила и согрела.

Из-за двери кухни высунулась голова Мамы Забалы.

— Раб! Принеси воды!

Он с готовностью принялся за работу, радуясь возможности освободиться от беспокойства и тревог.

Свиток мог стать ключом к свободе, но Алекс не был уверен, что так уж хочет расставаться с Фессанией.

И словно в подкрепление решимости остаться на своем месте привратник остановил несущего второе ведро Алекса, оценивающе оглядел его и лишь потом кивнул, позволяя пройти и одновременно давая понять, кто здесь чего стоит. Так, значит, он теперь белый раб, которому и пойти-то некуда? Ну нет, миссис Фессания…

Алекс подумал о занавесе в молельне. Что скрывалось за ним? Ниша для голографического проектора, соединенного каким-то образом с

храмом? Или нечто большее? Например, тайный путь в логово льва?

День оказался заполнен десятками дел, ни одно из которых не поднималось до уровня события. Черный занавес в молельне в тот вечер остался на месте. В конце концов Алекс устроился под фиговым деревом, повторяя про себя точно мантру: «До полуночи, до полуночи, до полуночи…»

Он проснулся в час, отчетливо ощущаемый как полночь, хотя сияющие над головой созвездия не складывались в знакомые, понятные циферблаты усыпанных тысячью бриллиантов часов. Выбравшись из относительного комфорта одеяла, Алекс свернул его в нечто отдаленно напоминающее фигуру спящего человека и осторожно направился к молельне.

На полке, как и подсказывала память, стояла лампада. Он пошарил в темноте, наткнулся на вонючую серную спичку и зажег фитилек. Мрак немного рассеялся.

Зажечь еще одну? Нет. Несколько спичек Алекс все же взял — на случай, если сквозняк погасит лампу.

Он приподнял занавес и шагнул за него, не тратя время на изучение механизма, отводящего ткань в сторону. Шагнул и оказался в глубоком

алькове, заканчивавшемся уходящими круто вниз каменными ступеньками. Блеснувшее на стене стекло подтверждало предположение о наличии голографической системы. Считая ступеньки — получилось двадцать, — Алекс спустился по лестнице и остановился перед входом в туннель, уходивший в темноту под едва заметным уклоном. Под ногами была плотно утрамбованная земля.

А вот теперь надо осмотреться и подумать. Южная стена зиккурата Мардука находится примерно в тысяче локтей от входа в туннель, хотя крипты и катакомбы могли тянуться и дальше, за пределы территории храма. Полной уверенности не было, но Алексу почему-то казалось, что ход ведет в не совсем нужном направлении.

Далеко уйти не удалось — путь преградила прочная железная дверь с любопытным замком, похожим на те, еще не изобретенные наборные замки, которые позднее использовались на велосипедах. Набор комбинации осуществлялся с помощью четырех маленьких железных колесиков с отчеканенными на них буквами греческого алфавита. Двигались они легко, без натуги, так что смазывать их маслом из лампады не пришлось.

Оставалось только набрать нужную комбинацию.

Алекс попробовал начальные буквы имен Мардука и Фессании. Ничего не вышло.

Знает ли комбинацию Фессания? Может быть, знает, сама того не понимая. На вечерней молитве она постоянно произносит какие-то слова, перечисляя различные добродетели Мардука. Не меньше пятидесяти. Одно из них вполне могло служить кодом. Но какое? Короткое. Из четырех букв. В конце концов, Мардук тоже должен его помнить.

Алекс поднял лампаду и, уставясь на пламя, попытался достичь полной концентрации. Пламя запрыгало от дыхания, заслоняя собой железную дверь, и как будто переместилось в молельню, где оно трепетало совсем недавно. Держа лампу на уровне глаз, Алекс опустился на колени и зашевелил губами. Из памяти медленно всплывали фрагменты гимнов и имена…

— Чары, несущие сон… жизнь возвращающие… Туту есть жизнь обновленная!

Осторожно, словно боясь рассеять волшебные чары, он набрал тау, ипсилон и снова тау и ипсилон. Ничего.

Было ли еще какое-то похожее слово? Прокля-

тие. Да.

Да!

— Сила слов… магию творящая… есть Ту… Ту… Ту… Есть Туку!

Заменить вторую тау на каппу. Щелк.

Дверь подалась под рукой.

Второй, выложенный кирпичами туннель был намного больше первого. Коридор Мардука соединялся с ним под острым углом. Уши и нос уловили тихи*! плеск неспешно текущей грязной воды, и вскоре Алекс уже стоял перед каналом неопределенной глубины, но отнюдь не пугающей ширины. Нужно только сориентироваться. Если большой туннель никуда не сворачивает, то выход из него должен находиться у реки, примерно в том месте, где она оставляет город, то есть возле храма Мардука. Заслонив лампу ладонью, Алекс двинулся по подземному ходу и снова наткнулся на дверь, но только встроенную уже в боковую стену. Дверь была идентична первой и имела такой же замок. Туннель же уходил дальше по прямой, ведя, несомненно, к Вавилонской башне.

Набрав магическое слово ТУКУ, Алекс потянул дверь на себя.

Короткий коридор вывел его к занавесу из чер-

ной шерсти, приподняв который, он осторожно выглянул…

…и увидел огромный прямоугольный зал, неровно освещенный несколькими факелами и большей частью погруженный в темноту. Наклонные стены, невидимо сходящиеся где-то у срезанной вершины зиккурата. Толстые кирпичные колонны, напоминающие стволы пальм, поднимались к потолку с выступающим карнизом. Вдоль одной из стен на изрядной высоте шла консольная галерея.

Ни причудливой музыки, ни красного света, ни сталагмитовых колонн — ничего подобного тому, что он видел во время восхождения к вершине храма. Помещение располагалось где-то глубоко внизу и было соответственно намного больше.

В глубине зала несколько мрачных фигур в остроконечных колпаках стояли перед внушительных размеров статуей спящего быка на каменном алтаре. Внутри или, может быть, у основания бронзового чудовища, которое было по меньшей мере вдвое выше самого высокого из людей, горел огонь.

Церемония, по-видимому, завершилась, потому что маги один за другим поднялись по широкой лестнице. Алекс подождал несколько минут, но

никто не возвратился, и он, отставив лампу и погасив огонь, выступил из укрытия.

Тут и там на стенах висели черные шерстяные полотна, прикрывающие, должно быть, другие входы и выходы. Алекс быстро прошел к стене с галереей, где был только один занавес, наверняка маскировавший ведущие наверх ступеньки. Он не сомневался, что галерея пуста, но все же решил не подниматься, чтобы не оказаться в случае чего отрезанным от выхода.

Подняться по большой лестнице, проскользнуть через пустующий в это время храм и выйти в город?

Зачем? Искать убежища во дворце?

Он огляделся. Нижний зал был, очевидно, самым просторным во всем здании. Идеальное место для торжественного бракосочетания. Так вот где Мардук возьмет Дебору в жены!

Лорел (или Харди?) говорил что-то о кульминационном моменте церемонии, когда с невесты сорвут одежды, и она, прежде чем Мардук предъявит свои права, предстанет обнаженной перед всеми собравшимися. Смириться с такой перспективой Алекс не мог. Обстоятельства, однако, складывались так, что увидеть Дебору голой он мог лишь в одном-единственном случае. Только

вот вряд ли раба пригласят на торжественный пир! Впрочем, Фессания, пожалуй, могла устроить его присутствие — хотя бы для того, чтобы посыпать раны солью или отшлифовать зеркало его души.

А в самом деле, что означает для него Дебора в сравнении с Фессанией?

Алекс попытался представить яркие огни, бешеную музыку и разнузданные пляски, ломящиеся от вин и яств столы, толпу гостей, обнаженную невесту перед дремлющим на алтаре чудовищным быком. Волнение и ужас боролись в его душе.

Мы все здесь вавилонские блудницы! Как же права была Фессания.

С другой стороны, почему бы и не дать волю желаниям и фантазиям? Иначе ведь можно просто задушить себя, как уже душила Алекса своими запретами спрятавшаяся в Каскадных горах коммуна.

Не купайся нагишом с сестрой твоей; не сотвори кровосмешение; не возись с мальчиками; не поддавайся греху гомосексуальности; мы должны поддерживать рождаемость. Не вступай в случайные связи с чужими мальчиками и девочками; чужак есть потенциальный враг, рас-

хититель продовольственных запасов, разносчик болезней, насильник, убийца, коммунист, Иуда. Мораль вооруженного сервивалиста.

Однако ж, если людей не придушивать, разве вскинется обжигающее пламя желаний? Именно оно, желание, творило историю. Общества, просто получавшие удовольствие от самих себя, не оставили ни малейшей отметки. Лотофаги, праздные мечтатели Полинезии, сохранились только потому, что их никто не заметил.

Вавилон вывел новое уравнение: исполнение желания плюс опасность наказания, обращения в рабство, смерти.

Рисуя в воображении резвые шалости свадебного пиршества — с его жестким базовым теократическим мотивом, — Алекс все ближе подходил к возлежащему на камне быку. По обе стороны от бронзового монстра высились громадные, в рост человека, незажженные свечи. Бык притягивал его к себе так же неумолимо, как совсем недавно Вавилонская башня. Внутри зловеще помигивал огонь. Крик за спиной:

— Стой, раб!

Слова отдались эхом. Алекс обернулся. Маг! Он стоял у одного из черных полотнищ — должно быть, выступил из потайного коридора или

комнаты.

— Раб!

Алекс повернулся и бросился к занавесу над ходом, через который попал в зал. Маг, шурша черными одеждами, устремился наперерез. С лестницы уже доносились торопливые шаги. Маг сделал ложный шаг в сторону. Колпак свалился на пол. До спасительного выхода оставалось несколько шагов.

Однако вместо того, чтобы попытаться схватить беглеца, маг применил футбольный прием, бросившись ему в ноги. Прежде чем Алекс успел подняться, маг атаковал его снова, придерживаясь той же тактики. И снова с успехом. В следующее мгновение подоспевшие на помощь люди в черном прижали Алекса к полу.

Зажав руку болезненным замком, его поставили на ноги. Он невольно вскрикнул.

— Молчи! — прошипел первый маг. — Нельзя тревожить повелителя Мардука.

— Тогда прекратите выкручивать руку! Боль стихла, дискомфорт остался.

— Это не наш раб.

— Не наш.

— Однако ж у него знак льва.

— И то верно.

Через несколько часов Алекса выволокли из мрачной и сырой дыры и привели к алтарю. Горели свечи.

Стоявший у базальтового постамента отец Фессании поглаживал бронзовый бок спящего быка. Проверяет, не остыл ли? Теперь Алекс заметил в складках бронзовой шкуры прорези и вентиляционные отверстия. Идол был полый. Что касается Мардука, то он облачился в ночной халат и напялил трезубую корону. На пленника жрец смотрел с нескрываемым любопытством.

Помня о предостережении Фессании, что люди Мардука могут применять пытки, Алекс отвечал смиренно и покорно, приправляя ложь правдой. Или наоборот. Что она слышала? Может, Фессания всего лишь хотела припугнуть его?

— Великий Бог, — захныкал Алекс, — я прошу прощения. Сжалься. Я раб твоей дочери, госпожи Фессании! Вот почему у меня этот знак. Любопытство овладело мной. Сон не пришел ко мне, и я отправился в молельню и заглянул за занавес. Увидел ступеньки и попал в туннель…

— Как ты открыл дверь?

Алекс рассказал, и водянистые глаза бога похолодели.

— Госпожа Фессания ничего мне не говорила!

Я просто угадал.

— Она и не могла ничего тебе сказать, потому что сама ничего не знает! Да и с какой стати ей доверять такой секрет какому-то рабу?

Алекс опустил голову.

— Не знаю.

— Но, может быть, ты пришел с другой стороны! Из Вавилонской башни. Только глупец попытался бы сбежать из моего дома через храм!

— Я не пытался сбежать, Владыка! Нет! Я только хотел посмотреть.

— Может, ты и есть дурак. Ловкий, но дурак. А может, убийца.

— На мне твой знак, Владыка.

— Знак может поставить каждый, у кого есть на то достаточная причина. — Мардук повернулся к одному из магов. — Иди и попроси мою дочь явиться сюда для опознания раба.

Маг поспешно бросился исполнять повеление.

— Я часто бываю богом милосердным, — продолжал Мардук. — Тем более сейчас, в преддверии счастливого события. Но чтобы охранять город от беспорядка, нужно быть справедливым и жестоким. Если моя дочь не признает тебя, правду вытянут клещами. А потом и ту правду, что кроется за ней. Через какое-то время ты

уже перестанешь быть тем, кем был раньше. А в конце то, что останется от твоих отделенных членов, поплывет по этой канаве к реке, а вслед за ними твое неуклюжее туловище. Если же моя дочь признает тебя — тебя, снедаемого любопытством, — то будешь ты поглощен огнем в чреве моего быка. — Мардук хлопнул идола ладонью, и тот отозвался гулким мычанием. — Крики твои будут выходить ревом через его ноздри. По сравнению с первым вариантом довольно быстрая смерть.

— Владыка, — с сомнением пробормотал маг. Мардук бросил на него свирепый взгляд, потом улыбнулся.

— Шучу. Человеческие жертвоприношения будут проводиться со всем возможным состраданием. Тебе, ничтожный раб, дадут настой для притупления ощущений. Мы думали, кто будет первой жертвой…

Сердце дрогнуло и заколотилось.

— Жертвой…

— Да, жертвой! Для утверждения власти Мардука! Без жертвоприношения нельзя. Смертный, принявший смерть в брюхе бога! А потом бессмертный Мардук берет новую жену.

Безумие. Или нет?

Может быть, благоговение и ужас перед таким событием, а также облегчение, испытываемое каждым, кто не стал жертвой, и есть психологическая защита от безумия? Может быть, это тоже часть хитроумного плана Мардука?

К черту планы! К черту душевное спасение! К черту все, кроме выживания! Сейчас главное — не умереть, не стать жертвой этого безумного, ужасного древнего обычая!

Захочет ли Дебора вступиться за него? Попросит ли помиловать его в знак особой милости к невесте бога?

— Я думал, — продолжал Мардук, — взять для жертвоприношения нежеланного ребенка, ублюдка, отродье нищего. И тут вдруг этот раб. Может быть, маги, это знак? Если только он настоящий раб. Посмотрим.

Часа через два Алекса провели наверх через сталагмитовый зал с отвратительными статуями и доставили в комнату, убранство которой он, учитывая обстоятельства, оставил без внимания. Фессания сидела, потягивая какой-то напиток. Мардук, облаченный в роскошное одеяние, держал в руке кубок с вином.

— Ага, — произнес бог, — знаешь ли ты этого раба?

Алекс умоляюще смотрел на Фессанию, отчаянно пытаясь вложить в немое послание и заверение в том, что он вовсе не собирался бежать от нее, и мольбу о спасении, и обещание верности. Не слишком ли много для пары глаз?

Поколебавшись, Фессания уверенно тряхнула головой.

— Конечно, я его знаю. Это мой раб.

— Вот как. В таком случае он останется здесь. Благодарю тебя, Фессания. Не сомневаюсь, что тебе есть чем себя занять.

— Он что, пытался сбежать? — вскользь спросила она. — Со мной Пракс. Мы заберем раба с собой. Он заслужил наказание и будет выпорот и заклеймен.

— Нет, он останется.

— Почему?

— Госпожа, меня собираются убить! — выпалил Алекс. Стоящий рядом маг наотмашь ударил его ладонью, в

кровь разбив губы и едва не лишив зубов.

— Не попорти лицо, — предупредил Мардук. Фессания встала, и Алекса захлестнуло отчаяние. Однако она осталась, чем немало его удивила.

— Отец, — спокойно сказала девушка, — если ты оставишь моего раба здесь, я определенно —

назло тебе — заколю Музи в первую же брачную ночь, когда этот боров засопит после того, как изнасилует меня.

— Убьешь мужа, и тебя прилюдно посадят на кол.

— О нет! Не посадят, потому что я покончу с собой. Хотя… зачем ждать? Если ты не отпустишь раба со мной, я отравлюсь еще до свадьбы.

— Привести сюда Пракса! — взревел Мардук и, повернувшись к дочери, угрожающе прибавил: — Пракс будет следить за тобой, как ястреб, или понесет суровое наказание.

— Даже ястреб смыкает глаза.

— Время до свадьбы ты проведешь в своей комнате и под надзором. С тобой постоянно будет находиться кто-нибудь из храма.

Она пожала плечами.

— Возможно, с самоубийством придется подождать до свадьбы, но тогда уж Музи умрет наверняка. А я за ним. А если Музи не умрет в первую ночь — скажем, по причине присутствия при нашем совокуплении официального надзирателя, что может, кстати, воспрепятствовать исполнению Музи своих обязанностей, — то он так или иначе испустит дух в одну из последующих ночей. Я знаю, Великий Мардук, как ценит

тебя Гибил, и думаю, что когда он востребует тело, то обнаружит, что жизнетворный орган его сына отрезан и засунут ему в глотку… Если же я смогу забрать раба — моего своенравного котенка, мою певчую птичку — прямо сейчас, то обещаю, что Музи получит все возможное удовольствие. И в первую ночь, и в остальные. Это все.

Несколько мгновений Мардук бесстрастно взирал на дочь.

— Забирай своего раба, — сказал он наконец. — И не забудь выпороть его и заклеймить.

С этими словами бог вышел из комнаты. Ровно в тот момент, когда в другую дверь ввели Пракса. Фессания щелкнула пальцами.

— Идем, Алекс. Домой.

Он с радостью, хотя и стараясь скрыть облегчение под маской раскаяния, устремился вслед за ней. Миновав несколько поворотов и дверей, они вышли на лестницу. Пракс не отставал.

— Держись подальше, — бросила через плечо Фессания. — Мне нужно с ним поговорить.

Слуга тут же сбавил шаг.

— Не знаю, как тебя и благодарить, — залепетал Алекс. — Они собирались сжечь меня заживо внутри бронзового быка. А теперь сожгут какого-нибудь ребенка.

— Что ты сказал? Повтори!

— Они решили возобновить практику человеческих жертвоприношений. Сжечь брошенного ребенка во время брачной церемонии. А тут подвернулся я. Мардук задумал таким способом укрепить свою власть.

— Понятно. Ты, наверное, думаешь, что мы с ним друг друга стоим — я ведь пригрозила отрезать любимому супругу хозяйство!

— Ты сказала так, чтобы спасти меня.

— Я говорила серьезно.

— На тот момент.

— Верно. Угроза не подействует, если ты не готов ее исполнить и если сам не веришь в это всей душой. С другой стороны, угроза — всегда вопрос гордости.

— То есть ты собираешься исполнить другое свое обещание, доставить Музи неземное наслаждение? Мне так жаль…

— Жаль, что из-за тебя я дала такое обещание? — Фессания улыбнулась. — Кстати, о «неземном наслаждении» речь, по-моему, не шла. И почему это ты вдруг решил, что я такая уж мастерица по части наслаждения? Ладно, завтра вечером ты сам сможешь увидеть Музи и дать мне свое экспертное заключение. Гибил с сыном будут к

обеду. Между прочим, ты действительно собирался сбежать?

— Только не от тебя. Теперь я это точно знаю.

— Я тебе верю, Алекс. Расскажи, что случилось. Особенно меня интересует, как ты открыл железную дверь. Ловко получилось.

— Угадал комбинацию. Думаю, Мардук уже сменил код. Спустившись к основанию зиккурата, они направились через двор к южным воротам.

— Итак, обо всем подробно и с самого начала. И поторопись. Не забывай, тебя еще ждет наказание: порка и клеймение.

— Что?

— Ничего не поделаешь. Отец все равно узнает. Он может увидеть тебя в молельне, через стеклянный глаз, издалека. Обмануть его невозможно. Не думай, что мне это приятно! Я назначу Аншара. Он только на вид крепок — много жира, мало жил. Объясню, что очень расстроюсь, если ты серьезно пострадаешь.

— Спасибо. — Помолчав, Алекс все же решился задать опасный вопрос. — Фес, почему бы тебе не отпустить меня? Списать долг?

Она покачала головой.

— Такое поведение сочтут по крайней мере странным. Меня не поймут. Мардук может что-то

заподозрить. К тому же тогда тебе придется покинуть мой дом. А это меня совсем не устраивает.

Да, она хотела оставить его при себе — Алекс и сам это чувствовал.

— Так странно все сплелось, — задумчиво продолжала Фессания. — Его брак, мой брак. Борьба за власть, дворец… И вот теперь жертвоприношение детей. Ну же, рассказывай!

И Алекс рассказал. Начав во дворе, закончил лишь полчаса спустя в комнате Фессании.

Слугам и рабам было велено собраться во дворе. На каменную скамью положили соломенный тюфяк, чтобы Алекс не поранился во время порки. Аншар, сопя от натуги, связал под скамьей колени и локти провинившегося и отступил.

Пракс протянул ему хлыст: длинную кожаную плеть в палец толщиной, без узелков и острых краев.

— Вот это правильно! — сказал Аншар. — Рабы не убегают. Рабам положено подчиняться. — Хлыст опустился.

После четвертого удара Алекс решил, что сдерживать рвущийся из легких крик не стоит. К тому же в воплях тонули нравоучительные сентенции теряющего силы Аншара.

Пятнадцать ударов. Вразброс, если судить по

ощущению. И все же одни пересекались с другими. Перед тремя последними у Алекса не осталось сил даже на крик.

Порка закончилась. Мама Забала поспешила нанести на спину охлаждающую мазь. Аншар, отдуваясь и пыхтя, развязал веревки. Встать Алекс не смог. Слезы застилали глаза. Аншар и Пракс поставили его на ноги, и кухарка вытерла тряпкой лицо.

Алекс посмотрел на Фессанию. Губы ее дрогнули, она отвернулась и быстро ушла.

Всю вторую половину дня он лежал на том же самом тюфяке на полу молельни, словно отбывая епитимью и находя облегчение в прохладе, полумраке и относительном отсутствии мух. Когда же пришлось подняться и встать на колени к вечерней молитве, ощущение было такое, будто спину сначала ободрали, а потом ошпарили кипятком. Двигаться приходилось медленно и крайне осторожно, чтобы кожа не лопнула.

Началась служба. Черный занавес открылся. За ним стоял Мардук.

— Раба выпороли, — доложила Фессания. — Покажи спину, раб.

Алекс повернулся, сомневаясь, что в тусклом освещении его раны произведут должное впе-

чатление.

— Вопил ужасно. Даже какой-то воробей сдох от ужаса. — Это уже слишком! — Кухарка подтвердит. Забала!

Взволнованная не столько зрелищем порки, сколько необходимостью свидетельствовать перед лицом самого Мардука, Мама Забала побледнела и затряслась.

— Ужасно, Владыка, — дрожащим голосом произнесла она. — Да, ужасно…

— Завтра придет клеймовщик, — пообещала Фессания. Мардук исчез, не снизойдя до комментариев.

Поздно вечером, лежа на животе под фиговым деревом и мучаясь от не дающей уснуть жгучей боли, Aiei

Много позже шаги вернулись. Приблизились.

— Молчи. — Фессания опустилась рядом с ним на корточки. Пришла к нему! Ночью! Через весь двор! — Я пробовала открыть железную дверь, но Мардук уже сменил код. Я перебрала все имена бога.

— Новая комбинация может означать что-то другое.

— Не может. Код должен иметь какое-то отношение к Мардуку. Иначе он может его забыть.

— Может быть, это имя, которое ты никогда и не слышала.

— Ты все-таки почеши затылок. В прошлый раз получилось.

— Повезло.

— Удача изменчива. — Она погладила его по спине. Алекс вздрогнул, но рука осталась. — Я пришла сегодня, потому что отец мог выбрать новый код в спешке, чтобы потом подойти к делу более основательно. А еще подумала, что комбинация на замке в храме наверняка осталась прежней. Иначе как туда попадут его агенты из Вавилонской башни? На то, чтобы их всех предупредить, требуется какое-то время. Ты сказал, ручей в туннеле течет в Евфрат?

— Да, и впадает в него ниже уровня воды! Иначе бы по туннелю шастали все, кому не лень.

— Гм… Ты можешь нырнуть с задержкой дыхания?

— Только не сейчас.

— Когда поправишься и будешь чувствовать себя лучше, мы совершим небольшую лодочную прогулку.

— Фессания… — Да?

— Не хотелось бы отвлекаться, но как ты думаешь, эта его невеста…

— Перестань мямлить. Можешь называть ее по имени. Ничего не имею против.

— Как ты думаешь, Дебора знает, что ее свадьба будет отмечена человеческим жертвоприношением? Мне в это не верится. И если узнает, что будет дальше? Передумает?

Фессания рассмеялась.

— Ты это к тому, что мне нужно отправить тебя с секретным поручением в храм Сима? Ох, мужчины, какой только предлог не изобретут, чтобы повидаться с женщиной… даже в столь жалком состоянии!

— Не могу сказать, что так уж хочу ее увидеть. Ты могла бы сходить сама.

— Главный интриган в роли мальчика на побегушках? А для чего тогда посредники?

— Речь идет о чем-то большем, чем интрига.

— Нет! Если мы начнем воспринимать происходящее как нечто большее, то можем утратить чувство меры и начать убивать детей.

— Твоего ребенка он все равно заберет.

— После того как убедится, что у меня родился мальчик. Да, я знаю. Знаю. Послушай. Я готова рассказать тебе о свитке. Думаю, то, что узнал Мори, правда. Свинья вроде того продажного мага просто не способна придумать ничего по-

добного.

— Ты назвала его свитком, который контролирует.

— М-м… пожалуй, что и так. Ты ведь понимаешь, как Мардук появляется в молельне?

— Holographos. Картинка, которая передается из храма по стеклянным проводам. Творение tekhne будущего.

— Мы, вавилоняне, предпочитаем не помнить о таких вещах. А многие и вообще никогда ни о чем подобном и не слышали. Посмотри хотя бы на Маму Забалу — для нее это настоящая магия. Достичь нужного религиозного эффекта не так уж и трудно. Боги вдруг являются ниоткуда и обращаются к тебе лично! И пусть даже не сами боги, а воплощающие их верховные жрецы. Представь, каким чудом кажется людям появление бога где-нибудь на углу улицы! Невероятно! Необъяснимо! Чудо! Как же им не верить в такого бога? Ты знаешь, какую роль знамения играют в Вавилоне.

— Искусство понимания знамений — в умении их применить, — сказал Алекс, вспомнив слова Аристандра.

— Вот именно. Для меня, например, Мардук загадки не представляет, но даже на меня может

подействовать, если он возникнет вдруг здесь, посреди своего собственного двора. На того же, кто с такими фокусами не сталкивается, они производят сильнейшее впечатление. Ты в Вавилоне недавно, а то бы услышал самые диковинные рассказы. Боги являются в самых разных местах, неожиданно, необъяснимо. Боги все видят и слышат. Слышат наши молитвы. Иногда бог приказывает что-то сделать, и ослушаться его опасно. Такое, правда, случается нечасто.

А ведь он подозревал нечто в этом духе! Скрытно установленные по городу крохотные камеры, фиксирующие все происходящее. И, похоже, не только фиксирующие! Через них ведь могут передаваться и голографические образы.

— Можно ли в этом городе вообще что-то замышлять? Ты уверена, что нас сейчас никто не слушает?

— Конечно, нет! Не все стены имеют уши. Не у всех окон есть глаза. В противном случае, чтобы следить за нами всеми, понадобился бы еще один такой же город.

— Вот как? А что, если существует созданный с помощью tekhne будущего искусственный мозг, который решает все сам, без контроля человека, и который думает со скоростью, какой мы себе и

представить не можем?

— Алекс, дорогой, ты выказываешь симптомы того, что греки называют para-noia. Думаю, стеклянных глаз не так уж и много. И если не принимать их в расчет, мы свободны как птицы, и можем устраивать заговоры сколько душе угодно.

— От tekhne спасения кет, Фес, даже если мы пользуемся масляными лампами, поклоняемся Мардуку и клеймим рабов.

Она все еще держала ладонь на его спине.

Теперь пальцы стиснули кожу, и ближайший рубец запульсировал болью. Алекс охнул. Ее губы легко коснулись мочки его уха.

— Слушай. Свиток содержит образ Мардука. Мардука, проклинающего собственный храм. Мардука, кающегося в присвоении слишком большой власти. Сделано очень ловко — точь-в-точь мой отец. Вот какие сведения я получила за свои деньги… и твои тоже. — Она убрала руку. — Вложить свиток в некое устройство в храме во время свадебного пира… понимаешь? Я частенько играла в храме, когда мы только прибыли сюда. Устройство — я в этом уверена — находится на галерее, над алтарем с быком. Используй свиток — и он не посмеет принести в

жертву ребенка.

— А как же свадьба?

— Какие-то проблемы возникнут, но отменять ее не станут. Отец не позволит себе потерять роль верховного жреца. С ситуацией он справится, но вот от жертвоприношения, как и от высших амбиций, придется отказаться.

— А как же твоя собственная свадьба?

— Скажем так, вопрос о будущем местожительстве господина Музи и его супруги может быть пересмотрен. — Она поцеловала Алекса. Кончик языка пощекотал ухо. — Завтра Мама Забала подготовит тебя к клеймению. Даст кое-что выпить. Крепись. Наберись мужества. Все закончится в одно мгновение. Ничего не поделаешь.

Клеймение. О боже!..

Бог — Мардук. И бог пожелает удостовериться, что все его указания выполнены до прибытия гостей, Музи и Гибила.

Как и было обещано, едва Алекс вычистил и вымыл посуду, как кухарка подала ему чашку с каким-то варевом.

— Какая досада! — с притворной веселостью сказала она. — Как раз в день, когда мы ждем гостей! Столько работы! Без тебя мне не обойтись.

— Я и так едва двигаюсь, — пожаловался Алекс,

ничуть не покривив против истины.

— Надо держаться.

Он осушил чашку двумя глотками. На вкус — крепкое пиво с сильным запахом трав. Подействовало почти сразу — закружилась голова. Он как будто поплыл. В глазах помутилось, очертания предметов задрожали, расплылись. Голова словно превратилась в кочан капусты, онемелый, бесчувственный овощ. Тело пылало, спина разболелась пуще прежнего. Бывает, что профилактика хуже того, от чего призвана защитить. По крайней мере в случае с поркой она не спасла.

Кухарка участливо посмотрела на него.

— Как себя чувствуешь?

— Мерзко. Как будто отравы выпил.

— Надеюсь, подействует как надо. Снадобья, когда смешиваешь с питьем, ведут себя по-всякому.

— Где моя голова? Она же отвалилась.

— Вот и хорошо. К полудню будешь как огурчик. Аншар сопроводил Алекса к уже знакомой, пусть и не

вызывавшей приятных воспоминаний скамейке, на которой незнакомый мускулистый розовощекий парень в юбке и длинном кожаном фартуке уже разложил инструменты: перенос-

ную угольную жаровню, кузнечные мехи, чан с водой и клеймо с печатью в форме львиной головы, идентичной татуировке на щеке Алекса.

Зрители молчали. Фессания теребила губу. Алекс сел. Клеймовщик дотронулся до железного льва — холодный. Аншар повязал вокруг головы жертвы полоску тряпки и натянул ее на глаза.

— Чтобы не дергался, а то клеймо соскочит. Потом он крепко взял Алекса за мочки ушей. В голове

зашумело. Шум напоминал гул ветра в глубокой пустой пещере, и в нем почти потерялось дыхание мехов и похрустывание угольков.

Внезапно онемевшую щеку пронзила раскаленная стрела. Боль была страшная, как будто в плоть вгрызлась изголодавшаяся крыса. Алекс почувствовал запах паленого мяса. В следующий момент все уже закончилось. Аншар разжал пальцы. Повязка упала с глаз. Клеймо упало в чан с водой. Зашипели змеи. Мама Забала накладывала на щеку то ли мазь, то ли холодную глину.

К вечеру заклейменная щека беспокоила Алекса меньше, чем исполосованная спина. Щеку он по крайней мере мог сохранять в неподвижности, а со спиной такого не получалось. Стоило поднять руку, как ее как будто атаковал рой обозленных

пчел. Кочанное состояние головы разрешилось похмельным синдромом средней степени.

Он сходил в молельню, чтобы показать Мардуку свою новую отметину, и теперь, с заново обмазанной щекой и сытым желудком, смиренно занял свое место в углу обеденного зала. Другие слуги уже суетились, обслуживая почетных гостей, восседавших за столом вместе с Фессанией. В роли дуэньи выступала тетя молодой госпожи.

Женщина эта, Нингаль-Дамекин, примчалась из своего загородного поместья специально для того, чтобы руководить приготовлениями к свадьбе племянницы. Алекс возненавидел ее с первого взгляда. Нингаль-Дамекин была высокого роста, тощая, а ее физиономия вызывала ассоциации с топором. Портрет дополняли самоуверенно выступающая челюсть и пронзительный, похожий на облагороженный лай голос. По дому она расхаживала так, словно негнущиеся колени не позволяли двигаться иначе, как по прямой. Несочетаемое сочетание загара от длительного пребывания на воздухе и густо наложенного макияжа преимущественно лиловых и золотистых тонов призвано было, очевидно, подчеркнуть ее достоинства красавицы и знатной, пусть и сельской дамы. Менее искушенный наблюдатель

назвал бы этот цвет цветом гангрены. Ее страстью была охота на лис и прочих пушистых зверьков. Ничто не доставляло ей такого удовольствия, как созерцание разрываемой на клочки дичи. Понятно, что Нингаль-Дамекин было о чем поговорить с Музи, охотником на крупного зверя.

Сложенный как квотербек, с длинными, до плеч, и вымытыми (по крайней мере в этот вечер) волосами и радужной повязкой на голове, Музи начал с того, что похвастал перед тетушкой невесты браслетом, который носил на запястье и который был сплетен из чего-то, напоминающего жесткую серую проволоку.

— Талисман на удачу! — доверительно сообщил он. — Из волос с задницы слона! Прошу прощения.

Отец Музи был непримечательный толстячок с налетом барской любезности; его супруга — худенькая, суховатая, скорбного вида особа с собранными в пучок шелковистыми молочно-белыми волосами. Ела она без аппетита — не ела, а клевала, — хотя на столе были и жареный молочный поросенок, и крабовое мясо в маленьких хрустящих хлебцах, выглядящих точь-в-точь как раковины, и овечьи мозги, и страусиные яйца, и пряные лепешки, и фаршированные мыша-

тами куропатки. На середине стола красовался жареный павлин с хвостом из вареного лука и глазами из грибов. Пол окропили ароматной водой. Многочисленные лампы окуривали помещение сладковатым дымом. Нанятый по случаю квартет музыкантов негромко наигрывал на лютнях и флейтах.

Гибил ел спокойно и неторопливо, его сын — с удовольствием, Нингаль-Дамекин — с жадностью, но, конечно, только для того, чтобы подать пример другим.

Фессания, облаченная в серебристое платье, отдавала должное всему понемногу, включая вино, но не пьянела — в отличие от Музи.

— Эй! — обратился к ней Музи, указывая пальцем в сторону Алекса. — Хотел спросить. Тот раб. Что он такого сделал, а? Сбежал от такой куколки?

— Прогулялся без разрешения.

— И ты его выпорола и припечатала?

— Разумеется.

— Ух ты, какая львица! А зачем он здесь? Ничего ж не делает.

— У тебя аппетит из-за него испортился?

— У меня? Не-а. На прошлой неделе отрубил слону хобот. Секирой.

— Какое горе для слона.

— Фессания! — запротестовала Нингаль-Дамекин. — Такое мог совершить только настоящий герой.

— Точно, — согласился Музи. — Давайте расскажу.

— Сейчас… Фессания, действительно, так ли уж обязательно присутствие здесь этого раба? Вид у него такой… неприглядный.

— Конечно. Это мой личный раб. Гибил подмигнул.

— Думаю, наша маленькая хозяйка хочет показать, что она способна совладать и с моим сыном. Не обижайтесь, госпожа. Мне это нравится! — Он рыгнул и тут же, вспомнив про манеры, повернулся к супруге и небрежно протянул: — Великолепное угощение. Стол ломится и стонет. Не так ли?

— Да, определенно, — ответила она, подцепив вилкой крохотного мышонка.

— Можно не бояться, что наш сын будет голодать, возвращаясь с охоты. Но с охотой придется подождать, пока не истекут медовые луны.

— А что, раньше нельзя?

— До зачатия — нельзя, сын мой.

— Да это же может растянуться на целый год!

— Музи, ты же мужчина.

— Он лев, — вставила Фессания. — Слон.

— Ага. Я как раз собирался рассказать про тот случай с хоботом.

Фессания наклонилась к Гибилу.

— Вас вполне устраивает, что мы будем жить в этом доме?

— Устраивает ли это меня? На то есть причины, дорогая.

— Нисколько не сомневаюсь. Я и не пытаюсь их понять — такие вещи не для моего слабого разума. Но не слишком ли жестоко надолго лишать молодого, активного мужчину любимого увлечения, а здесь его возможности будут ограничены. Вы согласны, тетя? Бездействие способно иссушить его силы и привести к результату, противоположному требуемому. Приятели будут насмехаться над ним, а это тоже не на пользу мужской доблести. Насмешка способна подрезать крылья самому смелому ястребу.

Музи оживился.

— Да, ястребы… С ними я тоже охочусь. Но тот слон…

— Гм… возможно, в том, что вы говорите, есть смысл, — признал Гибил.

— Таких бивней я еще не видел!

— Я бы определенно чувствовала себя неполноценной, — заметила тетя, — если бы не смогла выезжать на охоту два или три месяца. Мне уже пришлось многим пожертвовать, чтобы приехать в город так надолго, хотя два события — бракосочетание Мардука и замужество племянницы — того стоят, так что мне ничего не остается, как только смиренно исполнить долг.

— Может, и недели хватит? — жалобно спросил у отца Музи.

Мать отважного охотника вздохнула.

— Сын… как бы тебе объяснить? Даже самый сильный бык не может творить чудеса. Самка должна быть готова принять брошенное семя в своем лоне. Но и тогда ничего еще не гарантировано. Факт природы.

— Отец говорил, есть какие-то снадобья… ну, чтобы помочь природе. Астролог определил, что брачная ночь придется на время течки. Разве не так?

— Возможно, — дипломатично, что было нехарактерно для нее, заметила Нингаль-Дамекин и поспешила сменить тему на более интересную. — Музи хотел рассказать нам о слоне…

И молодой охотник ступил на долгую и петляющую тропу повествования об отчаянных

приключениях в диких резервациях, где свободно разгуливают индийские слоны и где меж стад коз и антилоп обитают львиные прайды.

Фессания ловила каждое его слово.

Четыре дня спустя, за завтраком, Фессания, к большому неудовольствию тети, объявила, что намерена в сопровождении раба прокатиться на лодке. Ей приснился сон с текучей водой, круглыми лодками и малышом у нее на руках; потом она очутилась в пустыне, а мальчик стал девочкой. Очевидно, что путешествие по реке должно послужить достижению той же цели, что и орошение поля перед севом.

— Сон? — хмыкнула презрительно Нингаль-Дамекин. — Кто теперь обращает внимание на сны? Ты можешь утонуть.

— Мой раб хорошо плавает.

— Ха! И кого же будет спасать — тебя или себя? Прислуживал за столом Алекс, состояние которого

благодаря мазям кухарки значительно улучшилось.

— Я спасу госпожу Фессанию даже ценой собственной жизни, — сказал он.

Фессания искоса посмотрела на него, вскинула бровь и повернулась к тете.

— Вот видите.

— Веришь слову раба, которого сама же недавно приказала выпороть? Нет, возьми в сопровождающие кого-нибудь другого. К тому же, племянница, этот раб — мужчина. И не евнух, а…

— Как вы смеете! Делать такие намеки…

— Я ни на что не намекаю. Всего лишь обращаю твое внимание.

— И вообще, тетя, у меня сейчас месячные.

— А!

— Вот так-то. Через неделю свадьба Мардука. А еще через неделю мне выходить замуж, как раз в середине моего лунного месяца. Вы довольны? Или желаете лично удостовериться?

— У меня ничего такого и в мыслях не было. Может, поэтому тебе и снится текучая вода?

— Смысл сна в другом: будет ли у меня мальчик или девочка. Во исполнение долга перед мужем, отцом и богом я и предпринимаю это тошнотворное путешествие по реке.

— Тебе нужен достойный телохранитель.

— Раб возьмет нож.

— Раб с ножом? Невероятная глупость!

— Вовсе и не глупость. Он же не захочет сесть на кол за измену. Кроме того, тетя, я хорошо знаю город, потому что часто хожу одна. Вам, деревен-

ским, город представляется более опасным, чем есть на самом деле. Я ничем не рискую.

— У тебя действительно месячные? — поинтересовался Алекс, когда они шли к реке, до которой от улицы Писцов было совсем недалеко.

Фессания кивнула.

— Отец уже давно рассчитал мои месячные циклы.

— Почему ты так настаивала, чтобы я взял нож?

— Мало ли в какую заварушку мы можем попасть. С ножом из неприятностей выпутаться легче, чем без него.

Они вышли к прибрежной дороге, пересекли ее и спустились по каменным ступенькам к набережной. Из стоявших у причала лодок выгружали груз: продукты и вино. Пролегавший под дорогой сумрачный туннель вел к какому-то базару.

— Это самый южный туннель, — объяснила Фессания. — Идет к улице Гигуна. Торговые туннели довольно короткие, так что я их все проверила. С нашим не связан ни один. А вот и лодка.

У швартового столбика покачивалась на воде лодчонка с ослом. Хозяином животного и плавсредства был смуглый, латиноамериканского

типа малый с обвисшими усами. Подтянув лодку вплотную к набережной, он кивком предложил пассажирам подняться на борт.

— А якорь у тебя есть? — осведомилась Фессания. Лодочник показал на мешок. — Хорошо. Мне нужно, чтобы ты держался как можно ближе к берегу.

Усач оттолкнулся от набережной. Лодка медленно поползла вниз, тычась в берег и кружась. Хозяин налег на руль, вывел суденышко на течение и попытался усмирить его норовистые попытки пуститься в пляс. Осел воспринимал происходящее вполне флегматично и лишь иногда переступал с ноги на ногу. Возможно, соломенная лодка представлялась ему передвижной конюшней, и река не вызывала никаких эмоций.

Вода была не такой мутной, как рассчитывал — и на что надеялся — Алекс. Видимость составляла около четырех локтей. В глубине мелькали весьма крупные рыбины — наверно, лини, — время от времени ловившие кусочки плывущего мусора.

Вскоре они спустились к береговой башне, обозначавшей городскую стену. Фессания наклонилась, вглядываясь в воду. Алекс присоединился к ней. Внизу что-то темнело.

— Якорь!

Лодочник бросил за борт плавучий якорь. Лодка дрогнула, попыталась развернуться и неохотно замерла.

— Там, видишь? Верхушка кирпичной арки. Основания не вижу, а ты?

— Глубоко.

— Да. Думаю, туннель затоплен локтей на сто.

— Если только не уходит отвесно вверх.

Лучше проявить готовность устремиться в опасные глубины, чем продемонстрировать постыдное малодушие.

К счастью для него, на сей раз Фессания склонилась в пользу благоразумия и осторожности.

— У нас нет оснований для таких предположений. Туннель здесь, но ты утонешь в нем, как крыса. Поднимай якорь, лодочник! Вперед. Высадишь нас у переправы Борсиппы.

Ишак оглушительно заорал. Часовой на башне сердито посмотрел вниз и насмешливо помахал рукой. Лодочник торопливо толкнул животное в грудь, заставляя попятиться. Осел отступил к борту, задрал хвост и выпустил в воды Евфрата мощную желтую струю.

Они вышли на берег за внешней стеной Навуходоносора, у отходящего от реки Нового канала.

Дорога на Борсиппу обрывалась у самой воды и продолжалась уже на другом берегу. Моста над каналом не было, его заменял паром, тащить который приходилось с помощью натянутой между берегами веревки.

Фессания заплатила хозяину, Алекс помог ей спрыгнуть на землю, и лодка, избавившись от пассажиров, запрыгала дальше на юг. Дорога, миновав внутреннюю стену, повернула к улице Писцов. Фессания шла легко, напевая, поглядывая вправо и влево на засеянные бобами поля. На деревянном мосту она остановилась и, прислонившись к перилам, посмотрела вниз. Вниз по каналу ползла груженная корзинами с мусором лодка.

— Знак льва на щеке, — помолчав, начала Фессания, — сыграет тебе на руку. Думаю, на галерею проникнешь без труда. Там будут музыканты, они и прикроют. Вложишь свиток в устройство, нажмешь кнопку в нужный момент, и готово! Мене мене текел упарсин.

— Что?

— Старое еврейское проклятие, подслушала у одного раввина на пристани. «Бог сочтет твое число, и игре твоей конец. Не такой уж ты всесильный, папуля, как думаешь». Вольный

перевод. Какая досада, что тебя пришлось еще и клеймить. Такое отличие от других рабов.

— Странно, но мне это тоже не нравится. Фессания рассмеялась и погладила его по руке.

— Попробуй стать невидимым. Вставишь свиток и сразу сматывайся. Как он туда попал, никто разбираться потом не станет. Каждый будет прикрывать собственную задницу. — Она сжала его пальцы. — Алекс, я хочу ребенка от тебя, а не от этого борова. Подожди… Да! Самая лучшая для зачатия ночь — это ночь накануне моей свадьбы. Да и практика кое-какая у тебя есть в отличие от могучего охотника.

В голове у Алекса замигали тревожные лампочки. — Но…

— Насчет тетушки Дамекин не беспокойся. Я позабочусь, чтобы она не проснулась до утра. Обещаю не кричать и не поднимать на ноги весь дом. Если хочешь, заткнешь мне рот. Хотя лучше не надо. И царапать тебе спину я тоже не буду. Можешь связать мне руки. Хотя лучше не надо.

— Не хочешь, чтобы это было похоже на изнасилование, да?

— Это будет ни на что не похоже. Это будет наш с тобой секрет, твой и мой.

— А если ребенок уродится в меня?

— Думаю, он унаследует и черты матери. И уж наверняка на его щеке не будет знака льва! И даже если он весь пойдет в тебя, пройдут годы, прежде чем черты проступят достаточно определенно.

— Но у тебя его отнимут!

— Алекс, я хочу ребенка от тебя. — Фессания отпустила его руку, потому что впереди показалась группа возвращающихся от переправы крестьян. — Хочу, чтобы ты был моим любовником, настоящим любовником. Это не игра, я больше не играю. Ладно, играю, но хочу, чтобы и ты играл со мной! Согласен?

— Удивительно, что я еще нравлюсь тебе после того, что ты наговорила о моем характере. Помнишь?

— А, это! Ну, я же просто готовила тебя к будущей службе. Хотела установить отношения. А говорила, наверно, не столько о тебе, сколько о себе. Иногда человека тянет поболтать. Слова складываются в историю. И не подумай, что я сейчас говорю все это только для того, чтобы втянуть тебя в игру со свитком. Мне страшно за тебя. Больно за тебя. Нас связала Иштар. Ну вот, опять! Но так оно и есть.

— Может быть. Я… я тоже тебя хочу.

— Хорошо, этот вопрос решен. И я уверена, Алекс, мы ни о чем не пожалеем. А теперь тебе лучше поотстать на пару шагов, надо же соблюдать приличия. Для всех мы должны оставаться госпожой и рабом. Другой ты меня увидишь, когда придешь вечером накануне свадьбы. И потом тоже. Надеюсь, на век Музи слонов хватит.

Дальше пошли каждый по себе: Фессания впереди, Алекс позади, не сводя глаз с покачивающихся перед ним узких бедер. За воротами Борсиппы их принял шумный Вавилон. Удивительно, но на душе у Алекса было легко, покойно и светло. Как будто небо над ним вдруг прояснилось, и из-за туч выглянуло солнце.

У перекрестка улиц Писцов и Забабы он заметил в толпе Гупту.

Индиец тоже заметил его.

— Алекс!

Фессания повернула голову.

— Не тот ли это индиец, с которым ты поднимался на Вавилонскую башню?

— Тот самый. Если кто и может стать невидимым, то это он.

— Серьезно? — Да.

Гупта уже понял, что Алекс не один, и теперь с ужасом и отвращением взирал на уродливую

отметину на его щеке. Верно оценив ситуацию, он перевел взгляд на Фессанию.

— Прошу извинить меня, добрая госпожа! — с преувеличенным почтением обратился он к ней. — Не соблаговолите ли вы позволить мне переговорить наедине со старым другом?

— Позволю, но прежде успокойтесь, — ответила Фессания, различив заделанной любезностью непритворный сарказм. — Все не так, как вы подумали. Ваш друг сам совершил ошибку, вторгшись в храм Мардука.

— И там его выпороли и заклеймили? — удивился Гупта. — Это правда, Алекс?

— Не совсем, но…

— Я бы и не поверил!

— Ваш скептицизм, индиец, был бы оскорбителен для любой на моем месте. Прошу вас, не делайте поспешных выводов.

— Мое имя Гупта, а не индиец.

— Хорошо, уважаемый Гупта, извините. Алекс, принимая во внимание… сам знаешь что… я хочу задать вопрос: насколько ты доверяешь этому человеку?

— Я вполне ему доверяю, — растекся в улыбке Алекс. — Однажды он дал мне взаймы денег.

— Вот как? Неужели? Ты не говорил. И сколько

же?

— Полтора шекеля.

Порывшись в спрятанном под одеждой кошельке, Фессания достала две серебряные монеты.

— Обычно я не обременяю себя наличными, но сегодня захватила немного, чтобы рассчитаться с лодочником. Возьмите деньги, господин Гупта, и пусть долг будет погашен. Благодарим вас.

Она сунула монеты в руку индийцу. Гупта тут же бросил их на землю.

— Вам от меня не откупиться!

Ничьими деньги оставались недолго, какой-то сорванец подскочил, смел их одним движением и дал стрекача.

— Что ж, вы только что сделали пожертвование в пользу бедных. Поздравляю!

— Не я, а вы!

— Гордости вам не занимать. Позвольте спросить, вы можете сделаться невидимым?

— О, так вы хотите, чтобы я исчез? Растворился? Не оскорблял вас своим присутствием? Позвольте заметить, что, занимаясь другими делами, я навел справки и о вас.

— Какого рода справки? У кого?

— Не важно. Я обещал Алексу помощь.

— Вы поможете ему, если научите, как стать

невидимым.

— Вы меня разыгрываете?

— Нет, Гупта, не разыгрывает.

— Когда мы только что увидели вас, Алекс сказал, что вы тот человек, кто может сделаться невидимым. Спрашиваю вас со всей серьезностью: вы умеете такое? Если да и если научите этому Алекса, то намного облегчите одно рискованное предприятие.

— Какое предприятие? Алекс покачал головой.

— Этого мы сказать не можем. Хотя оно действительно опасное.

— Так вы хотите, Алекс, чтобы я помог вам?

— Вы сдержите слово, — вмешалась Фессания, — и ваша совесть будет чиста. Вам сразу станет легче.

— И тогда в следующей жизни я не превращусь в хорька, ха-ха! Так что, Алекс, согласен?

— Полностью.

— Ладно, так тому и быть.

— А не выпить ли нам чего-нибудь прохладительного? — предложила Фессания. — Я знаю одно местечко на улице Забалы с чудесным садом на крыше.

Сад на крыше затеняли кроны пальм. Протяни руку — и вот тебе свежие, липкие финики. В боч-

ках цвел гибискус. Облетевшие розовые лепестки складывались в причудливые орнаменты. Алекс и Фессания пили холодное пиво, Гупта сделал выбор в пользу лимонада.

— Известно ли вам, — распространялся индиец, — что человек невольно закрывает глаза, когда чихает. Любопытный факт, не правда ли? Иногда чихание становится причиной сексуального возбуждения. Вот почему столь многие женщины закрывают глаза, когда целуются — из страха чихнуть в лицо любовнику! Вид телесной красоты тоже возбуждает, но он же может привести к мимолетной слепоте. Отсюда легенды об обнаженных богинях, которые ослепляют подглядывающих за ними мужчин.

— Все будут смотреть на Дебору…

— Для нас это довольно поздно, — напомнила Алексу Фессания.

— В равной степени, — продолжал Гупта, — люди предпочитают не замечать определенных сцен оскверняющего свойства, чаще всего связанных с физиологическими отправлениями. Станете ли вы, к примеру, присматриваться к тому, кто опорожняет кишечник или пускает слюну?

Фессания хихикнула.

— Надо запомнить и испытать на тетушке Дамекин, когда начнет допекать.

— Что еще более важно, люди распознают только то, что уже знают. Если глаз встречает что-то непонятное, бессмысленное, разум туг же подсовывает правдоподобное замещение, и мы видим нечто совсем другое. Хотите, чтобы вас не замечали, надевайте бесформенное платье несовместимых цветов. Это для начала. Тело, да будет вам известно, разговаривает на своем собственном языке, состоящем из ограниченного набора фиксированных фраз. Его речь не льется легко и плавно, даже если наш разум воспринимает равномерное движение. На самом деле тело дергается, перескакивая из одной позы в другую. Жесты и выражения есть ритуалы, на которые мы, сами того не сознавая, откликаемся такими же ритуалами. Если ваше тело научится проскальзывать в промежутки между отдельными, изолированными позами, заполнять их реальными действиями, то такие действия останутся незамеченными. И соответственно если вы нарушите кажущуюся последовательность и связанность своего поведения, так что оно распадется на хаотичные и даже противодействующие маневры, мозг наблюдателя применит Клинок

Упрощения и отсечет все непривычное и непонятное. При нарушении вами последовательности шагов и стройности походки наблюдателю станет неприятно смотреть на вас, хотя он и сам не поймет почему. И наоборот, крайняя монотонность движения притупляет глаз. Посмотрите на меня. Сейчас я продемонстрирую несколько трюков с позами и движениями…

Через полчаса Алекс понял, что должен потратить не меньше года (или пяти лет) в качестве ученика, чтобы освоить премудрости проповедуемых Гуптой дисциплин. Эти смещения ожидаемого, эти разрывы нормальности, в которых человек просто-напросто исчезает…

Словно в ответ на невысказанные сомнения Гупта заявил:

— Не так давно нас обоих погружали в глубокий гипноз в Вавилонской башне. Вы еще не утратили восприимчивость. Я могу загипнотизировать вас сам, хотя и не настолько глубоко, как те, в башне, у которых есть специальная tekhne. В настоящее время я занимаюсь с несколькими стриптизершами Камберчаняна. При определенных условиях гипнотический транс может возвращаться спонтанно, как и состояние наркотической фуги. В этом городе гипнозу подвергались все, следо-

вательно, все потенциально суггестивны, что немало помогает.

Предлагаю следующее: я обучаю вас под легким гипнозом пару дней. Разумеется, передать за столь короткий срок все знания и опыт веков невозможно. Но я напишу слово, которое спрячу у вас в голове. В момент опасности разверните бумажку и прочтите слово вслух. Тело все вспомнит. Не пытайтесь ему противодействовать. Твердо верьте, что вы невидимы, отбросьте любые сомнения. Действуйте так, как будто вас никто не видит. Только смотрите, чтобы на вас не натыкались, ха-ха!

— Под гипнозом, — заметила Фессания, — Алекс может раскрыть свою миссию.

— Только если я задам соответствующий вопрос. Обещаю не задавать. Клянусь нашей с ним дружбой.

Она кивнула.

— Хорошо. Алекс пойдет с вами. Я отпускаю его на два дня. Ваша демонстрация, гуру Гупта, произвела на меня сильное впечатление. Следующие несколько недель я буду немного занята, но потом мне хотелось бы поучиться у вас — пройти глубокий и расширенный курс. Разумеется, я щедро заплачу, но только при условии, что буду

вашей единственной серьезной ученицей.

— Серьезными ученицами могут стать и одна-две стриптизерши.

— И одна или две воровки? Один или два наемных убийцы?

— Ха-ха! Невидимые убийцы могут заколоть меня так, что я и не замечу. А невидимые воровки украдут все деньги, которые вы мне заплатите.

Фессания подалась к нему.

— Истинный успех приходит к Мастеру тогда, когда ученик превосходит его и ставит в тупик, не так ли?

— Какая глубокая мысль. Пожалуй, я приму вас в ученицы. Но при этом продолжу доводить до совершенства и стриптизерш.

— Ладно. Но никаких богачей, знати, жрецов или политиканов.

— Договорились. В любом случае я предпочитаю практиковать свое искусство в низах.

— Это чтобы не превратиться в придворного шарлатана? Цирковую обезьянку? И чтобы не золото обращать в грязь, а грязь в золото?

— О, вы действительно многое понимаете. Я определенно приму вас.

— А я хорошо вам заплачу. Деньги — лучше всего в драгоценностях — можете замотать в старую

тряпку и спрятать, если хотите, в навозную кучу.

— Алекс, друг мой, вам повезло с госпожой.

— Да, Гупта, да. Повезло.

— А теперь, — сказала Фессания, — давайте зайдем к писцу, потому что Алексу нужна дощечка с разрешением находиться вне моего дома. В противном случае, прежде чем он научится становиться невидимым, кто-нибудь заметит у него клеймо и шрамы и донесет властям.

Гупта повел Алекса не на постоялый двор, а в примыкающий стриптиз-салон.

Поскольку речь идет о загадочном искусстве невидимости, события тех помноженных надвое двадцати четырех часов, которые Алекс провел в бывшей кожевенной мастерской, переименованной в «Глаз Гора», также должны оставаться невидимыми, тем более что все это время он пребывал в гипнотическом трансе, совершенно не сознавая, чему обучает его и что делает с ним Гупта. Посему повествование переносится к часу возвращения в дом Фессании, куда Алекс спешит с клочком бумаги, на котором записано неведомое магическое слово.

Тело болело в местах, вроде бы не имевших никакого отношения к порке. Ощущение было такое, словно над ним потрудилась бригада мас-

сажистов, причем ни один из них и пальцем до него не дотронулся. Результатом массажа стало то, что у него как будто появились новые мышцы, особенно в ногах и бедрах.

Подходя к дому, Алекс заметил нищего голодранца, который, скрестив ноги, сидел в начале улицы.

Присмотревшись, он понял, что нищий на самом деле не нищий, а оставшийся в живых телохранитель из башни, агент Аристандра!

Алекс бросил на него еще один взгляд — оказавшийся, наверное, лишним — и прошел мимо, повторяя про себя:

— Я раб. Всегда был рабом. Судьба моя рабство. Рабу рабская доля.

Тем не менее бродяга пошевелился.

— Эй, ты! Куда спешишь? — Не успела овца хвостом тряхнуть, как голодранец уже стоял перед ним. — Эй, ну-ка посмотри на меня!

— Отвали, попрошайка. У меня для тебя ничего нет.

— Что-то тут не так. Ты мне напоминаешь… Странно, рубцы на спине еще не заросли, а ты уже расхаживаешь как ни в чем не бывало. Опять смылся, а?

— Конечно, нет. У меня разрешение от хозяй-

ки. — Алекс сунул руку за дощечкой, но пальцы наткнулись на нож, который оставила ему Фессания.

— Я же нищий, зачем ты показываешь мне свою увольнительную?

— Чтобы тебя не выпороли. Это, знаешь ли, больно.

— Нет, дело в другом. Ты знаешь, кто я. Замаскировался под раба, а? И кто же это тебя заклеймил? Что случилось? Почему ты не пришел во дворец? Почему притворяешься, что не узнаешь?

Нотка сомнения в голосе агента все же присутствовала, и это давало надежду.

— Послушай, я не тот, за кого ты меня принял. И что ты тут делаешь? Следишь за домом моей госпожи? Ты вор! Сейчас я закричу, сюда прибегут люди и тебя схватят.

— Не трать понапрасну время, свое и мое. — Бродяга запустил руку под лохмотья и достал… нет, не нож, а глиняную табличку с надписью как клинописью, так и на греческом, и печатью Александра. — Видишь? Дворцовая полиция.

— Стырил, конечно.

— Чудной ты какой-то. Это же ты, а? Если бы не клеймо!

— Повторяю, я не тот, за кого ты меня прини-

маешь.

— А как насчет свитка?

— Какого свитка?

— Сам знаешь.

— Какая-то новая пьеса Софокла?

— Тебе лучше знать, что там на нем.

Судя по всему, сам бродяга ничего о свитке не знал, кроме того, что он существует. По-видимому, расследование, проводившееся в подвалах башни, зашло в тупик и уткнулось в глухую стену.

— Ты несешь чушь. Я все-таки расскажу про тебя госпоже.

Алекс повернулся и зашагал к дому, представляя, как в незащищенную спину летит предательский нож. Ничего, однако, не случилось.

— Эй, сторож!

Хромоногий привратник неуклюже выбрался из укромного уголка.

— Ну и ну! Вот и думай. Раб кличет меня так, будто это он здесь хозяин! Каков наглец.

— Ко мне…

Алекс хотел сказать, что к нему прицепился бродяга, но на углу уже никого не было — нищий исчез.

— Голосистый какой… можно подумать, важ-

ный господин! Давай проходи и не строй из себя…

Глава 6

в которой Красавица и Шазар пируют, невзирая на письмена на стене

Так как свадьба Мардука знаменовала собой ежегодное духовное возрождение и обновление города, то и веселье растекалось из храма, как вода из фонтана. Весь его обширный двор был заполнен танцующими приверженцами бога, радующимися бесплатному угощению пьяницами, мирными семейными группами, жарящимися на огне быками и свиньями, фазанами и павлинами, музыкантами, шатрами Иштар, палатками Сина, лавками Шамаша, свободными от службы солдатами, актерами, а также многочисленными обитателями Вавилонской башни: подвыпившими поэтами-китайцами, гибкими йогами-индийцами, финикийцами, поклонявшимися Мардуку под именем Баала, египтянами, италийцами, гуннами. Народу было так много, что храм напоминал стадион времен далекого будущего. По традиции только евреи Вавилона остались в стороне, отмечая свой антипраздник на набережной.

Делегация Фессании прибыла за час до назначенного на полдень начала церемонии. Сиесты в этот день не полагалось — в праздник обновления не до сна. Фессания шла рука об руку с Нингаль-Дамекин, обе в дорогих одеждах из розового шелка и раскрашенные едва ли не до неузнаваемости. Перед ними шествовали Пракс и конюх, вооруженные мечом и палицей. Арьергард составляли Аншар и Алекс. Спина у Алекса практически зажила, шрамы почти сошли. Под юбкой у него были спрятаны маленький свиток и магическое заклинание Гупты.

Поднимались медленно. На первом уровне зиккурата стража внимательнейшим образом проверила пригласительную дощечку и пропустила в освещенную зловещим красным светом каверну троих приглашенных: Фессанию, Нингаль-Дамекин и Алекса. Праксу, Аншару и конюху оставалось только искать развлечений в другом месте. Две женщины и раб вместе с прочими гостями и слугами спустились в нижний зал, Палату Быка.

Сегодня его освещали сотни ламп и факелов, а также две огромные, в рост человека, свечи по обе стороны от бронзового идола. Внутри быка, как и под ним, огонь еще не горел, но горшки с

маслом и поленья сандалового дерева были уже наготове.

Длинные столы прогибались под тяжестью яств: сыров и холодной оленины, блюд с финиками и фигами, заливной рыбы, вина, сладостей и холмиков хлеба. Свободных мест оставалось все меньше и меньше. Никто еще не ел, но вино уже лилось рекой. Гул голосов заполнял огромное помещение, но еще не заглушал собой доносящиеся с галереи звон литавр, журчание арфы, посвист окарины.

На троне перед быком сидела рыжеволосая женщина в зеленом платье — яркая, гламурная, приятных форм. Щеки ее отливали серебром. Охваченный пламенем куст — именно его более всего напоминала ее прическа — поддерживала украшенная бриллиантами диадема. Место рядом с ней пустовало. Время от времени лицо женщины омрачалось, как будто на него набегала тучка. Прошлогодняя невеста, госпожа Мардук последних двенадцати месяцев, богиня Зарпанит наслаждалась последним часом своего пребывания на вершине.

Именно ей предстояло в разгар пира сорвать покровы с новой Зарпанит и явить собравшимся красоту новой невесты бога. А потом, когда сам

Мардук снимет с ее головы диадему, сойти с трона и удалиться в Нижний мир. Бог-священник коронует новую богиню и супругу и укроет ее наготу. Праздник продолжится.

У самого алтаря стояли маленький накрытый столик и два резных стула, пока еще не занятых, но предназначенных для Шазара, священника Сина, и невесты.

— Как обидно, что самые почетные места уже заняты! — пожаловалась Нингаль-Дамекин.

— Сегодня, тетя, все места почетные, — рассеянно, обводя взглядом зал, ответила Фессания. — Я могу даже посадить рядом с собой раба.

— Хорошая мысль. Лучше свой раб, чем жадный и голодный сосед. Думаю, мы сядем… вон там! Возле того толстого филея! Идемте.

Надеждам ее, однако, не суждено было сбыться.

— Раб, — капризно-злобным тоном обратилась к Алексу госпожа, — ты сидеть с нами не будешь. Иди и постой у стены.

— Как недальновидно! — возмущенно воскликнула тетушка.

Алекс поклонился и втиснулся в толпу.

Тут и там суетились, отдавая последние распоряжения, маги. Храмовые рабы с вытатуирован-

ной на лбу львиной головой доставляли на столы последние кувшины с вином и блюда. Помогали им, судя по татуировкам в виде полумесяца, рабы из храма Сина.

Прихватив деревянный поднос с засахаренной айвой и рассыпая налево и направо извинения, Алекс двинулся в сторону галереи.

То и дело останавливаясь, делая озабоченное лицо и оглядываясь, он пробился к ступенькам, где задержался, пока не увидел, как из-за дальнего занавеса выходит чернобородый, в высоком тюрбане Шазар, ведя за собой укрытую от любопытных взглядов женщину. На какое-то время лестница оказалась пустой. Алекс проскользнул к ближайшему столу, где и оставил поднос. Жрец Сина и Дебора опустились на резные стулья у приготовленного для них столика. На галерее гулко ударил гонг.

Пора! Или рано? Алекс сунул руку под юбку, вытащил полученную от Гупты бумажку с магическим заклинанием, вскрыл печать и вслух прочитал:

Зигги-Загги-Зо!

Не видит тебя никто!

Тело задергалось, словно через него пропустили электричество. На коже моментально высыпали

пупырышки, будто по нему поползли многоногие волосатые гусеницы. Дергаясь и извиваясь, Алекс взлетел по ведущим к галерее крутым ступенькам, проскользнул ужом мимо арфистов, барабанщиков и флейтистов. Как странно — никто и бровью не повел, никто не стрельнул в него глазами, никто не зашипел, хотя Алекс чувствовал себя исполнителем танца святого Витта. Это потому что я невидимый. Меня никто не видит. Я должен в это верить.

Около гонга стоял маг, целиком поглощенный происходящими внизу событиями. За его спиной виднелся декоративный выступ, о котором, наверное, и говорила Фессания. Алекс протиснулся мимо мага и увидел три отверстия. Он всунул в них пальцы и повернул. Крышка отошла в сторону.

Удар гонга — БОООНГ! — и сердце застучало, заухало, как кожа на барабане. Гудело совсем близко. Бооонг, бооонг, бооонг разносилось по залу. Гонг словно отбивал час. Бооонг, бооонг.

Алекс украдкой посмотрел в зал. Мардук направлялся к трону.

Последний удар. Эхо повисло в воздухе. Все замерло.

Алекс слышал голос обращающегося к гостям

Мардука, но в зал уже не смотрел. За крышкой выступа было что-то, смутно знакомое по далекому, затянутому туманом будущему. Пальцы нащупали в полости щель для кассеты. Он вытащил свиток, сунул его в черный пластиковый зев и пригнулся, внимая Мардуку. Его все еще трясло.

— …да свершится священное жертвоприношение! Зал встрепенулся, ахнул и застыл.

— …дитя Вавилона да будет предано огню внутри быка моего…

Рано? Нет, как бы не поздно! Алекс торопливо ткнул пальцем в кнопку, и на панели вспыхнул крохотный красный глаз.

Он быстро вернул крышку на место. Маг у гонга не сводил глаз с разворачивающейся внизу сцены. Алекс прошмыгнул за его спиной, прокрался мимо музыкантов и уже спускался по лестнице, когда зал снова ахнул, а взметнувшиеся было вскрики покрыл громоподобный голос.

Он опасливо выглянул из-за закрывающего лестницу полога, но предосторожность была напрасной — взоры всех притянула излучающая свет гигантская фигура Мардука, стоявшего у бронзового идола. Его реальный двойник, на которого внезапное появление бога произвело впечатление столь же ошеломляющее, словно

съежился и поник.

— …без злоупотребления властью! — прогремел бог. Откуда шел этот голос? Из быка? — Несчастного сего младенца унесите от огня, и да будет радость всем!

Съежившийся от страха маг держал на руках ребенка, мальчика лет четырех-пяти, по-видимому, опоенного, но не потерявшего сознание; голова его свешивалась то в одну, то в другую сторону. Алекс вдруг обнаружил, что уже не трясется в конвульсиях.

— И да не будет ни один бог иметь верховенство над другими в совете богов! Я всего лишь первый среди равных! Возрадуйтесь! И да войдет в наш город новая жизнь!

На лице оправившегося от шока отца Фессании появилось между тем вкрадчивое, любезное выражение. Поняв, что речь подошла к концу, он поклонился видению, и в этот миг голографический образ исчез, так что кланялся заместитель Мардука пустому месту.

Шепоток приглушенных голосов пронесся над залом и вернулся, нарастая, гулом растревоженного роя. Мардук что-то сказал магу, который тут же унес раскисшего мальчугана, и, повернувшись к галерее, подал знак. Удар гонга призвал

гостей к молчанию.

— Бог наш явил себя мне! — воскликнул отец Фессании. — Жертва была объявлена для проверки покорности его воле. Божественное вмешательство доказало милосердие Мардука, твердого, но и щедрого правителя. И разве не призвал он вас возрадоваться? Так чего же ждете? Начинайте! Этот год будет особенно плодоносным!

Гости, чей аппетит разожгло выпитое вино, не нуждались в дополнительном приглашении, чтобы наброситься на яства, не забывая, однако, смаковать и главное блюдо праздника — случившуюся на их глазах скандальную мистерию!

Мардук занял место на троне рядом с супругой, с которой ему вскоре предстояло расстаться. Выпил. Посовещался с магом. Тем временем на галерее наблюдалась некая суета, не мешавшая, впрочем, музыкантам заниматься своим делом. Мардук жестом подозвал Шазара, который после короткого разговора вернулся к столу и продолжил набивать живот. Дебора участия в общей трапезе не принимала — мешали накидки или понятная, принимая во внимание приближающийся критический момент, нервозность. Постепенно настроение Мардука улучшилось.

У Алекса же все внимание уходило на то, чтобы

следить за перемещениями магов и храмовых рабов и избегать по мере возможности ненужных контактов. Жаль, лестницей почти никто не пользовался, а то он мог бы подняться и, выскользнув из зала, раствориться в толпе.

Что, уйти, не дождавшись главного события? Он чуть не забыл о том, чего с нетерпением ждали едва ли не все остальные.

Поленья облили маслом и подожгли. В бронзовом чудище загудело пламя, из ноздрей потянулись ниточки дыма, но внутри идола никто не закричал.

Кружились танцовщицы, змеились, взлетая и опадая, радужные и белые ленты.

Через пятнадцать минут столы выглядели так, словно подверглись нашествию саранчи. Нехватка стульев не мешала стоящим состязаться с сидящими в борьбе за лучшие куски. Алекс заметил, как Нингаль-Дамекин вступила в жаркую схватку с вторгшимся на ее территорию вавилонянином с горящими, как у голодного волка, глазами. В такой ситуации клейменому рабу рассчитывать было не на что. Не хватало только, чтобы какая-нибудь старушка подняла шум. Не желая привлекать к себе внимания, Алекс время от времени двигал челюстями и глотал слюну. С

той же целью он перемещался от одной колонны к другой, от одной кучки гостей к другой, нигде не задерживаясь надолго. К Музи и его родителям Алекс старался не приближаться.

Один из магов принес к алтарю черную накидку. Мардук поднялся. Ударил гонг. Шазар тоже встал и вышел вперед, ведя за собой ту, лица которой еще никто не видел. Рыжеволосая оставила трон, в последний раз, словно прощаясь, проведя ладонью по резному подлокотнику.

— Я отдаю Зарпанит, — воскликнул Мардук, — и возвращаю Зарпанит.

— Я вручаю дар Сина, — провозгласил Шазар.

Будто в приступе ярости рыжая начала срывать покровы с соперницы и преемницы. Не успела публика опомниться, как ца Деборе не осталось ничего.

— А-а-а! — послышалось тут и там, но большая часть зрителей не издала ни звука, напряженно следя за происходящим.

Алекс обернулся, рассчитывая встретить любопытный взгляд Фессании, но она смотрела туда же, куда и все, — похоже, ей не было никакого дела до того, наблюдает он за Деборой или нет. Вот так Алекс пропустил самое главное. Когда он повернулся, голову Деборы уже венчала диадема,

а Мардук накидывал на плечи невесты накидку. Все, что досталось Алексу, — мимолетное мгновение созерцания обнаженного женского естества. Ни насладиться впечатлением, ни углядеть детали, ни оценить достоинства Деборы он не успел — закутав женщину, Мардук увлек ее к освободившемуся трону.

Алекс перевел дыхание.

Кто-то ткнул его в бок.

— Высший класс, а?

— Не знаю, — искренне ответил он. — Ни черта я не знаю.

— О? Тебя кастрировали?

— Нет, у меня близорукость, — съязвил Алекс. Где рыжая? Уже ушла.

Момент публичного обнажения минул, и Дебора выглядела вполне довольной собой и улыбалась Мардуку. Он наклонился поцеловать невесту, и щупальца бороды поползли по ее груди, точно мохнатые пальцы. Мардук опустился на трон, парочка пошепталась, и бог погрузился в задумчивое молчание, из которого его вывел удар гонга. Он поднялся и, сопровождаемый восторженными криками и сальными советами, увел свою царицу из зала.

С их уходом все и закончилось. Алекс пробрался

к Фессании, которая едва удостоила его беглым взглядом.

Вместе с тетушкой они присоединились к устремившейся на выход толпе.

Нингаль-Дамекин все еще находилась под впечатлением случившегося раньше.

— Не знаю, что и думать! Какой конфуз! Я так испугалась за этого несчастного ребенка, пусть даже и сына какого-нибудь бродяги.

— Сжечь такого — все равно что подколоть лисенка на охоте, — вскользь заметила Фессания. — А, Гибил! Можно вас на пару слов?

Никто не удивился, что в тот вечер отец Фессании не появился на вечерней молитве. Позднее, когда двор уже погрузился в сумерки, она отозвала своего раба в сторонку.

— Отлично сработано, Алекс! Завтра Гибил собирается предложить внести некоторые изменения в договоренности относительно того, где поселятся новобрачные после великого события.

— Хорошо. Знаешь, я тут думал… Все это могло ведь случиться и без нашего вмешательства.

— Ты имеешь в виду, если бы свиток достиг первоначального места назначения? Если бы он не попал в наши руки?

— Да.

— Может быть, но тогда бы я не смогла им воспользоваться. В любом случае получатели свое дело знают плохо. Держу пари, им неведом секрет невидимости.

— Но они также не знали и того, что мы намерены пустить его в ход! Подкупленный Мори маг сообщником быть не мог, иначе он ни за что бы не вернул свиток.

— Какой сюрприз для заговорщиков! То-то, должно быть, удивляются, как это все получилось без их участия.

— Гм!..

— В чем дело?

— Если бы я возлагал надежды на свиток и он пропал, я бы разработал альтернативный план. Может быть, даже не один.

— Какого рода план? Ничего странного ведь больше не случилось.

— Это-то меня и удивляет. Главным событием сегодня должно было стать жертвоприношение, так? Предположим, у меня бы что-то не получилось, и что тогда? Как бы они сорвали жертвоприношение?

— Не знаю… Огонь горел по-настоящему. И поленья были смочены маслом, а не водой.

— Бык! Что-то с быком! Планировалось, что

маг поднимется на быка и опустит мальчишку внутрь.

— Да?

— В конечном итоге он так и не поднялся. А если бы поднялся и открыл крышку, то… что бы он там обнаружил? Скорее всего что-то такое, что помешало бы положить туда жертву. Может быть, что-то жуткое, что испугало бы его. Или что-то такое, что могло быть сочтено дурным предзнаменованием.

— Например?

— Ну, не знаю. Что-то опасное… клубок змей или шипящую кобру. Нечто ужасное и отвратительное. Спорю на что хочешь, они заготовили какой-то сюрприз. Так что никакой необходимости использовать свиток не было.

— М-м… Мой отец ведь мог получить предупреждение из дворца… насчет нас. С другой стороны, если представить клубок раздутых шипящих кобр! Впрочем, кобры, почувствовав жар, наверное, попытались бы выползти, вылезти через ноздри. Вот была бы картинка! Шипящие, ядовитые сопли!

На следующий вечер Мардук все же появился в молельне.

— Я получил послание от Гибила, написанное,

очевидно, по наущению моей дочери, — не тратя время на околичности, начал он. — В нем сообщается — в достаточно вежливой форме, — что Музи намерен забрать невесту из этого дома и поселиться с ней в другом месте.

— О нет, нет! — воскликнула в отчаянии Нингаль-Дамекин. — После всего, что я сделала для удобства дорогого Музи! После всех трудов… И так внезапно… в последний момент. Это очень, очень плохо.

— Молчи, — оборвал ее причитания Мардук. — Выбирать не приходится. Обстоятельства изменились. После ясного и очевидного божественного вмешательства…

— Не странно ли? — вмешалась Фессания. — Похоже, у Мардука появились хитроумные враги. А что, он и впрямь намеревался убить ребенка?

Ее отец удрученно покачал головой.

— Такая мерзость… на моей свадьбе…

— Божественное вмешательство, папочка, не может быть мерзостью.

— Если бы дело только этим и ограничилось!

— Неужели было что-то еще? Я, кажется, ничего такого не заметила.

Некоторое время Мардук молчал, словно колеблясь между желанием поделиться с кем-то

своими неприятностями и привычной осторожностью.

— Фессания, у тебя острый ум. Мой идол подвергся осквернению.

— Вот как. И осквернили его те же, кто устроил божественное вмешательство.

Мардук не стал возражать.

— Как такое могло случиться? После того, как твой раб вломился в мой храм…

— Он понес наказание за любопытство.

— Я не виню его. Наоборот, раба стоило бы поблагодарить. Из-за него я сменил магическое слово, открывающее как двери храма, так и нижний переход. Проникнуть в храм по туннелю из дворца или Вавилонской башни невозможно. Вот в чем загадка.

— Предателем мог оказаться кто-то из твоих магов.

— Новое слово никто не знает. Я никому его не говорил. Уверен.

Фессания ненадолго задумалась.

— Но ведь ты мог повторять слово про себя, чтобы не забыть.

— Что ты имеешь в виду? Что я хожу во сне? Что это я сам, того не сознавая, осквернил собственный храм?

— Осквернил как? Может быть, ключ в этом?

Нингаль-Дамекин, слушавшая поразительные откровения своего брата с открытым ртом, прикрылась ладошкой, чтобы не помешать дальнейшим излияниям неуместным словом или восклицанием.

— В него подложили тело прокаженного… если судить по обгоревшим останкам. И этими своими обезображенными пальцами он намеревался схватить любого, кто открыл бы моего быка!

— Откуда ты знаешь, что то был настоящий прокаженный? Не думаю, что огонь облегчил опознание. Любой труп можно обработать так, что он станет похожим на тело прокаженного. Обрубить пальцы и все такое.

— Нет, прокаженный был настоящий, на этот счет сомнений быть не может! Разве их нет в Вавилонской башне? Ради достижения своих целей заговорщики вполне могли убить одного из этих несчастных.

— Кому доставляет удовольствие возиться с телом прокаженного? Думаю, то был труп обычного человека, обработанный соответствующим образом. Не так уж и трудно. На мой взгляд.

— Ну конечно, — прорычал Мардук. — Конечно!

— Остается лишь выяснить, как предатель узнал магическое слово, чтобы открыть дверь и протащить тело в храм. Есть только один ответ: ты сам назвал слово.

— Я никому не говорил.

— Ты произносил его про себя. И, наверное, даже проговаривал вслух. Слово, о котором постоянно думал. Которое нельзя забыть. Может быть, бормотал во сне. Предыдущая Зарпанит провела последние ночи вместе с тобой?

— Разумеется.

— И что? Как она относилась к неизбежной отставке? К путешествию в Нижний мир?

— Принимала как неизбежное. Смиренно.

— Или жаждала мести? Надеялась заслужить благосклонность Нижнего мира, если козни против тебя строит именно Нижний мир? А может быть, она всегда была твоим врагом и просто выжидала удобного случая?

— Я произнес слово во сне, и она подслушала? Хорошая мысль. Если так, то все сходится. Все получает объяснение.

— Может быть, Мардуку следовало бы почаще советоваться со своей дочерью?

— Может быть. Что ж, мои планы отсрочены, но не отменены. И ты должна произвести на свет

мальчика.

С этими словами Мардук исчез.

— Здорово придумано — свалить вину на предыдущую Зарпанит.

— С трупом прокаженного так скорее всего и получилось. Теперь отец уверен, что и подброшенное тело, и явление Мардука — дело рук одного и того же человека. Отличный ход. Из дворца предупреждений не было, значит, в поддержке ему отказано. По-видимому, его уже списали со счетов как неудачника. Полагаю, Аристандр потерял интерес к игре.

— Предупреждений не было пока.

— Полагаю, и не будет. А новость об участии в заговоре дочери могли приберечь до лучших времен — это ведь потенциальный рычаг давления. Не исключаю, что дворец даже откажется прислать врача, который помог бы обеспечить рождение мальчика. Дадут какие-нибудь бесполезные снадобья. В общем, на них полагаться бесполезно.

— Теперь мы знаем, что туннель идет до самого дворца.

— Отец проговорился, что злоумышленник мог прийти как из Вавилонской башни, так и из дворца. Значит, подозревает приближенных царя.

— Знаешь, когда ты заговорила, я даже испугался — подумал, ну вот и все, сейчас проболтается.

— Я знаю его лучше, чем ты, и сразу поняла, что он встревожен и растерян, не понимает, что случилось и как это могло произойти. — Фессания радостно потерла руки. — И я решила загадку! Выявила врага! Указала змею, которую он пригрел на груди!

— Какой бог в прошлом году выбирал для Мардука невесту?

Она рассмеялась.

— Иштар. Думаю, Алекс, мы сегодня же приступим к операции «Зачатие»! Я готова. Жду тебя в полночь в моей постели. Приходи и не пожалеешь. Я буду вся твоя.

В назначенный час, ближе к полуночи, Алекс пробрался к дому, прокрался на ощупь по темной лестнице, прошел на цыпочках по коридору.

Скользнув бесшумно за тростниковую дверь, он наткнулся на тяжелый полог, повешенный Фессанией, должно быть, специально, чтобы приглушить какие-либо исходящие звуки. Проникнув за него, Алекс достаточно ясно рассмотрел кровать и свернувшуюся под одеялом фигуру. На темно-сером фоне в раме окна висела в нижнем углу раздувшаяся бледно-желтая луна.

— Я здесь, — шепнул он.

Никто не ответил. Фессания спала.

В какой-то момент в голове зашевелились тревожные мысли. Что, если Фессания уложила в комнате одну из служанок, а сама перебралась на крышу — понежиться в призрачном свете луны? Но нет, в лице спящей проступали знакомые черты. И что дальше? Он сбросил юбку, развязал набедренную повязку и, опустившись на колено, зажал Фессании рот ладонью.

Женщина под одеялом задергалась. Алекс отбросил одеяло — она спала без одежды — и прижался к теплому и мягкому женскому телу. Фессания обняла его, не трогая спину. Он убрал руку с ее губ, но тут же наложил на них другую печать молчания. Возражений не последовало, и поцелуй углубился.

К удивлению Алекса, Фессания вовсе не собиралась довольствоваться пассивной ролью похотливой изнеженной госпожи, отдающей себя во власть варвару-рабу, и, вывернувшись, оседлала его. Лежа на еще помнящей кнут спине, он терпеливо ждал, пока Фессания совладает с непокорным членом, вберет его в себя, сожмет бедра. Подпрыгивая, она пыхтела, как будто уже рожала, и быстро исторгла из него фонтан

горячего семени, после чего обмякла и упала. Некоторое время они лежали, постанывая, сопя и урча, словно две наигравшиеся кошки.

— Вытекает, — прошептал он, почувствовав сырость.

— На тебя. И не все. Уверена, что-то осталось. Пятно на простыне тебя не выдаст. А теперь, когда соку поубавилось, возьми меня сзади, по-звериному. — Распростершись на кровати, она выставила зад и развела ноги.

Алекс сделал как велено и оставался с ней еще с час, к концу которого ее уже клонило в сон. Когда он освободился, Фессания попыталась протестовать, но не словами, а недовольным ворчанием.

— Мне надо уходить, а то усну и прозеваю рассвет, — объяснил Алекс, целуя ее в ухо.

Он оделся и осторожно проделал обратный путь до своего тюфяка под фиговым деревом в залитом жемчужным сиянием дворе, почти не чувствуя растворившейся в сладкой усталости боли.

* * *

Визит повторился на следующую ночь. И еще на следующую. К тому времени Алекс уже не сомневался, что у них не просто секс — они занимаются любовью.

Днем в доме царил относительный покой, чего не было бы, обоснуйся здесь Музи со своей свитой и гнедым жеребцом по кличке Галла, названным так в честь безжалостно преследующих добычу демонов.

Тем не менее Нингаль-Дамекин без устали царапала палочкой по вощеным дощечкам и расхаживала по дому походкой протершего седло всадника. Во дворе то и дело мелькали торговцы, доставлявшие продукты и вино, мастера, устанавливавшие и украшавшие столы — столовая вместить всех гостей определенно не могла. Прибывавшие свадебные подарки выставлялись на всеобщее обозрение в обеденной комнате: китайская ваза с драконами, нефритовая статуэтка, изображающая властного вида особу, двенадцать локтей шелка, две амфоры отменного вина, прекрасное кожаное седло, копье и еще много всего. Гупта прислал два зеркала, соединенных таким образом, что, раскладываясь, они смотрели одно на другое, как счастливая пара. Из храма Мардука прибыло приданое — мешочек с золотом.

Работы хватало: двор требовалось постоянно подметать и опрыскивать водой от пыли, молельню содержать в чистоте и вылизывать до блеска. В кухне, средь клубов пара и дыма, без

устали трудилась Мама Забала, производя горы отходов, которые нужно было выносить на улицу и рассеивать по всему дорожному полотну.

Между тем сама Фессания по большей части сидела в своей комнате, не замечая общей суеты и сочиняя — как она сообщила своей перепуганной тетушке — поэму.

В ночь накануне свадьбы, когда они лежали в постели, Алекс спросил:

— Ты действительно сочиняешь поэму?

— Да. Но она существует пока только у меня в голове. Называется «Блудницы Вавилона».

— Почитаешь?

— Она еще не закончена, Алике Фалл икс.

— А когда будет закончена?

— Через девять месяцев.

— Понятно. Но и это еще не точно.

— Все будет в порядке, если только сильно верить. Тогда мое лоно не отряхнет зачатый плод. Между прочим, я распорядилась, чтобы Нингаль-Дамекин отправила приглашение Гупте. Раз уж Гупта будет моим наставником, гуру невидимости, то пусть Музи постепенно привыкает к нему.

— Твой отец появится?

— После всех ценных советов и подсказок, ко-

торые он от меня получил, с его стороны было бы оскорблением не прийти. И Гибилу это тоже не понравилось бы. А что же не спрашиваешь про новую Зарпанит?

— Сказать по правде, я бы предпочел ее не видеть.

— Думаю, увидишь.

Разумеется, Фессания оказалась права.

В день великого торжества Мардук с Деборой-Зарпанит последними из гостей прибыли к парадному входу на четырехколесной повозке и в сопровождении трех магов и взвода солдат. Двор и столовая уже были заполнены людьми. Жених с отцом нетерпеливо ходили по кругу. Нингаль-Дамекин держалась рядом, хотя ей и стоило больших усилий не отставать. Фессания задерживалась наверху, где взбивала свадебный парик. В молельне так или иначе вовлеченные в различные судебные разбирательства гости старательно обхаживали мирового судью, которому и предстояло провести обряд бракосочетания. Алекс, едва успевавший наполнять вином опустошаемые с неимоверной быстротой кубки, обменивался впечатлениями с Гуптой.

— Исходя из того, что мне оказана высокая честь быть приглашенным, я делаю вывод, что

ваша миссия успешно завершена. Только не говорите, в чем она заключалась!

— Не скажу, великий гуру.

— Ха-ха. Гуру для одной благородной госпожи, желающей научиться незаметно ускользать из дому. Нужно быть очень осторожным, чтобы не стать для непоседливой госпожи игрушкой, исполнителем сомнительных поручений и помощником в опасных предприятиях, рисковать участием в которых не стал бы ни один здравомыслящий человек. Тот, кто ступил на этот путь однажды, редко находит силы сойти с него потом. — Индиец пристально посмотрел на Алекса. — Ну что, в вашем случае дело обстоит именно так?

Гупта как новый Мориель — если только вовремя не отойдет в сторону? Не для этого ли Фессании понадобился персональный гуру? Уроки искусства невидимости всего лишь предлог, завеса? С одной стороны, Фессания вроде бы исправилась, переродилась как в эмоциональном, так и в этическом плане, с другой — старые привычки так сразу не изживешь. А может быть, изживать их полностью бессмысленно, потому как они жизненно необходимы для выживания — или по меньшей мере успеха — в этом хаосе?

Гупта усмехнулся.

— Боюсь, Алекс, ваше лицо, даже отмеченное печатью льва для отвлечения внимания, остается открытой книгой! Но из-за меня вам беспокоиться не стоит. Тому, кто заговорил кобру животного царства, ничего не стоит справиться со змеями человеческого мира, даже самыми недоверчивыми. По сути своей мы вес — кобры, но это идет не от головы, а от того, что кроется в нашей основе, поближе к крестцу. Мозг не столько оттачивает, сколько притупляет инстинкты, стремясь полагаться во всем на ум. Госпожа Фессания приобретет нечто большее, чем умение быть невидимой. Ей нужно постичь искусство ясности. Это первое необходимое условие невидимости: становиться прозрачным, без единого пятнышка, листом стекла. Когда это случится, вы, любящий ее, тоже, может быть, постигнете мудрость ясности.

— Любящий ее? Эй, помолчите-ка! Что вы хотите этим сказать?

— Как я могу что-то сказать, если вы призвали меня помолчать? Впрочем, в том нет необходимости. Панда-ром между вами мне не быть — ведь вы живете в ее доме, тогда как я здесь только гость.

В этот момент во двор вошел сам бог-жрец рука об руку с Деборой-Зарпанит, обряженной в накидки, скрывавшие все, кроме лица. У ворот остались двое солдат. С улицы доносились конское ржание и голоса других солдат.

Пара направилась в молельню, и взгляд Деборы скользнул по лицу Алекса. Похоже, она его не узнала, для нее он был теперь всего лишь одним из рабов. Позднее, оказавшись рядом с ней и имея возможность шепнуть что-нибудь на ухо, Алекс не воспользовался случаем. Для нее, подумал он, я стал невидимкой. Мысль эта не опечалила, а обрадовала; он почувствовал, что образ Деборы тускнеет, становясь незнакомым и чужим.

Фессания, облаченная в белый атлас, с пышным париком на голове и раскрашенным золотом и серебром лицом, спустилась наконец во двор.

После окончания торжественных церемоний процессия выступила в путь. Финансист Гибил приобрел для молодоженов дом в новом городе, на другой стороне реки, побывать в котором невеста еще не успела.

Фессания и Музи ехали в одной колеснице, родители жениха — в другой, а Аншар, Мама Забала, Алекс и пара служанок следовали за ними пешим порядком. Далее тянулись тележки и повозки,

груженные предметами личного обихода и свадебными подарками. Специально для переезда были наняты носильщики. Замыкали шествие солдаты, охранявшие богатства от посягательств воров и грабителей. Солдат предоставил Мардук, вернувшийся в свой храм с супругой и под охраной одних только магов.

Пракс остался на улице Писцов в качестве управляющего. Ему еще предстояло нанять слуг для содержания опустевшего дома в порядке. В новом доме обязанности Пракса исполнял личный слуга Музи, получивший повышение распоряжением самого Гибила. Последний также озаботился поиском нового привратника, поскольку присутствие на этом посту хромого чернокожего могло, по мнению госпожи Гибил, оказать нежелательное влияние на вынашиваемый невесткой плод. Судьба старого дома оставалась неясной, хотя наличие тайного подземного хода, связывавшего молельню с храмом и дворцом, требовало сохранения его в собственности Мардука. Нингаль-Дамекин (тоже оставшаяся на улице Писцов) уже заявила, что будет пользоваться им как городским жильем в те редкие моменты, когда, оторвавшись с неохотой от излюбленных деревенских забав, приедет

в Вавилон по делам.

Находился в процессии и некий греческий врач по имени Кассандр. На свадьбу он явился в качестве гостя Мардука, с переброшенной через плечо кожаной сумкой и всеми положенными атрибутами своей профессии. У него были вьющиеся посеребренные волосы, гладко выбритое лицо и приятные, располагающие манеры. Острый крючковатый нос мог бы служить инструментом для удаления червяков из подошв и между пальцев пациентов. При первом разговоре Фессания забросала грека комплиментами, на которые он оказался весьма падок. Словоохотливый врач, в свою очередь, сыпал умными анекдотами. Обслуживание не стесненных в средствах больных явно благотворно сказалось на его привычках и смягчило отношение к тем, кто не выказывал сомнений в его диагнозах. Сопротивление и несогласие с предписанными методами и средствами грозило использованием по назначению хищного клюва. Именно Кассандру надлежало обеспечить Фессанию снадобьями, необходимыми для рождения сына. Ему же предстояло вскрыть роженицу в нужный момент для безопасного извлечения младенца и зашить ее потом. Визит в новый дом носил характер ознакомительного.

Достигнув прибрежной дороги, процессия прошествовала по ней мимо Евфратских ворот храма Мардука в направлении моста. Сидевший в колеснице Музи время от времени бросал мелкие монеты уличным мальчишкам, поощряя их активность в борьбе за подачку громкими криками: «Хватай! Блокируй! Ныряй! Смелей! Есть, завалил!»

Переправившись через реку, они продолжили путь по Адабской дороге, которая в конце концов уперлась во врата Адаба, ворота бурь. На пересечении с улицей Ларса кортеж свернул на юг. В отличие от центральных районов, где строения жались друг к другу и подступали к самой дороге, пряча садики во дворе, в пригороде дома были окружены высокими стенами.

Новое жилище Музи находилось на некотором удалении от улицы Ларса и являло собой компромисс, сочетавший удобства проживания в пригороде, относительную близость к сердцу метрополии и удобный выезд из города для Музи, выезжавшего на охоту через южные ворота Ларса.

Наконец голова колонны достигла ворот, установленных в высокой стене, украшенной зубцами пик. Крохотная будка привратника ока-

залась достаточно просторной, чтобы вместить плотного, атлетического сложения молодца, который выступил из нее, выжидающе поглядывая на прибывших и прижимая к обнаженной груди короткий меч. Голова его покоилась прямо на широких плечах, прекрасно обходясь и без шеи. Жесткие черные волосы были как будто скошены с черепа одним взмахом широкого острого серпа. Красный нос предполагал наличие известной слабости характера — он вполне мог быть пьяницей того не столь уж редкого типа, представители которого, быстро достигая точки кипения, превращаются в неуправляемый злобный автомат.

Прежде чем колесница успела миновать ворота, Фессания вытянула руку с указующим перстом.

— Что там за отвратительный знак?

Все, включая привратника, повернулись в указанном направлении. Неподалеку, хотя и не рядом с воротами, валялся наполовину скрытый сорной травой кошачий труп, привлекший к себе десятки мух.

— Что он здесь делает?

— Неттичин, немедленно убери эту гадость, — вмешался Гибил. — Сожги ее. За недосмотр с тебя вычтут шекель.

Нужно подружиться с привратником, подумал Алекс.

— Нет, — вмешалась Фессания. — Он теперь в моем услужении, и я не желаю наказывать его денежным вычетом. Сегодня у меня торжественный день, и я исполнена милосердия. Скорее всего глаза у бедняги уже не столь остры, как раньше.

— Госпожа, — с чувством ответствовал Неттичин, — вижу я хорошо, но ваши глаза еще зорче. Также и доброта ваша не знает себе равных. — Говоря, он как будто впечатывал каждое слово в ткань вечности. Переступив с ноги на ногу, привратник продолжил: — Сей кот, госпожа, пробрался сюда, очевидно, недавно. Пики на стене только что смазали ядом.

— Это ты их смазал?

— Да, госпожа. По-видимому, коту недостало ловкости и ума.

— В отличие от тебя. Как ты забрался на такую высоту?

— С помощью лестницы, хранимой мною в доме. Недопустимо, чтобы покой господ тревожили непрошеные гости.

Фессания наградила его улыбкой.

— Ты верный слуга.

Пока Неттичин подбирал павшую от яда зверушку, процессия миновала ворота и вступила в сад, приятность которого не портила даже некоторая неухоженность. С первого взгляда было видно, что розы не обрезались, кусты тамариска не поливались, сорняки не выпалывались до самого последнего момента, когда все это проделывалось в спешке и с изрядной небрежностью. В углу лениво тлела куча травы. Ветви кустов сплелись в колючие заросли, цветы увяли, листья покрывали черные пятна и плесень. Кое-где на песчаной почве сохранились островки тусоковых злаков и докучливой сорной травы с редкими пятнышками полевых цветов, как будто неведомый садовник остановился на полпути, осознав, что в случае исполнения задания сад превратится в голую пустыню. В доме, похоже, уже давно никто не проживал. Он состоял из двух этажей, и южный конец его завершался башней. Верхний этаж башни мог похвастать окнами. Все остальное пространство стены нарушал только дверной проем.

Кое-где на земле лежали конские лепешки. Фессания сморщила нос.

— Приношу извинение за такое состояние, — обратился к ней Гибил. — Все делалось в спешке.

Через несколько месяцев сад будет иметь столь же восхитительный вид, как и дом.

— И навоз пригодится, — заметил практичный Музи.

— Тем, что привлечет мух? — полюбопытствовала Фессания.

— Навоз хорошо питает цветы.

— Но в нем самом их нет, любезный мой супруг. Обычно он содержит тысячи семян диких трав. — Она повернулась к своему рабу. — Алекс, пожалуйста, убери эту дрянь. Почисти здесь, наведи порядок. И обязательно полей бедные розы. Они так страдают от недостатка внимания.

— Тебе это не угрожает, мой цветочек! — успокоил ее галантный Музи, бросая ностальгический взгляд на темнеющие тут и там кучки.

Из-за дома, заливаясь лаем, выскочил, волоча за собой обрывок поводка, здоровущий пес,

— Тикки! Тикки!

Музи соскочил с колесницы, перехватил животное прежде, чем оно успело натворить бед — сбить кого-то с ног или перевернуть тележку, — и, позабыв о богато расшитом свадебном наряде, повалил своего любимца на спину и пощекотал ему брюхо.

Собачий смотритель показался из-за угла с

некоторым опозданием. Это был опрятный, средних лет мужчина, по виду отставной солдат. Пока он привязывал к ошейнику новый поводок, Музи продолжал возиться с псом.

— Тикки определенно по мне соскучился, — сказал он невесте, поднимаясь наконец с земли и отряхиваясь от пыли. — Но я подумал, что брать его на свадьбу немного рискованно.

— Кто тот человек, который присматривал за собакой?

— Мой слуга Ирра. Ирра, познакомься с твоей новой госпожой.

— Госпожа. — Экс-солдат коротко кивнул. Поклону, если таковой даже входил в планы Ирры, помешал неугомонный Тикки.

Алекс заметил внимательный взгляд, которым Фессания смерила смотрителя.

— Посади эту тварь на цепь! — резко бросила она. — И не спускай без надобности. Смени кожаный ошейник на металлический.

— Он безобидный, — запротестовал Музи. — Просто любит побаловаться.

— Я не потерплю, чтобы зверь испачкал мое платье или покусал моего раба, пока он будет приводить в порядок эту пустошь. Что касается тебя, Ирра, то не думал ли ты обрадовать меня,

спустив с поводка это скачущее слюнявое чудовище? Я не терплю собак. Я — дочь льва.

Ирра вытянулся по стойке «смирно». Но смотрел он при этом не на Фессанию, а на Музи.

— Да, привяжи Тикки. Смотритель повернулся.

— Ирра! — Пронзительный крик остановил даже бывалого солдата.

— Госпожа?

— Когда я отдаю распоряжение, Ирра, его нужно исполнять.

— Да, госпожа. Но что, если вы, предположим, прикажете перерезать Тикки горло? Прошу прощения, я всего лишь спрашиваю.

Гибил торопливо сошел с колесницы и, подойдя к слуге, отвесил ему полновесную пощечину.

— Как ты смеешь в присутствии рабов и других слуг ставить под сомнение власть госпожи? Ты… — Он повернулся к Фессании. — Извините, я вступил на вашу территорию.

— С тебя удержат три шекеля. Но ты сможешь вернуть их с процентами через девять месяцев, если меня устроит твоя служба.

— Воистину мудрое решение! — провозгласил Гибил. — Мудрая жена — сокровище, — добавил он, обращаясь к сыну на тот случай, если тот еще не дошел до этой истины. Госпожа Гибил неуве-

ренно кивнула.

Глава 7

в которой после содержательной паузы мы встречаем слитки, спорынью и абрикосы

Как на войне, так и в жизни, на смену короткой вспышке суетной активности приходит долгий период затишья. За быстрой кампанией следует продолжительная пауза, заполненная лагерной рутиной. А так как вавилоняне больше внимания уделяют не войне, а деньгам, то можно сказать так: за начальными инвестициями идет неспешный процесс накопления прибыли.

Сказано верно, но не в отношении финансиста Гибила, известного тем, что деньги он давал взаймы под грабительские проценты. Именно его твердость в финансовых делах и сыграет определенную роль в нашей истории. Метафоры рассыпаются. Достаточно сказать, что темп сменился с аллегро на адажио.

Днем Алекс чаще всего работал в саду или носил воду из ближайшего канала для нужд кухни, туалета и конюшен и поливки роз.

В пригороде многие выращивали в садах сливы и груши, яблони и мушмулу. Над цветами жуж-

жали пчелы. По пути к каналу Алекс проходил мимо школы для детей богатых вавилонян, откуда неслись юные голоса, нараспев повторяющие жаргонные словечки ювелиров, категории песен, способы раздела полей, тайные значения слов и прочую полезную информацию. Дальше по улице находилась сыроварня, где со стен свисали галлоны молока в бурдюках из телячьих желудков, в которых оно, контактируя с сычугом, превращалось в похожий на топленое масло сыр. Туда его дважды в неделю посылала Мама Забала.

А дома, где он занимал теперь угловой чуланчик, окна тыльной стороны выходили на конюшни, псарню и заднюю стену, замаскированную плакучими ивами, две из которых засохли и плакали сухими веточками. Идеальный вид с точки зрения Музи, которому лошади и псы были стократ дороже роз. Дней через десять после свадьбы он оседлал верного гнедого Галлу и в сопровождении Ирры, нескольких дружков и своры собак убыл на охоту, где и провел три ночи. То был первый удобный случай для адюльтера, чем и воспользовалась Фессания, пригласив Алекса в свою комнату на верхнем этаже башни.

Утолив голод, они лежали рядом перед открытым окном, через которое вползала тьма.

— Я, должно быть, забеременела, — шепнула она. — Время месячных, а у меня ничего.

Он сжал губами мочку уха.

— Наверняка говорить рано. Может быть, ты расстроилась из-за переезда…

— Из-за нового мужа… из-за того, что в моей постели кто-то другой… или я в чужой постели…

— Как ты убедила его в необходимости иметь отдельную комнату?

Фессания хихикнула.

— Я сказала: Музи, милый, неужели мы так бедны, что должны делить одну комнату? Нет, милый, пусть у нас будет две спальни для любви. Потом еще поделилась кое-какими деталями насчет менструальных выделений, выкидышей, утренней тошноты и прочих малоприятных загадок. В общем, он даже обрадовался.

— А что у тебя с доктором Кассандром?

— Он дал Музи какую-то настойку, чтобы я принимала ее каждый вечер, провозглашая тост за нашего сына и наследника. Разумеется, как только Музи отвернулся, я выплеснула эту дрянь в окно и набрала в пузырек воды.

При доме была собственная молельня, где на каменном пьедестале установили нового домашнего бога с начертанным на спине проклятием

тому, кто попытается нарушить его покой. Следуя указаниям Музи, мастер вылепил из глины воина с головой собаки, взяв за образец Тикки. Молельня находилась в северном конце дома и была наполовину открыта небу. В отличие от дома на улице Писцов, куда Мардук являлся сам и где ему не приходилось терпеть присутствие бога-соперника, здесь важно было наличие реального образа. Через несколько дней после свадьбы молельню посетил маг. Освящение прошло в присутствии всех домашних.

Музи и Фессания встали на колени и соединили руки на глиняной голове пса. Маг, чье плоское, похожее на лунный диск лицо покрывали шрамы — следы то ли оспы, то ли прыщей, — помахал курильницей и пробормотал магическое заклинание, призванное отогнать коварных духов.

На соединенные руки супругов и голову собаки посыпали сушеный тимьян.

— Теперь ваш бог оживет, — сообщил маг внимающей пастве. — Хозяйка дома должна кормить его каждое утро, чтобы он не сбежал. Сбежавший домашний бог опасен, поскольку ему больше негде жить. Все обязаны заботиться о домашних богах, потому что завистливые бродячие боги подбивают людей на грабежи, разбой, насилия

и кражи. Они завидуют счастливым домам, но проникнуть туда могут только хитростью или обманом.

— И что же, многие боги покидают дом из-за отсутствия внимания? — поинтересовалась Фессания.

— Такое случается, госпожа. А иначе почему бы людям воровать, убивать и совершать другие отвратительные преступления?

— А если от болезни умирает целая семья, что тогда?

— Тогда бога нужно быстро разбить, но сделать это может только маг. Не бойтесь. Бог охранит вас от болезни… в меру своих сил.

— Кости его устроят?

Луноликое лицо мага отразило беспокойство.

— Он ведь собака, — пояснила Фессания.

— Его устроит ячменная лепешка, госпожа. И блюдечко с водой, чтобы омыть пальцы. Странно, что вы этого не знаете.

— Видите ли, — протянула Фессания, — я дочь Мардука, поэтому у нас все было немного по-другому. Ладно, никаких костей и дохлых кошек на алтаре.

Музи фыркнул — до чего же умная у него жена.

Через несколько дней после освящения Гупта нанес первый из серии регулярных визитов, целью которых было обучение Фессании практике эзотерических дисциплин. Предполагалось, что занятия будут проходить еженедельно, по паре часов кряду. Мужу Фессания объяснила, что индиец — ее учитель, что она желает освоить восточные танцы и что каждой порядочной замужней даме положено иметь то или иное увлечение. Спорить Музи не мог, поскольку и сам развлекался, гоняясь за дикими зверями. О том, что Гупта обучает танцам красоток-стриптизерш, Фессания благоразумно умолчала.

Душа и мысли Музи были вообще свободны от каких-либо подозрений — возможно, к неудовольствию Гибила, чей процветающий бизнес предстояло со временем унаследовать именно простодушному сыну. Во избежание ненужных слухов и толков Гупта и Фессания занимались внизу, в столовой. Упражнения, исполнять которые зачастую требовалось в замедленном темпе, действительно походили на изощренные движения неведомых экзотических танцев. Только вот конечной целью была не демонстрация гармонии музыки и тела, а полное исчезновение последнего.

Время текло неспешно, как Евфрат, видеть который Алексу давно не приходилось. Впрочем, он и не замечал его течения. Алекс носил воду. Мама Забала готовила. Неттичин охранял ворота. Музи гонялся за зверями и пил — умеренно — в компании таких же, как он сам. Домашний божок регулярно потреблял в день одну ячменную лепешку, в чем ему помогали залетавшие в молельню воробьи.

А во дворце, как поговаривали, царь Александр приближался к последней черте. Любимчик царя, Гефестион, то топил печали в вине, то носился голый по городу, рискуя умереть от разрыва сердца, принеся, подобно новому, безумному Фидипиду, весть о конечной победе смерти. Опечаленные таким ходом событий и не представляя жизни без Александра, солдаты его гвардии затевали пьяные ссоры с магами, сбивая с оных островерхие колпаки и проламывая головы.

Потом настал день, когда Фессания объявила о беременности. Обрадованный Гибил тут же примчался с поздравлениями. Вслед за ним пожаловал доктор Кассандр, принесший Фессании некие настойки, призванные «установить пол плода» и предотвратить нежелательные явления вроде выкидыша. (Снадобья эти Фессания, разу-

меется, вылила.)

Нетичин преподнес госпоже глиняный амулет в виде высиживающей яйцо курицы.

— Обошелся в целый шекель, госпожа, но мне нисколько не жалко. Вы же понимаете.

Амулеты вообще ценились намного дороже, чем стоили, поскольку сила их могла оказаться несоизмеримой с расходами.

— Я буду относиться к нему так, словно он золотой, — ответила Фессания.

Со дня свадьбы прошло шесть месяцев, и беременность Фессании вопреки стараниям Гупты становилась все более и более заметной.

Сославшись на угрозу смещения плода, причиной чего мог стать чересчур активный детородный орган мужа, Фессания окончательно перебралась в свою комнату в башне и даже добилась от супруга согласия на то, чтобы в те ночи, когда его нет дома, ее покой охранял верный раб. Возражений не последовало, а потому все продолжалось как и раньше, разве что теперь Фессания всегда принимала позу всадницы и для достижения экстаза часто пускала Алекса в галоп.

— Я изобрела прелестный способ удовлетворять супруга, — призналась она однажды ночью. — В комнате у него есть натянутая на раму шкура

львицы. Ты должен был ее видеть. Так вот, я залезаю под нее, становлюсь на колени лицом к хвосту, под которым проделала дырку, и рычу. Музи набрасывается на львицу, а я пускаю в ход руки, смазав их предварительно мазью, или, если есть настроение, рот. Ему нравится. Однажды он насмерть сразил львицу ударом копья. Теперь поражает ее другим оружием.

Алекс промолчал.

— Понимаешь, я нисколько его не презираю, — продолжала она. — По-моему, так ему приятнее. Когда под ним конь, он чувствует себя воином. Когда под ним львица, он — Царь Зверей. Почти бог. — Она застонала от наслаждения. — Я раздвигаю границы его воображения. Я его готовлю.

— К чему? К тому, чтобы из него получился ростовщик?

— Уверена, Гибил уже видит перемены.

— Он бы удивился, узнав, каким путем они достигнуты.

— Эй, уж не ревнуешь ли ты? Не забывай, Музи — мой муж. Разве ты смог бы достойно меня содержать, а, раб? А так, дорогой, получается, что он содержит нас обоих.

— Когда-нибудь Музи обо всем узнает и проткнет меня копьем.

— Я защитила тебя от Мардука, уберегу и от Музи.

— Какое счастье, что, таская из канала проклятую воду, я не чувствую себя изнеженным, капризным жиголо.

— Уверяю тебя, учиться быть невидимкой — работа не легче.

— Ах да, поиски просветления! И как успехи? Уже обрела свойство прозрачности?

— Зря я рассказала тебе про львицу.

— Наверное, тебе самой нравятся эти кошачьи забавы.

— Ты прав, нравятся. Они так возбуждают. Почему бы и не позабавиться? Мужчины ведь ходят в бордели за тем же самым, не правда ли?

— Откуда мне знать?

— Послушай, Алекс, здесь, в постели, у нас любовь. Настоящая любовь. И ребенок тоже настоящий. Наш, твой и мой. Я рассказываю тебе об этих играх, потому что ты часть меня, а я часть тебя.

— А искренность и честность ведут к ясности, которая ведет к невидимости.

— Верно. Хотя честность не равна добродетели, что доказывает Гупта, управляя стриптиз-салоном, пусть и с некоторыми метафизическими

нюансами. Добродетель есть порок тех, кто не познал истину, не проник в себя. Тех, кому недостает воображения. Вот почему в сердце добродетели подчас столько зла. Хотя и нельзя сказать, что в Вавилоне ее уж слишком много и что, следователь- но, в нем мало скрытого зла. Серьезных грешков, конечно, хватает.

— Как, например, принесение в жертву детей.

— Мой папочка никогда не отличался богатым воображением. Ты ведь слышал, как он поносил в молельне мою мать? Ему не по силам представить себя ею или мною. А вот себя он вообразить может кем угодно, и ему все мало. В этом городе каждый, если повезет, может стать тем, кем себя представляет. Если только твои партнеры не обладают еще более живым воображением. Вот прямо сейчас я представлю себя невидимкой, и ты сможешь обнаружить мою скрытую форму.

Он усмехнулся.

— Сейчас темно.

— Ну и что? Может быть, научившись быть невидимой на свету, я смогу потом научиться быть видимой в темноте.

— Фес, ты и впрямь серьезно воспринимаешь поучения Гупты?

— Если мы не можем шутить — ха-ха — над

серьезными предметами, мы никогда не сумеем овладеть ими. Неужели не понимаешь?

— Не понимаю. Но чувствую. — Он действительно почувствовал.

А она снова застонала от наслаждения.

На следующее утро Алекс откинул тростниковый полог и, сделав шаг в комнату Музи, нашел взглядом львиную шкуру, натянутую на невидимый каркас таким образом, чтобы она напоминала того самого зверя, сраженного охотником, как рассказывали, с риском для собственной жизни.

Минуту или две Алекс стоял у порога, представляя, как кладет руку на желтовато-коричневый крестец, поднимает, как длинную рукоять, хвост, обнажая обшитую атласом и похожую на огромную петлицу дыру. Комната в его воображении была темна, а сам он был Музи, знающим Фессанию такой, какой ее никогда не узнать рабу, но притом не знающему вовсе, потому что к невидимости ночи Фессания добавляла еще и безвестность, безымянность, прячущуюся под чужой, звериной шкурой.

Подойти ближе? Придать фантазии большую достоверность?

Он вспомнил, как фантазировал о Деборе, как

представлял ее в самых разных ситуациях, и понял — глупо. И, поняв это, спустился вниз, чтобы поработать в саду.

Открыв переднюю дверь, Алекс едва не столкнулся с мчащимся к ней Неттичином. При этом смотритель размахивал глиняной дощечкой, которую либо прочел только что сам, либо узнал содержимое от того, кто ее доставил.

— Известие от господина Гибила. Гефестион умер! Царь приказал приготовить погребальный костер! Самый большой! Каких еще не было в истории! Сообщи госпоже! Передай всем!

Гефестион, царский любимчик, фаворит, исполнял при Александре ту же роль, что Патрокл при Ахилле. За все месяцы пребывания в Вавилоне Алекс не видел его ни разу. Ни раньше, когда он проник во дворец, ни потом, во время свадьбы. Гефестион, похоже, не принимал заметного участия в дворцовых делах. И лишь в последние недели, когда состояние здоровья царя снова заметно ухудшилось, имя Гефестиона звучало все громче и громче. В предчувствии близкой кончины любимого царя Гефестион пил или исполнял абсурдные атлетические трюки.

И вот, по иронии жестокой судьбы, юный храбрец и преданный сподвижник, способный за

рекордное время обежать по кругу городские стены, лежал безжизненный во дворце, тогда как тучный, заплывший жиром, опустившийся и предавшийся порокам веч! ю больной Александр не спешил расставаться с миром живых. Впрочем, может быть, Гефестион просто надорвал сердце чрезмерным усердием.

Письмо, о котором шла речь, было отправлено из дворца и спешно доставлено на дом посыльным. Прочтя уведомление, Фессания быстро написала тестю короткую записку, выразив сожаление, что Музи в очередной раз отправился на охоту. Так как посыльный, имея другие неотложные дела, уже ушел, она поручила доставить табличку Аншару. Во второй половине дня дополнительную информацию — сомнительного, правда, свойства — принесла Мама Забала, успевшая посетить ближайший к дому рынок. Новость, оказывается, уже передавалась из уст в уста, от базара к базару, с улицы на улицу.

Вечером в молельне Фессания помолилась за душу Гефестиона, после чего попросила кухарку рассказать всем об услышанном — связно и ясно.

— В городе только об этом говорят, — доложила Мама Забала. — Шум такой, что даже к нам, за реку, докатился. Бедный господин Гефестион!

Такой красавчик! И такой непоседливый! Вот в ком жизнь била ключом! Вчера вечером он боролся, да так, как будто бился с самой Смертью за жизнь своего царя. Победил по очереди пятерых чемпионов. А потом, еще в поту, взмыленный, помчался во дворец согреть своим телом царское ложе. А получилось, что вместе с теплом отдал и жизнь. Утром его нашли бездыханным на ложе царя Александра. Я так думаю, что сердце не выдержало.

Царь распорядился устроить похороны, каких еще свет не видывал. Приказал снести тысячи локтей городской стены, а из кирпичей выложить пирамиду для погребального костра. Денег уйдет пропасть — городу и за год не заработать. Дыму будет столько, что тень бедняги Гефестиона и на том свете, наверное, его учует. А потом то, что останется от погребальной пирамиды, обложат мрамором, и будет памятник.

* * *

Ночью Алекс пробрался в спальню Фессании — согреть не столько ложе, сколько ее саму. Чемпионской борьбы не получилось, но не потому что они не старались.

После первой схватки он прошептал:

— Похоже, смерть Гефестиона в воображении публики заняла такое же место, как болезнь царя.

— Я бы даже сказала, что более высокое. Смерть Александра испугала бы людей и опечалила. Кончина же Гефестиона развлекла и воодушевила.

— Если я правильно понимаю, он умер вместо царя. Он — замена.

— Согласна. Александр теперь воспрянет духом. Отбросит одеяла и возьмется за дело. Такая возможность проявить себя.

— Новая стратегия выживания, верно? Разработанная скорее всего Аристандром.

— Все лучше, чем приносить в жертву детей. А смерть должна была случиться. Прекрасная, образцовая смерть.

— Как вариант жертвоприношения.

— Очевидно.

— Мирской вариант? Знаешь, я одно время подозревал, что царя просто-напросто прикончат его же приближенные, а Александром назначат кого-то со стороны.

Фессания негромко рассмеялась.

— И этим кем-то со стороны должен был стать ты, не так ли? Загадочный, всеми забытый принц, вернувшийся в Вавилон из изгнания. Ох…

— А у тебя не мелькала мысль, что на самом-то деле умер царь — задушили, например, подушкой, — а его место займет теперь Гефестион.

— И поэтому они провели ночь вместе? Не в жарких объятиях гомосексуальной терапии, а потому что один придавил другого, а потом влез в пурпурную сорочку? А что, это мысль. Я не видела царя рее несколько лет. Если заметишь что-то на похоронах, скажешь мне, ладно?

— Думаешь, у нас будет шанс увидеть тело Гефестиона?

— Может быть, но не вблизи. Его должны набальзамировать. На постройку погребального костра уйдет не меньше месяца. Какая интрига! Какой доходный бизнес!

Действительно, какой бизнес. Что похороны — бизнес, стало ясно, когда на следующий день в дом за рекой заглянул Гибил, желавший узнать, вернулся ли его сын.

Заходить финансист не стал, а в ожидании невестки нетерпеливо расхаживал по саду. Когда же Фессания спустилась, он, взяв ее под руку, повел по тропинке. Алекс как раз возился с саженцем тополя. Фессания и Гибил ходили вокруг него, как скаковая лошадь и беременный жокей, разминающиеся перед решающим забегом.

— Погребальный костер высотой с шестиэтажный дом. Сердцевина из кирпича. Каждый уровень будут поддерживать стволы пальм. Вдоль основания — золотые носы триер с драпировкой из красного войлока между ними. На следующем уровне — гигантские факелы с возносящимися из пламени орлами. Еще выше — сцены охоты, сражающиеся золотые кентавры, быки и львы. Все, разумеется, полые внутри. Дальше — оружие. Вверху — сирены. В них посадят хористок, которые будут распевать погребальные песни. Когда все это загорится, хор выберется из статуй через специальные отверстия.

На таких поставках можно изрядно поживиться! А еще можно открыть кредит для закупок. Нисколько не удивлюсь, если властям придется обращаться к ростовщикам. И не верьте болтовне насчет сноса части стены. Из мусора ничего хорошего не построишь. Я уже провел оценку роста рынка кирпича. А сколько потребуется мрамора для обкладки сгоревшей сердцевины!

Гибил перевел дыхание.

— Хочу, чтобы мой мальчик прошел со мной с самого начала и посмотрел, как совершаются такие сделки.

— Музи должен вернуться завтра. По крайней

мере он так сказал.

— Где он? Куда уехал? Да что теперь толку!

— Давайте разберемся, — бойко заговорила Фессания. — Вы собираетесь одолжить дворцу деньги для покупки у вас же того, что они потом уничтожат? Принцип тот же, что и на войне, только ущерба меньше. И вы надеетесь выиграть конкурс на размещение заказа по достаточно привлекательной цене, но при этом речь пойдет о государственном долге, который значительно увеличится, когда власть начнет запаздывать с выплатой процентов?

— Так и есть. Вы правильно все поняли.

— Тогда почему бы вам не подключить к делу меня?

— Но мой мальчик…

— …в данный момент отсутствует. Вы кое-что упустили.

— Что же?

— Весь этот погребальный костер — какие точные указания, подробные детали! Такое сразу не придумаешь, здесь нужна тщательная подготовка.

— Возможно.

— Подготовка, требующая предварительного планирования. А предварительное планиро-

вание означает, что о событии было известно заранее. При всем уважении, достопочтенный свекор, вы и сами могли бы быть в курсе грядущего. Если бы имели при дворе надежного платного осведомителя вместо бесполезных приятелей. Откровенно говоря, нечто подобное можно было предсказать, когда стремление моего отца стать наследственным богом натолкнулось на сопротивление неведомых лиц.

Гибил вытаращился на нее округлившимися глазами,

— Так вы что-то подозревали? И не предупредили нас?

— Ко мне за советом никто не обращался. Меня выдали замуж, чтобы я родила наследника. А вот вам следовало встревожиться, когда дворец начал продвигать Гефестиона.

Гибил утер вспотевший лоб.

— Да, теперь я понимаю. Тонкое наблюдение.

— Спасибо. Позвольте поделиться и другими. Мардук хотел принести в жертву ребенка — событие в высшей степени волнующее. Гефестион — взрослый мужчина. Так что же придает его смерти особую значимость? Чем достигается столь же эмоциональный эффект? Ответ прост: масштабами и стоимостью похорон. Во сколько

талантов золота обойдется намеченное мероприятие?

— М-м… в десять — двенадцать.

— А что произойдет со всем этим золотом, когда пирамида сгорит синим пламенем? Часть уйдет в воздух раскаленными частичками. Основная масса расплавится.

— И смешается с сердцевиной, которую закроют мрамором.

— Предположим, что через сердцевину проложены канальца ил и туннели…

— Боже…

— Вы ссужаете дворцу деньги для сжигания золота, которое возвращается к вам в виде аккуратных золотых слитков. Ваша прибыль, любезный свекор, удваивается. С какой стати оставлять богатство неведомым расхитителям гробниц, которые сыщутся лет эдак через пятьсот? Или жадному царю, обеспокоенному платежами по процентам?

— Боже, да… Трубы, туннели, слитки, готовые к выносу. Теперь мне все ясно. Вы гений.

Алекс был готов захлопать в ладоши. Какой план! Если он сработает, Гибил будет у Фессании на крючке до конца жизни. Мошенник, который обвел вокруг пальца дворец и разграбил усыпаль-

ницу Гефестиона.

Финансист вдруг остановился.

— Эй, а этот раб не подслушивает?

— Нет, — поспешно ответила Фессания. — У него часто такой вид. Красота живой природы ошеломляет его.

— Неужели? Ну ладно. Итак, как только вы будете готовы, беремся за дело вместе. Мы с вами. Вдвоем. Я сам возьму поводья; возничий доберется пешком.

— Я готова хоть сейчас, если пожелаете. Я уже знаю, как все нужно сделать. Конечно, — добавила она, — умыкнуть слитки — операция тонкая, учитывая присутствие стражи. Здесь нужен… невидимка.

— И когда же ты собираешься сообщить Гибилу, что его невестка и есть невидимка? — спросил Алекс ночью, в их последнее перед некоторым перерывом свидание. — Ты ведь на седьмом месяце, не забывай.

— Знаешь, беременные тоже могут передвигаться.

— Заметил. Но золотые болванки тяжелые, Фес. Придется сделать много ходок.

— Вообще-то я еще не уверена, что готова стать невидимкой. И желания пока не изъявила.

— Эффект магического слова недолог. Он быстро проходит.

— Верно. Так что твоя кандидатура отпадает.

— Гупта? Ты доверишься ему?

— Такое приключение в его вкусе. Вреда никому никакого нет, и для него оно может иметь особое значение. Три вещи на свете всерьез интересуют большинство людей: золото, секс и смерть. Кража будет иметь символический, почти метафизический смысл.

— Если не считать планирования совместной операции, как прошла встреча с господином Денежным Мешком?

— Отлично. Он заедет за мной завтра. А моему героическому супругу придется по возвращении довольствоваться моими извинениями в письменной форме.

* * *

Вот так и получилось, что Музи, вернувшись домой во второй половине следующего дня, покрытый… нет, не кровью, но пылью, был встречен — в отсутствие жены — Аншаром, который и передал усталому охотнику начертанные на восковой табличке извинения Фессании.

Далее Аншар поделился с господином скудной

информацией о печальной смерти Гефестиона и предстоящих похоронах. Посовещавшись с Иррой, Музи прикинул что к чему и поспешил сначала в ванную, а оттуда в свою комнату, где почистился, приоделся и обрел достойный вид. Ирра призвал Алекса — отвести в конюшню лошадей и принести воды.

Через пару часов Гибил доставил Фессанию к воротам дома, где его ждал принаряженный, вежливый и послушный сын, предложивший отцу отведать вина.

— Нет времени. У нас куча дел. Ты бы мог пригодиться мне в последние два дня. Благодари небо, что у тебя такая чудесная жена.

— Музи не виноват, что кое-кто — обойдемся без имен — скончался так неожиданно, — с милой улыбкой вмешалась Фессания. — Кто мог такое предвидеть?

— Хм… — заметил Гибил.

— И я думаю, Музи правильно делает, что предлагает вам вина. Тот, о ком мы говорили, умер от перенапряжения. Бизнес — та же гонка. Отдохните. Расслабьтесь.

— Ну, ты-то, сын, от перенапряжения не умрешь, верно?

— Не думаю, что Музи в эти дни прохлаждался в

тени. Наверняка он сражался как лев. И кто знает, не пойдут ли его приятели со временем вверх?

— Да, наверное.

Музи благодарно улыбнулся супруге, потом почесал затылок и наконец расхохотался.

— Как лев! Сражался как лев! Мне это нравится.

— Что здесь смешного?

— Ничего, папочка. Ничего. Зайди и расслабься. За полчаса дела от тебя не убегут.

Гибил так и сделал.

Алекс подумал, что понял, почему так смеялся Музи — шутка имела какое-то отношение к тем эротическим забавам, которым предавались молодожены, — но подошедший сзади Аншар шепнул ему на ухо:

— Госпожа Львица охотится, а господин Лев только греет бока.

Может быть, Музи смеялся своей шутке, а Фессания своей?

Прошло десять дней. Возвращаясь от ближайшего канала, куда его посылали за водой, Алекс увидел идущего ему навстречу Гупту.

Явившись, как обычно, на урок, Гупта обнаружил, что на этот раз сам Гибил изъявил желание понаблюдать за ходом занятий. По-видимому,

Фессания все же поведала свекру, какому именно искусству обучает ее индиец. В предшествующие дни возможности поговорить с ней наедине не представлялось. Гибил выиграл конкурс на постройку погребальной пирамиды в северо-восточном углу города, из-за чего Фессания часто и подолгу отсутствовала. Вместе они встречались с архитекторами, строителями, каменщиками, суконщиками, плотниками, резчиками, ювелирами, хормейстерами, торговцами маслом, а также осматривали выделенный под строительство участок и консультировались с представителями заказчика. Третьим в этой компании был Музи, изо всех сил старавшийся доказать свою полезность.

— Алекс! А мне только что представили план, о существовании которого, полагаю, вам уже известно. — Гупта ухмыльнулся. — Не беспокойтесь. Господин Гибил уверил меня в вашей полной благонадежности. Назвал вас верным рабом. Столь же верным, как и Тикки. Более того, вы, оказывается, проявили горячее желание помочь в перемещении неких маленьких, но тяжелых предметов с одного места в другое. — Он побарабанил пальцами по ведру с водой. — Музи, конечно, покрепче, но ему не доверяют.

— Не доверяют? Так ведь Музи сопровождает их, Гибила и Фессанию, повсюду. Он же все видит!

— Видит, но его держат в полном неведении относительно главного. Наш доблестный охотник может перебрать лишнего и проболтаться. Полагаю, Фессания в свойственной ей деликатной манере указала свекру на данное обстоятельство, и Гибил с ней согласился. Ловкий трюк, не так ли? На тот случай, если у Музи появятся подозрения касательно ваших с ней отношений.

— Молчите!

— Если Музи что-то заподозрит и обратится к папочке, — сказал индиец, наблюдая за своим отражением в воде, — папочка устроит ему разнос. «Не глупи, сынок! Раб предан нам как собака. И твоя жена тоже».

— Может, для того все и задумано?

— Полагаете, что, почуяв золото, Гибил потеряет нюх на все остальное? Сомнительное предположение. Гибил ведь не проявлял к вам ни малейшего интереса.

— А потом у Фессании будет сильное оружие против Гибила. Она всегда может предъявить ему публичное обвинение в воровстве. И взять меня в свидетели.

— Чепуха. Обвинив Гибила, она навредит в

первую очередь себе самой.

— Блеф, Гупта. Блеф.

— Кстати, раз уж мы об этом заговорили… Алекс, друг мой, вы так и не сказали, в чем суть плана. Пожалуйста, напомните мне основные детали.

— Думаете, я ничего не знаю и просто хочу выудить у вас информацию?

Гупта опустил палец в другое ведро.

— В этих водах рыбки нет, так что и удить — ха-ха — не стоит!

— Идея простая: украсть золото из погребальной пирамиды Гефестиона.

— Так оно и есть.

— Вы нужны для того, чтобы незаметно вынести слитки после того, как они остынут.

— Надев специальный костюм с прочными внутренними карманами. С дюжину ходок потребуется. Надо быть в форме! Рискованное предприятие, а? — Гупта хихикнул. — А если потом я махну волшебной палочкой и покажу Гибилу, что все дело затевалось ради обычных, покрытых позолотой кирпичей? Какой премилый урок на тему отваги и глупости. Тогда уж я наверняка прослыву если не багдадским, то вавилонским вором! После таких вот ударов часто

и наступает внезапное просветление.

— Зачем вы так шутите? Хотите попугать меня?

— Может быть, я лишь забочусь о сохранении самоуважения.

— То есть на самом деле вы не хотите опускаться до воровства? Но готовы на это, потому как чувствуете, что Фессания приблизилась к достижению ясности?

— К достижению святости. Фессания — святая покровительница грешников.

— Эти люди, рабочие, они ведь заключенные, да, пап? Ты используешь принудительный труд?

Гибил кивнул.

— Какой ты молодец, что заметил.

Они стояли, наблюдая за тем, как продвигается строительство. Люди в набедренных повязках суетились, как муравьи, выкладывающие муравейник из кирпичей, которые носили из огромной бесформенной кучи. Люди двигались двумя цепочками в противоположных направлениях, не сходя с петляющей дорожки, проложенной от кучи к основанию будущей погребальной пирамиды. Тс, что шли в одну сторону, тащили кирпичи. Те, что в другую, возвращались с пустыми руками за новой порцией. Подобно муравьям,

ориентирующимся на пахучие метки своих товарищей, потные рабочие, казалось, тоже не могли отступить от первоначального, пусть даже и не самым удачным образом проложенного маршрута. Приближаясь к груде кирпича, они протягивали руки, как насекомые протягивают усики.

Кирпичная основа пирамиды поднялась уже на три четверти проектной высоты, являя собой бесхитростное, но все же произведение искусства на фоне окружающего хаоса, представленного в первую очередь кучками кирпичей, хотя, надо признать, некоторое родовое сходство между творениями человеческого разума и стихийных сил природы все же существовало. Доставляемые ослами кирпичи сваливались в одну груду, а муравьи, разгребая ее, создавали геометрическую копию, ступенчатую и прямоугольную в основании: двести на сто локтей с отчетливо, как у зиккурата, выраженными уровнями.

Гибил и Музи сидели в одной колеснице, Фессания с Гуптой — во второй. Алекс-раб проделал путь до стройки пешком, ухватившись за вторую повозку, которая из-за плотности транспортного потока катилась, к счастью, довольно медленно.

Солнце нещадно било лучами и по рабочим, и

по растущей пирамиде, и по городской стене, которой предстояло стать театральным задником сначала для художественных шедевров фризов и статуй, потом для сцены ада и, наконец, для величественной и монументальной мраморной усыпальницы, вечно охраняемой почетным караулом.

— Принудительный труд, конечно, дешевле. Это я понимаю. Но почему бы не нанять настоящих каменщиков? Ты же сам сказал, что денег велено не жалеть? По счетам платит дворец, а счет всегда можно увеличить. Или фокус как раз в этом? Экономим на каменщиках?

— Какой ты стал понятливый. Даже страшно.

— Но мы же не хотим, чтобы все рухнуло. Расползлось и обвалилось.

— Ничего не расползется. На то у нас есть архитектор. Он и следит за качеством кладки.

Гибил указал на крошечную фигурку человека, укрывшегося от солнца под зонтиком, который держал над его головой слуга.

Цепкий взгляд охотника скользнул по кладке.

— А что это за трубы? Похожи на птичьи кости, тоже полые. И они здесь везде, пронизывают всю структуру. Я бы даже решил, что это…

— Через них, — перебил сына Гибил, — будет

поступать воздух, который, как тебе известно, необходим для горения. К тому же они выполняют роль компенсаторов. Когда кирпичи расширятся от жара, эти трубки примут на себя давление.

— Неужели?

Гибил вытер потный лоб.

— Я удивлен — ты все подмечаешь.

— Лису вижу за полмили!

— Да? Хорошо… очень хорошо.

— Почему бы Музи не попробовать рассчитать, сколько еще повозок кирпичей нужно для завершения строительства? — предложила Фессания. — А мы пока подойдем поближе.

— Отличная идея. Музи, ты слышал? Займись. И присмотри, пожалуйста, за колесницами.

— Поводья может и раб подержать.

— Нет, он нам нужен.

— Зачем? Я вообще ничего не понимаю. Зачем Фессания притащила сюда этого учителя танцев? Он что, собирается ставить похоронные пляски?

— Не совсем так. Послушай, Музи, я очень занят.

— Я всего лишь стараюсь помочь, но как помочь, если я не знаю, что тут происходит?

— Ты уже помог. Я горжусь тобой, сын. Сейчас нам важно рассчитать, сколько еще нужно

кирпичей. Излишки в любом случае придется убирать — там расположится публика.

— Хорошо, но ведь у тебя уже есть человек, который как раз тем и занимается, что считает кирпичи.

— Послушай, Музи, если ты не готов выполнять самую простую работу, можешь попрощаться с шекелями.

— Ты же финансист, папа. Банкир, а не строитель.

— Банкир должен детально знать то, во что вкладывает деньги. Вникать в любой финансируемый проект. И перестань наконец спорить!

Гибил вытер лоб и спустился. Гупта и Фессания тоже сошли с колесницы. Музи, недовольно насупившись, все же подчинился и, подобрав поводья, отвел лошадей к куче. Остальные направились к тыльной стороне сооружения. Алекс плелся последним.

Разумеется, истинная причина использования на стройке заключенных состояла в том, что настоящих строителей-профессионалов могли удивить некоторые особенности кирпичной сердцевины пирамиды. А так дело ограничилось взяткой одному лишь архитектору. Чиновники на стройке не появлялись — какой смысл

проверять какую-то кладку? Они появятся на заключительном этапе, когда начнутся дорогостоящие отделочные работы: установка золотых кораблей, факелов, быков и кентавров. Их предполагалось закрепить на горючей внешней обшивке: смолистой древесине и пропитанном маслом тростнике. Тогда же вокруг стройплощадки будет выставлено оцепление для охраны ценностей от любопытных. К тому времени, как рассчитывал Гибил, проводники для жидкого золота будут надежно скрыты внутри сооружения.

И вот наступил день, а потом и предзакатный час похорон. Лучи умирающего солнца подрумянили позолоченные стены, еще недавно сиявшие так же ярко, как начищенные бронзовые гонги, готовые, казалось, не только ослепить, но и оглушить собравшуюся толпу из примерно ста тысяч человек. Тень от Праздничного храма прорезала прилегающие поля черным клином, указывая опаздывающим путь к месту величайшего действа в истории Вавилона.

Кордон солдат окружил золотую пирамиду и стоявшую неподалеку от нее кучку высокопоставленных персон, в которой смешались землевладельцы, маги, придворные и «посланники» из Вавилонской башни. Главной фигурой этого

избранного, но далеко не малочисленного собрания был, однако, слон, привязанный в интересах безопасности за все четыре ноги к вбитым в землю кольям. На спине животного, в зашторенном пурпурными занавесками домике, восседал сам царь Александр, предававшийся горю в частном порядке. Из золотых сирен у вершины пирамиды донеслись голоса плакальщиц. Позади хора слуги торопливо опорожняли бочонки с горючим маслом, поливая дерево и тростник. Над сиренами и слугами, в вышине, уступающей только небу, стоял катафалк с набальзамированным телом, предположительно — Гефестиона, повергнутого смертью атлета, обнаженной восковой куклы. Ранее катафалк пронесли через город, мимо толп зрителей, немалое число которых полагало, что в фобу и впрямь покоится восковая фигура, однако теперь все получили возможность убедиться в ошибочности таких подозрений — мертвец горел, как и должна гореть человеческая плоть, а не плавился подобно свече.

Через окутавший Вавилон темно-синий атласный саван проглядывали ранние звезды, наперебой манившие к себе душу Гефестиона.

Сидевший на плече слона погонщик-индиец внезапно повернулся и, подняв длинную, с крюч-

ком на конце, палку, раздвинул ею пурпурные занавеси, явив собравшимся…

…Александра. Свет висевшей рядом лампы выхватил из сгущающегося сумрака лицо царя.

Да, это был тот самый Александр, которого Алекс видел во дворце: размякшая фигура человека с тяжелым, отвислым подбородком, накрашенными щеками и губами, завитыми мелкими кольцами волосами, в шелковом, богато расшитом и украшенном драгоценными каменьями платье. Царь плакал, обильные слезы катились по щекам, смешиваясь с румянами, отчего казалось, что из глаз его вытекает разжиженная кровь.

Но, плача, он не столько терял силы и раскисал, сколько, напротив, становился тверже, распрямлялся и оживал — будто вместе со слезами из организма выходил отравлявший его яд. Дряблая плоть наливалась крепостью, жир превращался в мускулы, так что в скором времени перед изумленными горожанами сидел уже не разнеженный смертный, а скорбящий мраморный бог.

Царь вскинул руку в прощальном жесте, и сирены как по команде смолкли. Факелы коснулись основания пирамиды, и языки пламени побежали вверх по стенам, облизывая золотых

львов и кентавров, выпрыгивая из щелей между змеями и быками. Драгоценные фигуры как будто зашевелились, пустились в медленный танец. В считанные мгновения огонь охватил все сооружение.

Стащив с пальцев перстни, Александр швырнул их в костер, жар которого уже достигал зрителей. Голыми уже руками царь разодрал на себе шелковое платье и поднялся, отряхивая клочья. Под шелком на нем были бронзовая кираса и юбка, сшитая из подбитых железными заклепками кожаных клиньев. В правой руке оказался меч. Доблесть, мужество и мощь снова воплотились в нем.

Уж не собрался ли Александр порешить себя? Нет. Указав острием в сторону огня, он воздел руку и…

Чьи-то пальцы стиснули его запястье, и прежде чем Алекс успел понять что к чему, его уже волокли через толпу к стреноженному слону. Чтобы не упасть, ему приходилось усердно перебирать ногами.

Греческий офицер навис над ним. Тот самый телохранитель, а потом нищий у дома Фессании. В следующее мгновение Алекс уже стоял перед Аристандром.

— Господин, это тот человек, который рассказал вам о свитке, а потом стал рабом дочери Мардука.

Футуролог повел носом, словно обнюхивая Алекса.

— Вот как! — Удивительно, но с носа у него не капало. — Ты разочаровал меня, парень. Не пришел во дворец, как было велено.

— Забрать и допросить? Его никто не хватился. Скажите только слово — и мы вытащим его отсюда.

Костер разгорелся. Пламя оглушительно гудело. К темнеющему небу уносились бурлящие черные клубы дыма, и казалось, горит уже весь город.

Огненная буря навела страху и на слона, и он, задрав хобот, громко протрубил, после чего начал раскачиваться, пытаясь освободить ноги. В уголках рта животного повисла слюна. Погонщик сначала стегал его палкой, потом, сдвинувшись вперед, попытался зацепить крюком хобот. Стоящий на спине гиганта Александр победоносно рассмеялся, салютуя мечом бушующей огненной стихии, поглощавшей кентавров и змей, быков и львов.

— Прощай, Гефестион! — кричал он. — Прощай, мой лучший друг!

Но если Александр не обращал внимания на прыгающего подобно обезьяне погонщика, то слону его колющая палка с железным крюком на конце, вероятно, успела надоесть. Выгнув хобот, он схватил погонщика за руку и рванул так, что несчастный свалился на землю. В следующий момент великан освободил ногу — слабое звено цепи не выдержало и лопнуло, — занес ее и опустил в полулокте от головы ошарашенного индийца. К счастью для последнего, слону укоротили бивни. И все же животное продолжало метаться, норовя окончательно освободиться от цепей. Колья подались. Слон отчаянно метнулся и еще раз топнул о землю, заставив все еще не опомнившегося от страха погонщика отпрыгнуть в сторону.

Между тем паника нарастала. Зрители подались назад, Аристандра вдавили в Алекса. Элитная македонская гвардия бросилась к обезумевшему зверю, но остановилась, не зная, что предпринять. Несмотря на всю эту суету, офицер продолжал держать Алекса за руку.

— Не дергайся!

Раскачиваясь из стороны в сторону, слон выдернул второй кол, который так и остался болтаться на ноге, звеня цепями. Домик на его спине кач-

нулся и начал сползать. Царь уделил наконец внимание и собственной безопасности и, хищно ухмыльнувшись, выбрался из опасно накренившейся клетки и, не дожидаясь очередного скачка слона, спрыгнул на землю. Совершать подобного рода маневры с обнаженным мечом в руке рискованно, но удача была на его стороне. Приземлившись, Александр не удержал равновесия и растянулся в пыли, однако тут же вскочил на ноги. Солдаты, снова увидевшие своего кумира в отличной форме, приветствовали его восторженными криками, которые, впрочем, утонули в реве пламени и панических возгласах. Натянуто улыбаясь и стараясь не показаться потрясенным жесткой встречей с земной твердью, царь отошел в сторону, оказавшись в двух шагах от Алекса.

Теперь, когда их повелителю ничто не угрожало — и прежде чем слон освободил задние ноги, — отважные македоняне устремились в атаку. Однако их мечи либо отскакивали от толстой шкуры, либо оставляли на ней слишком мелкие порезы, которые только еще больше раздражали животное. Пара вонзившихся ему в бок копий тоже нанесли вреда не больше, чем пчелиные укусы. Лампа в домике разбилась, и огонь тут же переметнулся на пурпурные занавески. В воздухе

запахло мустом и слоновьим дерьмом.

Внезапно на поле выскочил блондинистый квотербек, в котором Алекс сразу узнал Музи.

Вооруженный копьем смельчак пританцовывал перед рассвирепевшим монстром, делая молниеносные выпады, отскакивая и снова наступая. Слон попятился и поднялся на задние ноги. Пламя опалило кожу, и он, взревев, рванулся вперед. Задние колья выскочили из земли.

В тот же миг, прежде чем животное ринулось вперед, Музи подскочил к нему и, размахнувшись, вонзил копье в левый глаз.

Слон пошатнулся. Музи отпрыгнул, и громадная туша рухнула наземь. Удар оказался на редкость точным — копье, избежав встречи с костями черепа, дошло до мозга.

Паника унялась. Музи отступил в сторону. Тяжело дыша, он огляделся и застыл, увидев Алекса в руках греческого воина. Царь Александр, слегка прихрамывая, подошел к герою. Выглядел он усталым и даже изнуренным.

— Молодец. Настоящий Геракл. Как тебя зовут?

— Музи, сын Гибила, ваше величество.

— Того самого Гибила, который построил погребальную пирамиду?

— Того самого, ваше величество.

— И ты готов был пожертвовать собственной жизнью, чтобы остановить обезумевшее животное и не позволить ему испортить церемонию. Что желаешь получить взамен? Проси что хочешь. — Видя, что Музи колеблется, царь добавил: — Ты должен попросить. Не люблю, когда мне отказывают.

Музи потер затылок, потом показал пальцем на Алекса и офицера.

— Ваш человек, похоже, схватил моего раба. Я бы хотел, чтобы мне позволили его забрать.

— Этот человек задержан, ваше величество, — запротестовал офицер.

Тем временем Аристандр отвернулся, сделав вид, что происходящее никак его не касается.

Царь вспыхнул и, поджав губы, пристально посмотрел на Алекса.

— Просишь за него? Так, значит, беглец стал твоим рабом?

— Да, ваше величество. Вообще-то он любимый раб моей супруги. И я прошу, великий царь, вернуть его мне.

— Что сделал этот раб? — спросил Александр у офицера, но прежде чем тот успел ответить, поднял руку. — Не важно. Я обещал и сдержу слово. Раб прощен. Отпусти его.

— Тебе крупно повезло, ублюдок, — прошипел грек и подтолкнул Алекса к Музи.

Пока они пробивались через толпу, окружившую мертвого слона — клетка на его спине уже догорала, — Музи молчал. Удалившись на почтительное расстояние, он рывком остановил Алекса.

— Итак, почему я тебя выручил, а? Ты же развлекаешься с моей женой, верно?

— Хозяин?..

— Не принимай меня за дурака. И послушай, что я тебе скажу. Я спас твою задницу, потому что наблюдал за тобой и Фессанией. Да, я вижу, как она к тебе относится, как притворяется, будто ты для нее ничего не значишь. Я вижу ее насквозь. Более того, я восхищаюсь ею. И мой отец тоже в восторге от нее. Он ведь хочет, чтобы ты с ней развлекался, да? Вот почему ты постоянно с нами таскаешься, верно? Отец держит тебя для того, чтобы Фессания не скучала.

А теперь вот что. Будь я проклят, если испорчу вам веселье. Забавляйтесь. А я поведу свою игру. Пусть Фес делает что хочет. Удивлен, а? В этой игре для меня есть по крайней мере один плюс: она дает возможность развлекаться по-своему. Охотиться с ребятами. Не это важно, а то, что

Фессания довольна. Не хочу, чтобы она кисла или чувствовала себя несчастной. Серьезно. Думаю, того же хочет и мой папаша, особенно сейчас, когда у них с Фес какие-то общие делишки. Однажды когда-нибудь Фес полюбит меня. По-своему. И тогда она поймет, что я давно в курсе ваших проделок. А когда поймет это, полюбит меня еще сильнее. Я не стану копаться в дерьме, пока она беременна. Но ты, парень, запомни. — Говоря это, Музи держал Алекса за горло — твердо, но не настолько, чтобы задушить. — Если с Фессанией или моим отцом что-то случится, если ты или этот индийский факир навлечете на наш дом неприятности, я задушу тебя сам. Ты ведь мастер устраивать неприятности, верно? Иначе с чего бы тот грек так крепко за тебя взялся, а?

— Это недоразумение… — прохрипел Алекс.

— Можешь размахивать концом и дальше. Пока не придет день, когда Фес повернется ко мне. И вот тогда я сделаю его малость короче. И не суй свой нос в другие дела. Понял?

— Да, — выдавил Алекс.

— Я только что обратил на себя внимание, вылечив этого слона от головной боли. Царю, может быть, не совсем понравилось, что я не попросил чего-то другого, но он в любом случае запомнил

меня. И я намерен сохранить его уважение.

Музи разжал пальцы, и Алекс наконец-то вздохнул свободно.

— А теперь, раб, ступай. Возвращайся к своей госпоже.

Как же прав и в то же время не прав Музи. Прав в том, что Фессания и Алекс любовники, и не прав, полагая, что об этом известно Гибилу. Прав, подозревая заговор. И не прав, полагая, что честь семьи могут опорочить посторонние.

Ситуация трогательная и грустная. Пытаясь стать участником интриги, о которой он не имел ни малейшего представления, Музи сам создавал пародию на интригу.

Бедный дурачок. Заложник чести.

И все же впервые за все время Алекс почувствовал уважение к супругу Фессании, уважение, смешанное со страхом, — неуклюжие маневры Музи, его попытки вести тонкую, как ему представлялось, игру могли иметь самые непредсказуемые последствия. Конечно, винить стоило Гибила — это он позволил сыну вырасти в девственном невежестве. А может быть, Музи просто слишком глуп, хоть и бесстрашен. К сожалению, теперь он решил жить своим умом.

Вина за то, что Музи с таким опозданием при-

общался к серьезным делам, лежала, конечно, на Гибиле. Может быть, финансист поступал так с сыном не из снисхождения к его слабостям и даже не по причине очевидного контраста между родителем и отпрыском, но для того, чтобы Музи искупил грехи отца или уж по крайней мере не ведал, какими путями пришло к семье ее нынешнее богатство. Наследник не должен был унаследовать порочность и ее сестру — беспринципность. Но не имея этих качеств, как сможет Музи распоряжаться семейным состоянием? Знакомства с темной стороной жизни не избежать. Так или иначе, неминуемое откладывалось, и в планы заговорщиков Музи не посвящали.

Денежный Мешок хотел передать богатство в незапятнанные руки. Поэтому Гибил и согласился оставить сына в неведении относительно кражи, предоставив играть роль сообщника той, чья испорченность компенсировала беспорочность Музи. К несчастью, Музи не желал быть пассивным наблюдателем и хотел сам определять свою судьбу. И, может быть, его стремление заслужить уважение царя было проявлением того, что изначально вложил в него отец?

А может, сложившаяся запутанная ситуация стала непредвиденным результатом далеко не

невинных игр, к которым приучила молодого и неискушенного супруга сама Фессания и которые всколыхнули дремавшие прежде чувства?

Место кремации Фессания, Гибил, Гупта и Алекс посетили во второй половине следующего дня. К тому времени кирпичный остов должен был уже остыть.

Гибил предоставил для поездки большую четырехместную колесницу. Будучи главным подрядчиком, он имел все логические основания осмотреть сооружение на предмет обнаружения структурных повреждений, которые могли бы помешать дальнейшим работам по укладке белых мраморных плит будущего мемориала Гефестиону. В то же время имя Гибила ни в коем случае не должно было ассоциироваться с какой-либо кражей в том случае, если бы Гупту задержали на месте преступления с золотыми слитками. Впрочем, задержание индийца все равно создавало бы проблему ввиду причастности к краже невестки финансиста и ее раба.

Гупта попытался успокоить Гибила напоминанием о том, что никто, кроме получившего взятку архитектора, о существовании слитков даже не догадывается. Что никаких слитков может вообще не быть или их окажется намного

меньше, чем они надеются. Если температура была слишком велика, золото могло испариться полностью. И тогда стена и крыши домов покрылись бы тонким слоем позолоты.

Если же случится худшее и его поймают, предупредил Гупта, все должны стоять на том, что они намеревались тайно вернуть золото во дворец, преподнеся царю подарок, но не хотели возбуждать у казначейства необоснованных надежд. Казначей, несомненно, будет в восторге и не станет трепать языком.

Прибыв к месту через врата Мардука, они обнаружили вблизи обгорелого зиккурата с десяток зевак и немногочисленную стражу. Другие солдаты, должно быть, спали в установленных неподалеку палатках, над которыми развевался штандарт царя Александра: скромное пурпурное полотнище на воткнутом в землю копье.

Следуя указаниям Гупты, Гибил объехал сцену по кругу и остановил лошадей в таком месте, где они находились вне поля зрения стражи. Алекс вбил колышек, на который повесил поводья, и четверо сообщников прошли к углу западной стены.

Разведка не заняла много времени. На каждом углу пирамиды стоял один солдат. Каждые че-

тыре или пять минут караульный неспешным шагом доходил до соседнего угла, двигаясь против часовой стрелки. Маршрут был короткий и занимал около минуты. Примерно тридцать секунд двое часовых стояли вместе на одном углу, и все это время другой угол оставался без присмотра. Потом «смененный» солдат шел к следующему углу, и вся процедура повторялась.

Начертив на песке схему движения, Гупта задумчиво изучил ее, перебирая все возможные варианты, потом выпрямился и стер подошвой рисунок.

— Лучше, чем я рассчитывал! При таком маневре у них постоянно возникают мертвые точки. Оставаясь на месте, они острее бы воспринимали все новое и необычное. Ротация ослабляет внимание. Приступим.

Приняв важный вид и помахивая тростью — этим он должен был привлечь внимание к себе, — Гибил неторопливо направился к останкам слона. Мясо и внутренности уже увезли, и в груде костей возились только бездомные коты, дворняжки да птицы-падальщики.

Фессания осталась в колеснице. Алекс взял пару кожаных мешков. Гупта облачился в невнятной расцветки и формы балахон с множеством карма-

нов и выглядел так, словно вывалялся в паутине.

Южная сторона бывшей погребальной пирамиды находилась в тени. Именно сюда выходили канальца и трубы, по которым расплавленное золото попадало в изложницы, прикрытые для надежности битыми кирпичами.

У городской стены Гупта остановился и начертил на песке круг.

— Это психологический пограничный пункт. Пока вы за ним, стража не проявляет к вам никакого интереса. Переступите — привлечете их внимание. Оставайтесь на месте. Когда я уйду, садитесь в круг спиной к пирамиде.

Клонившееся к западу солнце светило вовсю. (Гибил предложил совершить набег под прикрытием темноты, но Гупта категорически отказался. Чем они объяснят свою ночную прогулку в совершенно не подходящем для этого месте?)

Солдат у юго-восточного угла оставил пост и направился к юго-западному углу. Гупта пошевелил членами, подергал за костюм и… что дальше? Кем он стал? Тень его упорхнула, и Алекс поспешно опустился на землю, глядя перед собой в противоположном направлении.

Время шло. Десять минут… пятнадцать… столетие…

Затем:

— Откройте мешок!

Слитки перекочевали в мешок.

— Теперь другой. Золото, золото…

— Идите. И возвращайтесь.

Прихватив оба мешка, Алекс потащил их к колеснице. Тяжелые! Он чувствовал, что руки как будто вытягиваются. Как это Гупта ухитрился рассовать столько золота по карманам? Силен, ничего не скажешь. И карманы, должно быть, крепкие. Алекс выгрузил содержимое. Фессания прикрыла слитки соломой.

Он сделал еще три ходки, прежде чем голос Гупты произнес:

— Не возвращайтесь.

Алекс положил мешки, взял поводья и забрался в колесницу.

Осталось только дождаться индийца.

— Фес?

— Что?

— Я где-то слышат, что вся вселенная существует только как мысль в голове бога. Модель наподобие holographos, вполне реальная для нас, но на самом деле только плод воображения бога. Осознающие это способны творить то, что другим представляется чудесами.

— Например, становиться невидимыми? Как Гупта?

— Вроде того, но я думаю о другом… Тебе никогда не приходило в голову, что, может быть, весь Вавилон, включая нас, существует лишь как модель, созданная некоей tekhne в Институте будущего? Можно ли это проверить? Когда у меня был свиток, ты еще назвала его свитком контроля, я думал, что, не исключено, он и есть часть того, что контролирует нашу реальность, часть, неким образом материализовавшаяся в Вавилоне. Ведь богу наверняка приходится иногда вторгаться в придуманный им мир, чтобы подбрасывать разные волшебные штучки. Я подумал тогда, что Вавилон — это holographos, модель, за которой наблюдают академики. И если так, то сейчас они, возможно, видят, как мы воруем золото.

И только невидимка может заглянуть из нашей реальности в их мир и увидеть, как они следят за нами. Только тот, кто сумеет достичь состояния полной ясности и отстраненности. Только тот, кто перехитрит и глаз, и ум.

Фессания нахмурилась.

— Звучит заманчиво. Уверена, интрига получилась бы восхитительная. Но, Алекс, о каком Институте будущего ты говоришь? Что это? Некое

тайное общество, о котором тебе поведал Гупта?

— Я говорю об Институте будущего в Эвристике. — Где?

— Знаю, здесь об этом упоминать запрещено, но ведь мы можем поговорить откровенно?

— О чем? Я тебя не понимаю. Никогда не слышала ни о какой Эвристике. Да и об институте тоже.

— Но, Фес… Послушай, вы приехали в Вавилон с отцом… когда? Лет пять или шесть назад? А откуда? Откуда вы приехали?

— Я… да, откуда-то мы приехали. Наверно, из другой страны, только я забыла какой. Как же это было давно…

— Вы приехали сюда из Америки.

— Впервые слышу.

Несмотря на жару, Алекса бросило в холод. Он поежился.

— Фес… что-то изменилось. В тебе… в городе… Что-то изменилось.

— Конечно, изменилось. Я забеременела.

— Я о другом! Скажи, откуда взялось то устройство в храме? Устройство, в которое я вложил свиток? И то, что у вас в молельне?

— Их построил какой-то грек. Аристотель? Нет. Архимед? Наверно, Архимед. Архимед… предки

человека с таким именем вполне могли быть правителями Мидии и магами. Нет, это точно был Аристотель, наставник царя.

Алекс схватил ее за руку.

— Фес! Подумай, сколько в Вавилоне греков! Их здесь тысячи. Откуда они приезжают? Как? Я тебе скажу: они прибывают сюда на колесницах, которые летают по воздуху. И не из Греции, а из Эвристики.

Она рассмеялась — звонко и легкомысленно.

— По-моему, наше последнее приключение оказалось для тебя слишком тяжелым испытанием. Македоняне и другие греки пришли сюда с армией Александра. Пришли и остались. Но это было давно.

— Они прибывают сюда каждый день. Их привозят на летающей колеснице, и они входят в город через врата Иштар.

— Я отпущу тебя на недельку. Можешь провести ее у врат Иштар, но уверяю, никаких летающих колесниц ты не увидишь. Потому что их просто нет в природе. Есть лодки, есть ослы. Некоторые приходят в Вавилон пешком. Некоторые верхом на лошади.

— Ты ведь шутишь, Фес, да? Хочешь меня подразнить? И снова она рассмеялась.

— Вот уж нет! Это ты шутишь. — Она вдруг замолчала, потерла лоб, словно пытаясь вспомнить что-то. Нахмурилась. — Вообще-то кое-что вспоминается. Как сон. Что-то, напоминающее твои фантазии. Нет, не могу вспомнить. Сны всегда плохо запоминаются. Да и какой в них смысл?

Что-то определенно изменилось. И в людях, и в самом городе. Но Алекса эти изменения почему-то не коснулись. Он вспомнил, как однажды сомневался в собственном здравомыслии. Неужели он и впрямь был сумасшедшим? Фантазером, мечтавшим о далеком будущем?

Как он пытался теперь вспомнить эту tekhne будущего. Если Фессания не шутит, не поддразнивает его — а на нее это не похоже, — то выходит, что в последние примерно полгода модель города достигла завершения. Раньше, до этого, в систему загружалась свежая информация, ее дополняли новые персонажи. Те, кто необходим для установления полного взаимодействия между системой и ее создателями. Каждый из новичков нес в себе что-то вроде ключа от закрытого города, ключа, подходящего к определенному замку. До некоторого момента модель работала на прием, справляясь с наплывом новых элементов. И вот теперь Вавилония заполнилась. Ключи — логи-

ческие связи с прошлым — были уничтожены, удалены из системы.

Но у Алекса ключ остался. Он ничего не забыл. Он помнил.

Но почему он? Может быть, ему отвели роль курсора, некоего мобильного маркера, сшивающего паутину вавилонской жизни? Или его просто пропустили?

А не пропустили ли и других? Например, Гупту, человека-невидимку?

Или объяснение еще проще, и все дело в том, что город аккумулировал слишком много событий? Обрабатывающих способностей не хватило, произошла перегрузка? Ненужные воспоминания сброшены или отправлены в корзину?

И только о нем забыли.

Эмбрион в лоне Фессании думал свои эмбриональные мысли и слушал звуки незнакомой речи, воспринимая барабанную вибрацию кожи ее живота. Зародыш в матери: просыпающееся сознание, требующее дополнительного места в модели Вавилона. Поэтому мать лишилась части памяти? Не потому ли Америка представлялась Фессании неким размытым, безвозвратно забытым сном?

Если все эти объяснения верны, тогда понятно,

что именно изменилось в городе.

Сможет ли он помочь ей, возлюбленной, носящей в себе его ребенка, вспомнить то, что она сейчас, к его ужасу, отрицает?

— А вот и я! — Гупта с трудом забрался в колесницу с последним урожаем слитков.

Какая глупость! Ценно было не то, что индиец принес в карманах. Ценно было то, что трюк с невидимостью позволял, может быть, увидеть невидимое, узреть исчезнувшее, обнаружить тайных наблюдателей.

Если же никаких невидимых наблюдателей нет, если они не прогуливаются, восхищаясь, дивясь, развлекаясь, меж призраков Вавилонии, то истинно золотой наградой будет понять логику мышления подлинного бога-творца, разума, содержащего аналоги человеческих существ, оригиналы которых все еще живут собственной жизнью в таких местах, как Орегон, Нью-Йорк и Калькутта.

— Все что можно сделано. Давайте заберем вашего отца.

Фессания тронула поводья.

— Пошли!

— Гупта? — Что?

— Мне тревожно.

— Расскажете потом. Я должен расслабиться.

И Гупта приступил к исполнению дыхательного упражнения.

В дальнейшем распределении золота Алекс участия не принимал. Возможность поговорить с Гуптой наедине представилась только через семь дней, когда индиец пришел для очередного урока с Фессанией, и всю эту неделю Алекс провел в тревожном ожидании дальнейших шагов Музи.

Загадочная экскурсия, предпринятая четверкой на следующий после похорон Гефестиона день, немало заинтриговала молодого охотника, но от расспросов он воздержался. Тем не менее Музи наблюдал за всем происходящим — зорко, как ястреб, и чутко, как заяц.

После некоторого раздумья Алекс решил не говорить Фессании о стычке с ее мужем, приняв во внимание и то, с каким недоверием отнеслась она к его предположениям относительно Вавилона. В доме он усердно избегал ее взгляда и вообще старался держаться незаметно, культивируя собственный вариант невидимости, хотя такое поведение и могло быть неверно интерпретировано.

Фессания могла, например, прийти к выводу, что слова Алекса в карете были плодом больного

воображения или, что еще хуже, провокацией в расчете на определенную реакцию, которой он воспользовался затем как предлогом, чтобы отказать в моральной поддержке в тот период, когда она более всего в таковой поддержке нуждалась. Из подслушанного разговора между Фессанией и ее свекром Алекс понял, что доктор Кассандр все еще носится с идеей хирургического вмешательства и намерен в подходящее время разрезать мать, чтобы вынуть ребенка. Фессания отражала угрозу в меру сил, напоминая Гибилу при каждом удобном случае о похоронах Гефестиона и давая таким образом понять, чем он ей обязан. Финансист, которому успех придал уверенности, стоял, однако, на своем, вдохновленный перспективой обрести внука.

В свою очередь, Музи мог истолковать поведение Алекса как поведение труса, посчитавшего за лучшее не вставать на пути ревнивого мужа, либо как намеренное непослушание и отказ потворствовать прихотям Фессании в надежде сберечь таким образом собственную шею или по крайней мере собственный член.

Итак, через неделю после кражи золота Алекс катил по улице бочку с водой.

Гупта вышел из ворот.

— Друг мой, как вы? Как ваши тревоги? Улеглись? Никаких ведь последствий наше предприятие не имело, не так ли?

— Меня не это беспокоило.

— Волновались из-за Фессании? Думаю, мои упражнения помогут ей при родах.

— В том смысле, что она исчезнет и родит там, где нет врачей с их ножами? Вы случайно не повитуха? В придачу ко всему прочему?

— Осторожнее, друг мой. Кто знает, не стоит ли по ту сторону стены Ирра?

— Или Неттичин.

— Насчет Неттичина не тревожьтесь.

— Вы с Фессанией что-то планируете? — шепотом спросил Алекс. — Перенесете ее в безопасное место? Или она родит в саду, невидимо и неслышно для всех? И никто ни о чем не догадается, пока ребенок не подаст голос? Она попросила вас о помощи? Какой?

— Легче украсть кучу золота, чем сделать то, что вы предлагаете. Я не стану вам отвечать.

— Послушайте, Музи догадался. Ну, о нас с Фессанией. Только ей не говорите, ладно? У него и вы на подозрении, так что имейте в виду.

— Я уже заметил. Алекс, вы слишком много думаете. Избыточное мышление иногда порождает

иллюзии.

— То есть Фес передала вам наш разговор в колеснице? Гупта вскинул бровь.

— Боюсь, если вы и сказали ей нечто важное, оно не дошло до ее сознания. У Фессании, знаете ли, и других забот хватает. Куда более неотложных и обременительных. И они давят на нее не извне, а изнутри. Так, значит, вас не беспокоит ни кража, ни приближающиеся роды?

— Нет. Выслушайте меня и не перебивайте. Вы слышали об Институте будущего в Эвристике, штат Аризона, Америка?

— А теперь помолчите. — Гупта зажмурился и пару минут простоял не дыша. Потом открыл глаза. — У меня такое чувство, что когда-то я об этом знал. До того, как мы с вами стали вавилонянами. Да, определенно знал.

— Но теперь не знаете?

— Невидимый человек взаимодействует с миром. Он не маячит силуэтом на горизонте.

— Как вас понимать?

— Понимайте так, что вы стоите на горизонте. Вы как бы видите обе долины. Первая — это то, что было до нашего рождения, вторая — наша нынешняя жизнь. То, что вы предполагаете, ужасно. Ха-ха! Конечно, я могу быть невидимым,

если под этим понимать маскировку какой-то части модели. И, конечно, я мог украсть золото невидимым способом. Если так, то я невидим и сам для себя. Я не знаю, кто я такой.

— Однажды, когда мы еще жили у Камберчаняна, я смотрел в греческом театре пьесу Еврипида об Андромеде. И там у Андромеды такие слова:

Подобно той Елене, настоящей, Что Трои не видала никогда, За призраком которой корабли В тщете носились, волны рассекая. За призраком, что так любил Приам, Видением, ниспосланным богами, Чтоб разума навек лишить мужей.

Есть одна старинная легенда, — продолжал Алекс, — согласно которой настоящая Елена вовсе и не уезжала в Трою. Она уплыла куда-то еще — на какой-то другой остров или в Египет, не знаю — и там спряталась. Вместо нее в Трою отправился двойник. Фантом, как говорит Еврипид.

Гупта хлопнул себя по лбу.

— То есть мы здесь не настоящие? Мы — двойники? Двойник Алекса? Двойник Гупты? Мы возникли здесь, и наша память позаимствована у других людей?

— Да, здесь все — elektronik klones, созданные tekhne…

— Elektronik? Это сколько же надо тереть ян-

тарь!

— Нет, elektronik — это нечто подобное молнии и… и… тьфу! — Он с отчаянием понял, что не может ничего объяснить Гупте. — Думаю, эта tekhne будущего способна копировать сознание человека, его мысли, память. И не одного человека, а многих. Вавилон — котел, где мы все варимся.

— Почему же я ничего такого не помню?

— Потому что после того, как мы стали вавилонянами, функционирующими единицами, часть нашей изначальной памяти была стерта. Как надпись на восковой дощечке. Им были нужны модели человеческого поведения. Поведение возникает на основании жизненного опыта. Вначале мы должны были помнить, кто мы есть на самом деле. Теперь, когда мы пробыли в Вавилоне достаточно долго, пережили много событий, приобрели необходимый опыт, пряжа, из которой сплетается личность, перемотана на новую бобину. — Алекс вздохнул. — Бобины! Я не могу объяснить это по-другому, только на греческом, и получается неуклюже. Haanglikax бы сказал… — Он осекся, с ужасом осознав, что вместо английского в его голове роятся лишь отдельные слова. Слов было много, да. И не только самые обиходные. В памяти мелькали такие

слова, как «ядерный», «компьютер», «винтовка», «Иисус» и «Дэвид Копперфильд», «социология» и «выпускник». Куча слов. Только вот они никак не соединялись. В его распоряжении не было синтаксиса, чтобы расставить слова в правильном порядке.

— Я забыл родной язык, — растерянно пробормотал он.

— Я… тоже. Может быть, из-за hypnos? Нас погружали в hypnos в Вавилонской башне, когда мы учили там вавилонский. И занимались этим никакие не призраки, а люди из плоти и крови! — Гупта нахмурился. — Из плоти и крови… гм… Не вполне согласуется с моей философией, что вселенная есть лишь иллюзорный занавес, сплетаемый временем из ткани энергии. Становится ли ложная Елена — elektronik аватара — менее реальной в силу лишь того, что представляет собой энергию, заключенную в некоей tekhne? Ведь и настоящая Елена не более чем энергетическая модель.

— Нашу дилемму это не решает.

— Мне нужно как следует все обдумать. Предаться медитации.

— А мне надо доставить домой бочку с водой.

— Да. И запаситесь водой для родов.

— Здесь вода из канала.

— Ничего страшного. Ее нужно лишь вскипятить.

— Время еще есть. Недель пять, а то и шесть.

— Если только доктор Кассандр не решит пустить в ход свой острый нож.

— И что же, вы ничем ей не поможете?

— Помогу. Йогой.

— Что толку от йоги, если Кассандр все равно ее разрежет?

Гупта вдруг перешел на другой тон.

— Конечно, альтернатива есть, — оживился он. — Можно дать настой, который вызовет преждевременные схватки, и тогда ребенок не успеет достигнуть опасных для матери размеров. Фессания хочет, чтобы я добыл для нее настой спорыньи. Я пока сопротивляюсь. Спорынья вызывает галлюцинации. Фессании понадобилась бы очень сильная доза. Ну вот, я все вам рассказал и заслужил прощение.

— Мы, призраки, должны держаться вместе, так?

— Гм… Насколько ж легче — даже приятнее! — разговаривать о родах и спорынье, ножах и канальной воде, чем о других делах. Однако боль, претерпеваемая призраками, для призраков

вполне реальна. Как и смерть.

В этот момент в конце улицы появился конный македонский солдат. Доскакав до ворот дома Гибила, он натянул поводья и кликнул Неттичина.

Алекс потащил бочку.

Вечером, после молитвы, Музи сделал объявление.

— Слушайте все. Сегодня я получил послание из дворца. Меня пригласили поохотиться с царем. Через две недели. Александр чувствует себя хорошо и жаждет видеть пролитую кровь. Отправимся в заповедник, устроим лагерь возле Олимпийского источника. Со мной поедут царь, генерал Пердикка и Антипатр. И еще солдаты и слуги. Я возьму с собой Ирру и Нетти, но мне нужен будет еще и раб, если супруга не против. Для пущей важности. Вопрос престижа. — Музи посмотрел на Алекса. — Ты, парень, единственный домашний раб.

— Какая честь, Музи! — воскликнула Фессания. — Я так тобой горжусь. Конечно, надо ехать. И, конечно, ты должен взять с собой Алекса.

— Я и не собираюсь отказываться и рад, что ты отпускаешь его. — Музи положил руку на глиняного воина с псиной головой. — Обещаю тебе перед нашим богом, что с ним ничего не

случится.

Ничего не случится? А что может случиться? Чего стоит опасаться? Разъяренной львицы? Копья в спину? Нет, Музи же дал слово чести.

Фессания наверняка рада нескольким дням свободы. Может быть, думает о Гупте и обещанном им настое спорыньи. Может быть, вернувшись с охоты, они узнают, что ребенок уже родился, а нож Кассандра так и не понадобился. Или обнаружат, что Фессания отравлена, а ребенок умер.

Ребенок… Продукт двух призраков, произведших на свет третьего, столь же реального и живого, как и они сами. У детей Вавилона не будет оригиналов, они не будут чьими-то копиями или klones. Какими они станут, когда вырастут? Обретут ли подлинную индивидуальность — с талантами, причудами, пороками? Или будут чем-то вроде зомби? Может быть, они научатся прекрасно выживать — души, возникшие из ничего, как и сама вселенная. Их поведение может стать примером того, как преступить пределы пустоты, в которую канули все предыдущие цивилизации. Может быть, они станут образцовыми людьми, достигнут новой эволюционной стадии, недоступной меняющемуся лишь биологически человеку.

В нем вдруг проснулся родительский инстинкт: как уберечь еще не родившегося ребенка? И каким он будет, этот ребенок? Конечно, дети в Вавилоне должны рождаться — не привозят же сюда младенцев! Откуда взялся, например, тот, которого Мардук собирался принести в жертву? И все же полной уверенности не было. Надо поговорить с каким-нибудь малышом лет трех-четырех. Но как? Не устраивать же на детей засаду. За такое, чего доброго, могут и кастрировать. Нет, рабу не пристало общаться с малышами. Да и что он узнает? Раскроет тайну мироздания?

Они уже вышли из молельни, когда Ирра с ухмылкой посмотрел на Алекса.

— А ты верхом ездишь? Или побежишь?

— Я умею ездить верхом. Жил когда-то в деревне, — ответил Алекс. — Давным-давно. И вряд ли престиж твоего хозяина поднимется, если я притащусь в лагерь через несколько часов после вас, как какой-нибудь нищий — измученный, потный и грязный.

— Насчет пота и грязи можешь не сомневаться — этого тебе хватит в любом случае.

Мама Забала пекла пироги с абрикосами. Сладкий аромат разносился по дому, смешиваясь с другими запахами. В свой прошлый визит

накануне доктор Кассандр принес множество мешочков с толчеными цветами мирта и смолой асафетиды, которые настоятельно рекомендовал развесить в качестве профилактических средств против невидимых духов хвори. (Музи, разумеется, согласился.) Теперь они болтались повсюду, за исключением кухни. Мама Забала решительно восстала против асафетиды на том основании, что та могла испортить приготовляемые блюда отвратительным запахом чеснока. Пироги были ее ответом на чуждое вторжение.

Заметив проплывшую в кухню Фессанию, Алекс последовал за ней. Войдя, он застиг госпожу в тот момент, когда она — под одобрительную улыбку кухарки — засовывала в рот пирожок.

— То, что надо, госпожа. Желудок лучше знает, что требуется.

Присутствие Алекса было сочтено нежелательным. По меньшей мере хозяйкой кухни.

— Принеси мне кабачок! Да поживей! Ступай, ступай!

Очевидно, мужчина был лишним в этом заговоре женщин и мог неким образом помешать триумфу Мамы Забала над вредным доктором.

Алекс вышел, однако задержался за тростниковой дверью. Позади дома заливался лаем Тикки,

заглушая голоса Мирры и Музи. Где-то хихикали служанки. Аншар, отправленный во дворец с каким-то сообщением относительно намеченной экспедиции, еще не вернулся.

Когда Фессания вышла из кухни с пирожком в одной руке и недоеденной половинкой в другой, Алекс понял — это его шанс.

— Фес!

— М-м… — Жуя, она кивнула на тонкую дверь.

— Мне надо поговорить с тобой. Глотательное движение. Еще одно… и еще.

— Не здесь. Подожди.

Как же трудно с ней стало общаться. И как глупо — не иметь возможности поговорить с той, с кем был так близок.

— Завтра придет Гупта. Может быть, принесет настой. Она удивленно посмотрела на него.

— Он тебе рассказал? Почему?

— Потому что я ему все рассказал. Помнишь наш разговор в колеснице? Ну, когда мы ждали Гупту с золотом?

Она не помнила.

— Насчет института.

— А, это…

— Мы с Гуптой все обсудили. Если тебе по вкусу настоящая интрига, спроси, думает ли он, что

Вавилон существует на самом деле.

Фессания помахала перед ним пирожком.

— Вот что мне по вкусу. — Она выставила живот. — А здесь моя интрига. Занимает все свободное место. На данный момент.

— Когда ребенок родится, о нем позаботятся служанки.

— Ш-ш-ш!

— Без стоящей интриги ты быстро захандришь. Фессания усмехнулась.

— Ох, Алекс, ты изобретаешь для меня интригу, чтобы я не отравилась! Так и скажи.

— Нет, тут совсем другое.

— Я должна сделать выбор между ножом и иголками доктора Кассандра и сам знаешь чем. Сам знаешь что представляется более безопасным. Так что не надо меня разубеждать. — Она повернула голову и прислушалась. — Сюда кто-то идет.

В следующий момент Фессания уже была у входа, встречая Музи. Алекс быстро отступил в кухню. Занятая делами Мама Забала не заметила присутствия постороннего.

— Доктор Кассандр велел тебе отдыхать после полудня, — донесся до Алекса голос Музи.

— Я проголодалась.

— У тебя разболится живот.

— Он у меня в любом случае скоро разболится. — Чавканье.

— Не думаю, что индийцу стоит появляться здесь, пока все не закончится. Я пошлю к нему Аншара — пусть передаст, чтобы не приходил.

— Нет! Гупта учит меня упражнениям, которые помогают расслабиться.

— Тебе не нужны никакие упражнения. Кассандр…

— Я знаю. Но, пожалуйста, сделай мне одолжение, Музи, мой лев. И тогда я полюблю тебя по-настоящему.

— Ты знаешь, как обращаться с парнями.

И только тут Алексу вдруг пришло в голову, что Музи не обвинял его в отцовстве. В другом — да. В забавах с его женой — да. Но не в том, что он стал отцом ее — и его! — ребенка.

Неужели Музи столь наивен, что полагает, будто Фессания забеременела после первой же ночи с ним? Определенно нет. Госпожа Гибил уже касалась этой темы за обедом в доме Мардука.

В городе Иштар и священной любви Фессания не могла выдать себя за девственницу и с помощью мешочка с бычьей кровью убедить мужа после брачной ночи, что он первый, кто отве-

дал персика. Все было проще: Музи в голову не приходило, что отцом ребенка является кто-то другой. Жена может вести себя как последняя шлюха, но ее лоно хранит верность супругу — того требует честь. Музи ошибочно полагал, что Гибил смотрит на шашни Фессании сквозь пальцы ради сохранения мира в семье. Если так, то Гибил, разумеется, не мог бы спокойно относиться к тому, что его внук — сын раба. Скорее же всего рассуждения Музи никогда так далеко и не заходили. Как человек чести он знал, что должен быть отцом ребенка, и верил в это всей душой. Иначе быть не могло, потому что на чем бы тогда держался мир?

Музи был готов смириться и принять любые хитроумные объяснения чего угодно и даже закрыть глаза на то, что жена наставляет ему рога с каким-то рабом, но в вопросе отцовства — вопросе, задевавшем слишком глубокие эмоциональные струны — он, сам того не сознавая, уперся и отступать не желал.

Возможно даже, что Музи и на самом деле был отцом. Преимущество Алекса составляло всего несколько ночей, но достаточно ли этого для полной уверенности? И на какой такой магической интуиции основывалась убежденность

Фессании? Она просто выдавала желаемое за действительное.

Впервые за несколько месяцев Алексу пришло в голову, что он вовсе не обязательно отец будущего ребенка.

Поверить в такое он не мог. Не мог даже подумать о таком. Как и Музи, Алекс отказывался считаться с возможностью этого варианта.

Дождавшись следующего визита Гупты, Алекс снова поймал его на улице.

— Вы принесли настой?

— Не могу сказать. Поговорим о другом нашем деле.

— Почему? Почему вы не можете сказать? Уж не ученица ли запечатала уста гуру?

— В некоторых случаях такое возможно. Когда ученик почти святой.

— Фес расспрашивала вас о другом нашем деле? Индиец покачал головой.

— А должна была?

— Ну, уж святого вопрос собственной реальности, на мой взгляд, должен заинтересовать.

— Ха-ха! Как же мало вы знаете о святых. Особенно беременных святых.

— А как дела с ясностью? С незамутненным восприятием истины и иллюзий?

— Гм… Предположим, вы правы. Что тогда случится с тем, кто попытается физически покинуть Вавилон? Обратит ли на него внимание какой-то бог? Пошлют ли солдат, чтобы вернуть беглеца? Или он достигнет предела и испарится?

— Может быть, ответ лежит не в той плоскости. Может, предел стоит поискать под Вавилонской башней.

— Рассчитываете на Дебору?

— Рассчитываю на Зарпанит. Никакие Деборы меня больше не интересуют.

— Что бы ни находилось под Вавилонской башней, оно должно быть частью модели Вавилона. Так ведь? Как может Нижний мир вести куда-то еще?

— Там может быть некая tekhne, через которую наш мир взаимодействует с другим.

Гупта нахмурился.

— Слишком механистический подход, друг мой. Вы говорите так, словно, идя по улице, можно найти ключ, отпирающий дверь на небеса. Ключ и небеса принадлежат к разным разрядам бытия. — Он помолчал, потом неуверенно продолжил: — Может быть, мои фокусы с невидимостью что-то выявят. Стать невидимым для существующей модели и, таким образом, незави-

симым. А может, и не я! Может быть, Фессания, если — как я надеюсь — станет святой. Нельзя черпать воду ложкой, сделанной из воды. Воздух не спрячешь в воздушном мешке. Огонь не сожжет пламя. Лед не растопит лед. Облака не свалят каменные горы. Если мы призраки, то и бороться можем только с другими призраками. Возможно, успеха добьется святой. Слышал, вы собираетесь поохотиться на следующей неделе?

— Да. Тогда вы и используете настой?

Ответ Гупты, как обычно, не имел отношения к вопросу.

— Помните, что и призрак льва смертельно опасен для призрака человека.

— Не беспокойтесь. Мою безопасность гарантировал сам Музи. Жаль, вы не можете гарантировать безопасность Фессании.

— Мне тоже жаль. Думаю, нам действительно не обойтись без святой — даже если ее сущность есть семь долей притворства и шесть видов обмана. Наверное, именно такой святой нам и нужен!

Глава 8

в которой охота на льва заходит слишком далеко

Охотничий лагерь находился в двадцати минутах ходьбы (или пяти минутах езды) от Олимпийского источника. По причине этого участники экспедиции прибыли к месту назначения — и оставались до конца — грязными. Олимпия была единственным источником воды на много миль окрест, но разбить лагерь у ключа означало бы отпугнуть от него робкое зверье и обозлить опасных хищников.

Животные соблюдали некоторый этикет — возле источника никто никого не убивал, — и люди тоже подчинялись законам Вавилона, четко определявшим, сколько и каких трофеев разрешается положить в охотничью сумку. Человеку непосвященному, случайно попавшему в заповедник, включавший в себя с полдюжины далеко отстоящих один от другого оазисов, этот заповедник показался бы огромным, даже бескрайним, но ослабление запретов могло развязать такую оргию убийств, что все поголовье львов, слонов и

кабанов было бы уничтожено за год-два. Иногда охотники, платившие за разрешение огромные деньги, ограничивались тем, что «убивали» зверя символически, соревнуясь в храбрости, точности и силе, но не нанося смертельного удара. Вот почему Музи был так рад

выпавшей ему редкой возможности свалить обезумевшего слона.

С полдюжины палаток, одна из них пурпурная, были разбиты на лысой макушке невысокого холма, ничем не отличавшегося от прочих, поросших мескитовыми деревьями и пало-верде и изрытых неглубокими извилистыми каньонами. Склоны их покрывали обломки рассыпавшихся скалистых вершин, между которыми высовывались креозотовые кусты, сменявшиеся на равнине кактусами. Вдалеке пощипывали травку дикие козы. Изредка тишину нарушал визгливый крик одинокого шакала, обращающий в бегство пугливых вилорогих антилоп.

На горизонте, за двойной дымкой легкого тумана и зеленого пуха полей, виднелся Вавилон, вернее, Вавилонская башня. Еще дальше к западу лежала Аравийская пустыня — непроходимая, выжженная солнцем земля. Но и поднявшись на самый высокий из холмов и повернувшись на

восток, вы бы не увидели даже пики далеких и диких гор персидского Загроса.

Ввиду особой важности события — царь отправился на охоту впервые за последние два года — Антипатр, главный смотритель царских заповедников и угодий, выдал разрешение на двух зверей — льва и львицу. Согласно установившейся традиции, охотник должен был вступать в поединок пешим и предпочтительно почти обнаженным, а потому шансы на успех расценивались невысоко. Учитывая значимость предприятия прежде всего для одолевшего апатию и хворь и обретшего былую силу Александра, устроители планировали выполнить квоту хотя бы наполовину.

Слуги, выехавшие на разведку в холодном лавандовом полусвете утра, вернулись в лагерь часом позже, когда поднявшееся солнце уже бросило на землю длинные тени. Никакого прайда вблизи Олимпии они не обнаружили, но Ирра доложил, что заметил кружащих над равниной за дальними холмами стервятников.

Вскоре охотники покинули лагерь. Алекс остался вместе с другими рабами и слугами. Солнце взбиралось все выше, припекая вершину холма. Работы было немного, и с ней справились быстро.

На вечер в царском меню значились соленая рыба, заливные бычьи языки, зелень и сыр, пиво и вино. Оставшиеся без дела устроились в тени пурпурной палатки, расчертили на земле сложную схему, собрали необходимое количество осколков кварца всевозможных оттенков, достали кости и моток окрашенных в разные цвета ниток — и Игра в Вавилон началась.

Правила ее таковы. Каждый игрок становится тем или иным богом — Мардуком или Иштар, Шамашем или Си-ном. Каждый бог начинает путь от своего храма, цель же заключается в том, чтобы коснуться основания каждого из остальных храмов — не пересекая при этом маршрут, проложенный богом, храм которого игрок вознамерился посетить первым — и занять в конце вершину Вавилонской башни.

Каждый игрок бросает кости, затем передвигает свой камень на соответствующее расстояние по расчерченным на земле улицам и отмечает маршрут нитью определенного цвета. Достигнув первого из намеченных храмов — например, Шамаш добирается до храма Иштар, — Шамаш оценивает ситуацию, принимая в расчет маршрут, уже выбранный Иштар, с тем чтобы ее будущие шаги не заблокировали ему путь.

Иштар же, в свою очередь, пытается вытолкнуть соперника на какую-нибудь неперспективную улицу или запереть в угловом квартале.

При этом ей самой нужно достичь другого храма, но только не Шамаша, поскольку он добрался до нее первым, а, скажем, Мардука. Стараясь помешать Шамашу, Иштар будет стремиться проложить дорогу к другим храмам, избегая маршрута, уже выбранного Мардуком. Последний, стараясь отрезать Иштар, должен в то же время уклоняться от маневров Сина, чей храм он уже навестил.

Между тем Шамаш, отслеживая путь Мардука, который может помочь, перекрыв путь Иштар, обязан не упускать из виду движение Сина, сдерживающего прогресс Мардука.

Алекс играл в Вавилон впервые, хотя много раз наблюдал за тем, как это делают другие в игровых заведениях с раскрашенными деревянными досками. Однако сейчас, передвигая по песку аметистового оттенка кварц, представлявший бога воздуха Энлиля, он чувствовал себя так, словно только этим и занимался чуть ли не целый год. Напряженная тишина лишь изредка прерывалась проклятиями, смешками и горестными вздохами.

В этой игре — как объяснил Алексу придворный слуга — часто случается так, что никто из богов не достигает Вавилонской башни. Мастера ее, люди обладающие прекрасной памятью, обычно играют без ниточек, отмечая маршруты каждый на своей восковой дощечке. При этом они, избегая элемента случайности, не выбрасывают кости, а каждый раз продвигаются лишь на длину одного пальца.

Первая партия завершилась ничьей вскоре после полудня, хотя Алекс еще раньше оказался заперт в квартале Забаба, где и курсировал бесцельно, не находя выхода. И хотя сплетенная им на ограниченном пространстве паутина изрядно мешала богу, первым посетившему храм Энлиля, досрочная сдача правилами запрещалась.

Попив водички из бурдюков и подкрепившись ячменными лепешками, они решили обойтись без сиесты и начали вторую партию, которая довольно скоро привела к тому же результату.,(,

Патом закончилась и третья.

Четвертая, однако, затянулась сверх обычного. Все боги, кроме двух, оказались блокированными, так что состязание шло между Иштар, от имени которой выступал недавний советник Алекса, и Энлилем, честь которого защищал сам Алекс.

Исход партии зависел от того, кто быстрее проберется по запутанному лабиринту из разноцветных нитей. При этом Иштар предстояло идти к цели от врат Иштар, а Энлилю — от врат Борсиппы.

С первого броска Алекс набрал девять очков.

Где-то далеко, на равнине, простучали копыта.

— Всадник. Один, — заметил кто-то из рабов.

— Ходи.

Стук копыт приближался, потом ритм сбился, как будто лошадь начала подниматься по склону. Алекс передвинул свой камешек от врат Борсиппы. Жаль, что на карте не обозначен подземный ход, идущий прямиком к Вавилонской башне.

Через полминуты взмыленный конь остановился у палатки. Потный, разгоряченный Аншар спрыгнул на землю.

— Алекс! Где господин?

— Что случилось? — спросил Алекс, со страхом предчувствуя ответ.

— У госпожи начались схватки! Мама Забала говорит, что время еще не пришло. Дело плохо. Послали за доктором Кассандром.

— Как госпожа?

— Ужасно! На нее больно смотреть.

— Гупта там?

— Индиец? Он приходил вчера. Что ему делать там сегодня? Так где господин Музи?

— Они на охоте, за холмами, — ответил игрок, защищавший цвета Шамаша.

— Должны вернуться к сумеркам, — вставил тот, что представлял Иштар. — Тебе лучше остаться здесь, чтобы не разминуться.

— Извини, но я больше не играю, — сказал Алекс. — Не могу сосредоточиться.

— Да ты же почти победил, — удивился его противник. — Из тебя может получиться хороший игрок.

— Да? У меня такое чувство, будто жизнь выбросила две пустышки.

— То есть? На костях нет пустышек.

— На моих есть. Сегодня.

Алекс уставился на расчерченную решетку улиц, на растянувшие по ним разноцветные нитки. Вот бы перепрыгнуть отсюда туда, в реальность настоящего, а не нарисованного города. Хотя что толку от него там?

— Проклятие! — прошипел он сквозь зубы, одним движением руки сметая с земли целый квартал.

— Эй! — угрожающе рыкнул противник.

Аншар сочувственно, хотя и с некоторым недо-

умением, посмотрел на Алекса.

Охотники возвратились через час — без добычи, усталые, запыленные и злые.

— Вина царю! И всем! — проревел Пердикка.

Слуги и рабы занялись лошадьми. Другие спешно подавали еду и напитки. Собаки задрали лапы, помечая высохшие за день колья, после чего попадали на землю с высунутыми языками.

Аншар подбежал к гнедому Галле и схватился за седло, не давая Музи спешиться.

— Господин, вам нужно сейчас же вернуться в Вавилон. У вашей жены начались схватки. Все плохо. Ужасно!

— Что?

— У нее схватки, но плод не выходит!

— О боги! Когда?

— Началось в полдень.

— Кто тебя послал? Доктор? Мой отец? Кто с ней?

— Послали за обоими. Я поехал сам.

Царь уже спешился и скрылся в своей пурпурной палатке. За ним последовал Антипатр с темным от гнева и пыли лицом. Пердикка остался в седле.

— Неприятности, Музи?

Выслушав сбивчивый ответ, генерал нахмурил-

ся. Это был плотный мужчина с напоминающей кочерыжку головой, коротко подстриженными седыми волосами, узким лбом и срезанной квадратной бородкой.

— Жаль. Очень жаль. И такая неудачная охота. Никакой добычи. Завтра поедем дальше.

— Ирра не виноват, что львы ушли на другое место.

— Однако ж он ваш разведчик, — возразил Пердикка, возлагая вину за отсутствие мертвого льва на плечи несчастного Музи.

Такова цена гордости, подумал Алекс.

— Я… м-м… мне нужно вернуться в город.

— Вернуться в город?! — рявкнул генерал. — Вы не можете оставить царя без разрешения.

— Я попрошу его…

— Как же! Он не в духе, пока не выпьет. А когда выпьет… лучше не станет. Послушайте меня. Вам оказали высокую честь, пригласив на царскую охоту.

— Я понимаю и ценю.

— Уехать — значит все испортить. Понимаете? Другое дело, если бы вы подкололи льва. Не получилось. Нам обязательно нужен хотя бы один лев. Об отъезде не может быть и речи. Без вас наши шансы уменьшатся. Я настоятельно советую вам

остаться. Как старший. Точно такой же совет я бы дал своему сыну.

— Но моя жена…

— Скорее всего она уже родила. Ведь прошло несколько часов. Вы только загоните коня. Не будьте дураком. Идите к царю. Вино снимает тревогу.

— Что она подумает обо мне? Что подумают…

— Вашей жене сейчас не до вас. А вот что подумает царь? Это куда важнее.

— Она может умереть!

— И тогда уже ничего не подумает.

— Она дочь Мардука!

— А здесь лагерь царя. — Пердикка сполз с седла. — Не огорчайте меня, молодой человек. Вы уже отвесили царю пощечину. Образно говоря.

— Я ничего такого…

— Это как посмотреть.

Музи оттолкнул Аншара и спешился. Генерал похлопал его по спине, и они вместе направились к царской палатке.

Сначала в пурпур окрасились холмы, потом все небо, от зенита до западного края горизонта. Но попойка в пурпурной палатке началась еще раньше и продолжалась даже после того, как синюшная кровь вечера превратилась в свернув-

шую кровь ночи, мрак которой не могли рассеять лампы, служившие скорее навигационными огнями для тех, кто заплутал между палатками. Еще днем на краю лагеря сложили горку высушенных солнцем креозотовых кустов, поджечь которые разрешалось только в случае угрозы нападения со стороны львов. В небе повис полумесяц.

Наконец распорядились подавать холодные закуски. Алекса позвали в палатку, и он смог наконец увидеть то, к чему прежде только прислушивался. Музи, Антипатр и генерал Пердикка восседали на пышных подушках, разбросанных по расстеленному на земле ковру. Царь то ложился на низкое ложе, становясь похожим на больного сластолюбца, каким был еще недавно, то внезапно садился, вперял взгляд в говорившего и бросал свое мнение, резко и безапелляционно, как судья на состязании риторов. После недолгого наблюдения Алекс понял, что темы для обсуждения определяет царь и что каждый из трех гостей должен высказаться по заявленному предмету — занимательно, изобретательно и связно, не переставая при этом пить. Если избранная тема надоедала Александру, он обрывал оратора и объявлял новую — в чем истинная загадка Сфинкса, каковы привычки крокодилов или тайны пира-

мид, — дополняя выступления сотрапезников пространными речами, произносимыми с мальчишеской горячностью и пьяной похвальбой. Исчерпав пыл, царь снова откидывался на ложе, дрожащей рукой поднося к губам чашу с вином.

Чувствовавший себя не в своей тарелке Музи радовался каждой возможности отвлечься, а потому предпочитал налегать на еду.

— Утверждаю, — провозгласил Александр, подбирая с блюда кусочек сельдерея, — что раб способен участвовать в диспуте наравне со свободным! А ты как думаешь, Антипатр?

— В Греции есть образованные рабы, ваше величество, — дипломатично ответил Антипатр. — Некоторые даже служат наставниками. Было бы, конечно, ложным силлогизмом полагать, что такими способностями обладают все рабы. Обычно рабство есть указание на неполноценность. Возможно, объяснимую случайностью судьбы. Однако ж состояние рабства создает естественную нишу для тех, кто в жизни играет роль ослов, в противоположность тем, кто занимает в ней место жеребцов или львов. Так что рабы должны трудиться и некоторые из них даже весьма убедительно орать «иа». Разумеется, никому не придет в голову отменять рабство, как никто

не додумается заставлять львов грызть траву. Демократия часто проявляет слабость, потому что пытается услышать все голоса, многие из которых есть голоса тех самых ишаков.

— И как же нам проверить мое утверждение? — спросил нетерпеливо Александр. — Попробуем наугад. Я ставлю один талант золота против нашего любезного Музи и заявляю, что раб побьет меня в споре, превзойдя природным даром ума и логики.

Музи оторвался от бычьего языка и с беспокойством посмотрел на царя.

— Я вызываю почтенного господина Музи, — продолжал Александр, — поскольку вижу, что здесь есть раб, которого он очень высоко ценит. Наверное, за какие-то особенные способности, а?

Алекс попал вдруг в центр внимания.

— Ваше величество, — торопливо заговорил Музи, — посмеет ли раб победить вас в споре, даже если ему по силам это сделать?

— Верное замечание, — проворчал Пердикка. — Если раб действительно умен, он заранее настроится на проигрыш. Победа может поставить его хозяина в неудобное положение.

Царь похлопал в ладоши.

— Объявляю указ! На эту ночь дарую рабу

свободу. Пусть присоединится к нам за столом. Дайте ему мой венец из позолоченных лавровых листьев.

Дворцовый слуга метнулся в угол, и не успел Алекс опомниться, как на голову ему возложили металлическую корону из колючих листьев.

Царь махнул рукой.

— Иди и сядь со мной. Ты мне нравишься. Впрочем, после того как милый Гефестион отправился на небеса, мне многие нравятся. И лицо твое кажется знакомым, как будто я видел его в горячечном бреду.

Вот оно, подумал Алекс.

Александр вовсе не прощупывал почву по случаю возможной отмены рабства, чего, возможно, опасался Антипатр, на губах которого застыла бледная улыбка. Не собирался он — по какой-то неведомой причине — и подвергать Музи публичному позору.

Все объяснялось проще: Алекс пришелся царю по вкусу.

— Если сей свободный гражданин — свободный на сегодня — угодит нам, — все более расходился Александр, — то в качестве награды отправится с нами завтра на охоту. — Царь обхватил Алекса за плечи. — Он достаточно крепок, чтобы со

смертью сразиться ради славы. Да не дрожи так, свободный человек! Сегодня ты почти что равный мне.

— Ваше величество, — с сомнением заметил Пердикка, — мудрость нового Гефестиона под большим вопросом. Человек, поднявшийся из самых низов…

— Мы не в Вавилоне, генерал. И я пьян. Так что придержи язык. — Царь ткнул пальцем в груду бычьих языков. — Ешьте! Ешьте ваши коровьи языки! — Он рассмеялся. — Вот если бы мы добыли сегодня льва!

Пердикка послушно отрезал кусок языка, но царь схватил блюдо и сунул его Алексу.

— Ты будешь есть язык, свободный человек! Чем больше языков ты съешь, тем лучшим оратором станешь. Ешь! Поглощай! Пресыться ими!

Давно уже Алекс не чувствовал себя таким несчастным. Взяв с подноса язык, он вгрызся в него, надеясь, что скверные застольные манеры охладят порочный пыл Александра. Но царь лишь рассмеялся и жадно приник к кубку.

— Глотай быстрее! — Он вытер губы. — Мне не терпится проверить силу твоего ума.

Почувствовав, что его вот-вот вырвет, Алекс отложил объеденный огрызок. Музи еще ни разу не

произнес его имя, царь тоже пока не спрашивал. Предсказать повеление пьяного царя, когда он узнает, что выбрал на роль постельничего тезку, было невозможно.

— Мы готовы? — осведомился Александр. — Тройка лучших. Я выбираю первую тему, господин Музи — вторую, а наш освобожденный раб — последнюю. Итак, первая тема: размер Земли, каким его определил Эратосфен. Я защищаю сторону греческого мудреца.

— Который еще не родился, — проворчал Пердикка.

— Не важно! Согласно книге предсказаний, так оно и будет. — Царь заерзал, приподнялся с ложа и выпустил газы. — Эратосфен посетит Египет. Находясь в городе Сиене, он отметит, что в полдень дня летнего солнцестояния солнце находится непосредственно над головой. В то же время солнце в городе моего имени, Александрии, находящемся в нескольких сотнях миль к северу, отклоняется от вертикали на семь градусов…

Некоторое время он разглагольствовал в том же духе, а когда умолк, все повернулись к Алексу.

Чего от него ждут? Чтобы он спорил с этим? Но Эратосфен рассчитал все правильно! В качестве возражения можно представить лишь тот

аргумент, что мир, в котором они — он и царь — обитают, есть на самом деле elektronik модель, существующая лишь благодаря некоей tekhne будущего. Что Вавилония и есть весь мир, и размеры ее не больше того ящика, в котором она находится.

Но не будет ли такое заявление сочтено богохульством? Преступлением, за которое наказывают сажанием на кол?

— Ну? Мы ждем с нетерпением.

Алекс открыл рот, не зная, что сказать. Спасение пришло извне.

Вскрик. Оглушительный треск.

В палатку просунулась голова часового.

— Простите, ваше величество! Генерал Пердикка…

Генерал поднялся, схватил меч и поспешил к выходу. На мгновение палатку осветило пламя бушующего костра. Горела куча собранного хвороста.

Царь потрепал Алекса по щеке.

— Argumentum ex machina, как скажут бритолицые римские варвары! — Он тоже встал и вооружился копьем, моментально трансформировавшись в совсем другого человека — отважного и решительного воителя. — Наверное, львы

сами пришли к нам!

Музи последовал за ним. Потом Антипатр. Слуги тоже высыпали в ночь. Алекс, все еще коронованный золотым лавровым венком, вышел последним.

У полыхающей кучи выл и бил себя в грудь Аншар. Незнакомая лошадь нервно переступала с ноги на ногу, косясь на огонь. Возле лошади стоял Неттичин.

Навстречу царю поспешил Пердикка.

— Еще один гонец с сообщением для господина Музи, ваше величество. Глупец вообразил, что за ним гонятся дикие звери, и запалил факел. А когда поднялся, бросил его на хворост, желая предупредить нас.

— Какие известия ты доставил? Что привело тебя сюда среди ночи? — проревел Александр.

То ли Неттичин не признал царя, то ли был слишком потрясен, чтобы думать о протоколе, но направился он прямо к Музи.

— Весть тяжела, хозяин! Дочь твоя здорова. Жена же умерла.

Музи как будто захлебнулся воздухом.

— Какая дочь?

— Доктор Кассандр разрешил госпожу от бремени. Девочка в порядке. Хозяйка от потери крови

скончалась.

Фессания умерла? Все вокруг разом потеряло смысл. Надежды умерли, любовь застыла, будущее перестало существовать.

— Там господин Гибил. Я предложил отправиться по следам Аншара, и он согласился. Долг госпоже, один шекель, так и остался за мной. Я был верным слугой ей, таким же буду дочери. Я взял коня и в путь пустился. Ночь пала, дикие собаки выли. День угасал, лучи его бледнели. Земля была мертва, как и моя душа, отравленная ядом змей и скорпионов. Пыль высохших костей дышать мешала, забивая нос. Мой конь безумно мчался, словно спеша сорваться со скалы, собою жертвуя в память моей госпожи. Когда взошла луна, свет ее был тускл и мертвенен. Я слышал, как дракон преследовал меня, желая в сердце погрузить отравленное жало. И вот я здесь.

Кровавый мясник, Кассандр!

Гнев Алекса обратился на Музи — Музи, вытащившего его из города в эту дурацкую экспедицию, едва не закончившуюся для него, Алекса, ролью царского катамита.

— Ты, ничтожный червяк! — прохрипел он, поворачиваясь к потерявшему дар речи супругу. — Любитель львиц. — Глаза Музи расширились. — А

теперь еще и Пан-дар раба своей жены.

Чью дочь, по-твоему, носила Фессания? Он не успел сказать это, потому что Музи вдруг оскалился и ткнул в него мечом.

— Защищайся, раб! Если Фессания умерла, то и тебе не жить. Возьми оружие!

— Убей меня и так. Проткни. Потешь тщеславие. Ублажи своего песьего божка. Мне все равно.

— Прекратить! — крикнул Пердикка. — Позор!

Вид ссорящихся заметно оживил царя. Глаза его заблестели.

— Какие страсти здесь бушуют! — воскликнул он сорвавшимся петушиным голосом и тут же, прокашлявшись, продолжил баритоном: — Я запрещаю тебе, Музи, драться с ним! Какой ловкий способ выиграть спор, убив предмет его. Я с ним еще не закончил — очередь моя.

И мне, конечно, жаль, — добавил царь, — что так случилось. Я знаю, что такое горе. Сам пережил недавно смерть Гефестиона. Да, я преодолел печаль.

Музи опустил меч.

— Позвольте мне уехать, ваше величество. И примите в дар этого раба.

— Сегодня он свободный человек, и ты распоряжаться им не можешь. Завтра мы все отправимся

на охоту. Царь — как и бог — превыше скорбей смертных. И те, кто служит ему, должны быть тоже выше их. Есть лишь одна бессмертная трагедия, в которой людские беды суть тусклые отраженья в зерцале жизни. Трагедия эта — гибель империй — в широчайшем смысле. Вот с этим роком и обречен сражаться вечно царь. — Из глаза Александра просочилась слеза.

Бросив оружие на землю, Музи шагнул к Алексу.

— У нас у всех свои печали.

— Не могу поверить, что она умерла, — прошептал Алекс.

Царь отшвырнул копье и обнял его за плечи.

— Я начинаю понимать природу нежную печали, которую с тобою разделяет хозяин твой. Позволь тебя утешить. — Он подтолкнул Алекса к палатке.

— Продолжим спор? — спросил Музи.

— К черту спор. Я интерес к словам утратил.

Царь втащил Алекса за собой. Больше в палатку никто не вошел.

Однако, едва добравшись до ложа, Александр растянулся на нем и моментально захрапел. Верх взяло пьянство.

Алекс опустился на ковер. Некоторое время он

сидел, думая о том, как скрыться из лагеря. Потом допил из чаши. Перебрался к другой. Выпил из нее. Осушив все, он притулился в углу.

Завтра я должен умереть.

И тут же на смену этой мысли пришла другая. Моя дочь. У меня есть дочь.

Мысль промелькнула и ушла. Дочь была всего словом, которое вскоре потеряло всякий смысл.

Хотя Алекс и не одержал верх в состязании умов и даже не разделил с царем постель, Александр настоял на том, чтобы взять его с собой.

На следующее утро отряд ветром пронесся по дикой пустоши лежавшей за холмами равнины. Всадников сопровождала стая собак во главе с Тикки. Алексу достался конь Ирры, который остался в лагере.

Охотники спугнули мирно щипавших полынь коз. Умчались антилопы. Но львы так и не появились. И как ни рыскали собаки по кустам и между мескитовых деревьев, запах больших кошек как будто испарился. К полудню охотники достигли скалистого хребта, пронизанного мелкими каньонами, но и здесь встретили лишь одинокую лису.

Еще через несколько часов отряд добрался до оазиса, где между деревьев бродило семейство

слонов. Охотники ненадолго остановились, смочили рты и отдохнули, дав передышку и лошадям. Но и здесь, как ни всматривались они в высокую траву, львов обнаружить не удалось. Пустились дальше. Вскоре Антипатр заметил лениво спускающегося к земле грифа. Проскакав вперед, отряд наткнулся на останки слоненка. Свора диких собак, почуяв людей, рассыпалась в разные стороны. Невдалеке прохаживались стервятники. Туша еще не была объедена до костей, а мясо не успело высохнуть. Здесь охотники впервые увидели след льва. Собаки рвались на восток. Еще миля — и снова ничего.

— Вперед! Вперед! — кричал Александр. — На край земли, где Океан течет!

И снова бешеная скачка.

Раньше они мчались подобно ветру, но чем дальше на восток, тем сильнее ветер противодействовал им, взметая песок, бросая навстречу кружащиеся пыльные вихри, в очертаниях которых просматривались демоны и змеи. Местность впереди казалась мутным зеркалом, отражавшим разбитую копытами коней пустыню.

Они неслись к солнцу, красный глаз которого мерцал за пыльной завесой. Наконец Пердикка поднял руку и остановился. Остальные тоже

натянули поводья. Генерал отпил из фляги и сплюнул.

— Мы слишком далеко забрались, ваше величество. Боги не пускают дальше.

— Вот так всегда, — горько обронил царь. — Неужели никто не поедет дальше?

— В Алсу? — спросил Антипатр. — В бездну?

— А разве мы с тобой не греки?

— Здесь Вавилония, и боги здесь свои.

Неужели они и впрямь достигли края света? Неужели там, за клубящейся туманом расселиной, нет больше ничего? Как ни всматривался Алекс, он ничего не мог рассмотреть — воздух словно превратился в замазанное пылью кривое стекло. Он пришпорил лошадь.

— Я поеду.

Но, сделав несколько шагов, кобыла заржала и попятилась. Алекс не сдавался, однако вскоре почувствовал тошноту. Земля как будто распалась на убегающие вдаль редеющие клочки. Лошадь стала вязнуть. Каждый шаг давался ей все с большим напряжением. Охваченная страхом, она заржала. Дыхание стеснилось. Из щелей мира поднималась удушающая пустота. Внутри у Алекса все пересохло. Он ощущал себя пустой скорлупой, шелухой. Когда сил уже не осталось,

Алекс приник к шее лошади, и она медленно, натужно повернулась и понесла его назад.

Приблизившись к отряду, он почувствовал, как тело оживает, заполняясь некоей субстанцией.

— У него обморок, — услышал Алекс реплику царя. Все остальные промолчали.

Вернувшись к хребту, они уже не нашли сил следовать дальше. Да и лошади отказывались продолжать путь. Разделив с собаками остатками пищи, люди повалились на землю, укрывшись потниками.

На заре их разбудил рев. Из кустов на равнине выступил лев.

Схватив оружие, охотники спешно организовались и, разбившись на две группы, спустились с хребта. Псов отправили вперед. Наконец, растянувшись тонкой цепью, отбивающегося от наскоков собак зверя взяли в кольцо. Пердикка, Антипатр и Музи спешились и сняли одежду, оставшись в набедренных повязках. Царь, восседая на коне, наблюдал со стороны.

— Ты тоже, слабак! — крикнул Алексу Музи. — Вставай к нам.

Ничего не поделаешь. Алекс сполз на землю, разделся и взял меч.

Однако встретить опасность лицом к лицу ему

не довелось. Музи, отчаянно бросившись на льва, всадил копье в горло зверю.

Глава 9

в которой Алекс обретает красноречие, а леди тает в воздухе

Чем завершить рассказ? И есть ли заключение лучше, чем смерть льва и смерть дамы?

Поначалу смерть Фессании, казалось, соединилась не только со смертью льва, но и со смертью всякого смысла. Пути любви неведомы, однако же она пришла — и вот утрачена. Но что обретено, то потерять нельзя. Любовь осталась с Алексом, как застрявший под сердцем наконечник стрелы — рана, что будет болеть и тревожить до конца жизни, а может, лет пять или десять, пока тот наконечник не выйдет наружу, напоминая болью, что он жив, что Фессания когда-то тоже жила и что они касались друг друга.

Все это Алекс записывает сейчас на восковых дощечках, и их уже немало. Рассказ ортодоксальный закончился бы катарсисом или праздником открытия некоей великой тайны.

Смерть завершает путаную историю каждого из нас, и она же завершит историю мира. Нам не узнать собственной смерти, а значит, мы никогда

в полной мере не познаем конца. После смерти человек не может оглянуться, окинуть взором пройденный путь. Также и культура, испустив последнее дыхание, не может посмотреть на саму себя со стороны.

Вернувшись в Вавилон, Алекс некоторое время предавался мыслям о самоубийстве. Возможно, мысли эти были бальзамом для его души, грустной, утешительной мелодией, которую он играл на струнах собственного сердца: погребальной песнью по Фессании, требующей, чтобы певец оставался живым, дабы было кому играть.

Что делать? Пойти к водам, где оплакивают свой храм евреи? Или броситься с Вавилонского моста и утонуть среди кружащихся на воде лодок?

Поступив так, очнется ли он где-то в другом месте?

Смерть от воды — в отличие, например, от смерти на колу или от меча — подразумевает, что ты можешь очнуться где-то еще, что это «где-то еще» существует в виде иного измерения бытия, где ты оживешь, воскреснешь.

Но можешь и не ожить, не очнуться. И тогда уже ты никогда ничего больше не узнаешь ни о мире, ни о себе.

Фессания составила заверенное по всем правилам завещание, в котором возвращала Алексу свободу. Дар сомнительный, поскольку он чувствовал, что если не умрет, то навсегда останется ее рабом. Завещание означало, что Музи не имеет на него никаких прав, а Алекс не несет перед ним никаких обязательств. Его вышвырнули из дома, не позволив даже взглянуть на дочь. Если, конечно, ребенок был его.

Гупта забрал Алекса к Камберчаняну, пообещав, что тому позволят жить там бесплатно и оставаться сколь угодно долго, а при желании поможет с «Глазом Гора». Индиец также намекнул, что умыкнул несколько золотых слитков с гробницы Гефестиона.

По прошествии некоторого времени Алексу пришло в голову, что если памятника заслужил Гефестион, то разве не заслужила его Фессания? Сооружение мемориала — не мраморного, а из слов — требовало времени и старания, но, соорудив его, он вернет Фессанию к жизни.

Вскоре он принялся задело. Гупта наблюдал за Алексом внимательно, время от времени посмеиваясь над чем-то.

Следует сказать, что со смертью Фессании индиец отказался от всякой поддержки идей своего

друга касательно Вавилона как фантома, созданного tekhne будущего, борделя elektronik klones.

— Для кого вы пишете? — вопрошал он. — И когда закончите сей Гераклов труд, не произведете ли на свет отчет для кого-то еще, обитающего где-то?

Иногда, предаваясь трудам, Алекс ощущал себя безумной программой, самореализующейся в некоей безумной машине, подражающей другой безумной машине, которая и есть мир, вселенная. Он был Андромедой, прикованной цепями к скале Вавилона и предназначенной в жертву разрушительному времени.

Андромеда, Прометей, Христос. Святая троица — красота, наука, душа, — прикованная к каменному древу времени, терзаемая бурями проносящихся лет. Кровью их ран, нынешних и будущих, окрашиваются контуры истории.

Мысль о самоубийстве как побеге куда-то еще поблекла и отступила. Если то, что писал Алекс на вощеных табличках, всего лишь рассказ об имитации реальности при условии существования где-то мира более аутентичного, то чем тогда его работа отличалась от большинства других писаний — и даже историй, — создавших альтернативные, тщательно продуманные ми-

ры, сбежать в которые мог читатель? Вавилон сказочный должен быть более реален — более правдив, идеален, обеспечен большим запасом прочности, — чем тот мир, что породил его, тот, из которого бежали обитатели Вавилона, оставив там, возможно, свои оригиналы, которые, не исключено, со временем почувствуют, что копии, двойники — это они.

У человека часто возникает желание поверить в другой, более возвышенный мир — мир, свидетельств существования которого нет либо никаких вовсе, либо они очень и очень сомнительны. Так возникает вера. Но здесь, в Вавилоне, была реальность. Здесь была жизнь и нигде больше. И другого, кроме Вавилона, ничего и нигде не было, как не было ничего другого и для тех, первоначальных, исторических вавилонян. Как для римлян не было ничего, кроме Рима. Для американцев — Америки. Единственное место — там, где ты есть. И единственная жизнь — та, которой ты живешь.

Иногда кажется, что жизнь состоит из набора символов и аналогий. Что она — ключ к некоей другой, существующей где-то реальности. Но жизнь — это то, что есть. Это все, что есть. Теперь, после смерти Фессании, Вавилон был для Алекса

единственным местом, где он мог существовать. Вавилон был его любовницей. А он был рабом Вавилона, его блудницей.

Алекс писал на вощеных дощечках не только в память о Фессании, но и для ее дочери, бывшей также и его дочерью. Их девочка была дитем Вавилона, и только его. С годами он изыщет способ увидеть ее, встретиться с ней, познакомиться и представить историю ее отца и матери. Она будет расти, а он будет присматривать за ней. Лет через шестнадцать она, может быть, тоже пойдет к храму Иштар, и он встретит ее там, хотя и не для того, чтобы совершить кровосмешение. Если только их дочь не будет такой же взбалмошной и капризной, как мать…

Алекс писал для того, чтобы поведать дочери о прошлом, которое есть будущее. Если только она поверит, если только сможет понять…

А пока — прощайте, глупые мысли о том, как броситься с Вавилонского моста. Нет, вместо этого он посетит храм Иштар — завтра! — и возобновит контракт с реальностью Вавилона.

Но сначала закончит отчет. Прежде всего — отчет. В Вавилоне, где время перевернуто, конец всегда начало.

Здесь. Сейчас.

Еще не конец.

Подойдя к воротам двора, затененного ливанскими кедрами, Алекс обратил внимание, что их никто не охраняет. Из-за стены, однако, доносились приглушенные голоса обоих стражников. Улица была пуста.

Голос за спиной.

— Алекс!

Он обернулся. На улице, в нескольких шагах от него, стояла Фессания.

Значит, она все-таки не умерла? Значит, все случившееся было лишь жестокой — или необходимой в силу обстоятельств — интригой? А как же Гибил и Музи? Стали ли они, как и сам Алекс, жертвами ловкого обмана? Может быть, Фессания рассчитала все с самого начала, чтобы ввести в заблуждение Мардука? Обнадежить, а потом сразить трагическим известием? И не была ли оставшаяся в доме Музи девочка дочерью каких-нибудь нищих, выкупленная у родителей Гуптой. Хитрецом Гуптой, с улыбкой наблюдавшего за его, Алекса, трудами и прекрасно знавшего все это время, что Фессания с дочерью скрываются где-то под чужими именами?

Не получил ли доктор Кассандр взятку частью украденного золота? Тела Фессании Алекс не

видел. Видели ли его Музи и Гибил? И не была умершая рабыней, лицу которой индиец придал сходство с Фессанией? А может, никакого тела не было вообще, и его заменяла восковая кукла?

Но как же тогда ужасные схватки, свидетелями которых были слуги?

Алекс подбежал к ней, чтобы обнять.

И руки прошли сквозь ее тело. Он сам прошел через Фессанию.

Алекс чуть не упал. Попятился. Она все так же стояла перед ним. Только улыбка слегка померкла.

— Ты — holographos. — Он произнес это тоном обвинителя.

— Конечно же, нет. Я — это я.

— Holographos, иначе и быть не может. Здесь где-то должен быть стеклянный глаз. Мы у ворот Иштар, самое подходящее место! Тебя показывает мне Мардук. Или кто-то другой. Но зачем?

— Если я holographos, дорогой, то тогда я либо образ кого-то вполне живого, но находящегося в другой части города — а с какой стати мне скрывать от тебя свою физическую сущность? — либо я нечто вроде копии, хранящейся в некоем свитке, и в таком случае мы вряд ли смогли бы беседовать. Я не могу быть holographos, верно?

— Тогда что ты?

— Я — призрак. Настоящий призрак.

— Но… призраков не бывает. По крайней мере таких!

— В Вавилоне есть только один призрак. Это я. Умирая, я вспомнила, что ты рассказывал мне тогда, в колеснице, когда мы воровали золото. Вспомнила и вдруг поняла, что знаю, как стать невидимой. Поняла, как сделать так, чтобы безжизненное тело осталось лежать на том перепачканном кровью тюфяке и чтобы моя копия продолжала жить. Мне все стало ясно: как сохраниться в модели Вавилона, как спрятаться, чтобы модель не обнаружила моего присутствия.

И все получилось! О, какая чудесная интрига! Но и рискованная тоже. И опасная. Мне постоянно приходится перемещаться. Ловчить, прятаться, делать вид, что меня нет. Отыскивать пустые уголки и скрытые ниши. Быть хамелеоном. Быть листом стекла. Я потратила сто лет, чтобы научиться фокусам невидимости с тем, чтобы Вавилон не знал, что я здесь. Мне бы и показываться не следовало, но я должна! Потому что ты любишь меня, а я люблю тебя. К тому же призрак ведь и должен время от времени появляться? А иначе он не настоящий призрак! Алекс,

ты должен…

Фессания замялась. Оглянулась.

Что? Что он должен? Брать уроки у Гупты, а потом покончить с собой? Чтобы вместе с ней блуждать по матрице Вавилона, как два проказливых привидения?

Не был ли ее голос голосом взывающего к нему неисполненного самоубийства?

Она так и не сказала, что он должен или что не должен делать.

— Я узнала столько нового! Столько восхитительных тайн! Но не сейчас. Мне нужно уходить.

— Подожди, Фес! Ты являлась Гупте?

— Нет, только тебе.

— А можешь? Явиться нам двоим? — Тогда он смог бы удостовериться, что она не галлюцинация, не образ, сформировавшийся в его голове за месяцы работы над отчетом, образ, в который он поверил так сильно, что тот воплотился в призрачную реальность. — Пожалуйста, Фес?

— Не знаю. Не уверена, что это безопасно. Модель в этом случае концентрируется, уплотняется. Она может обнаружить меня и поймать. Думаю, я буду являться тебе одному. Когда смогу. Пожалуй, тебе не стоит говорить обо мне Гупте. Не знаю. Подумаю.

— Выходит, Вавилон все же elektronik модель? Фессания рассмеялась.

— А как же еще я могла бы стать призраком? О!

Она исчезла у него на глазах как раз в тот момент, когда из-за угла вышел мужчина. Высокий, чернобородый, на голове тюрбан. Помахивая резной палкой, он миновал Алекса и вошел в ворота храма. Шазар, наверно, решил взглянуть на образцы предлагаемого Иштар товара. Но уж точно он пришел не за новой невестой для Мардука.

Минуло около трех месяцев с тех пор, как Дебора-Зарпанит отправилась в Нижний мир, а Мардук взял новую супругу. Кандидатуру подбирал уже не Шазар, и следующую тоже выбирать не ему.

Скорее всего он просто наведался с дружеским визитом. Син в гостях у Иштар, как в Игре в Вавилон. Вечной игре.

Страж снова занял место у ворот и торопливо подтянулся. Проходя мимо Алекса, Шазар едва ли обратил внимание на незнакомца. К тому же волосы у Алекса успели отрасти.

Ему не нужно было брить голову в знак верности Фессании. Ее метка, знак льва, навсегда останется на щеке, как слишком пылкий поце-

луй.

Послесловие

Давным-давно, когда я был еще ребенком, в доме родителей в отдельном книжном шкафчике у камина стояли двенадцать иллюстрированных томов «Чудесной страны знаний», изданных то ли в тридцатые, то ли в сороковые в синем тисненом переплете «арт-деко». Сверху на шкафчике громоздился радиоприемник с такими станциями на шкале, как Варшава и Хилверсум.

В одном из томов была глава, посвященная «Вратам Вавилона» с черно-белой репродукцией «Брачный рынок в Вавилоне», на которой были изображены девушки в легких одеждах, терпеливо ожидающие аукциона. Великий путешественник и рассказчик Геродот описывает эту практику как «постыдный» обычай, согласно которому каждая женщина должна была раз в жизни прийти в храм Афродиты, как он его называет, и предложить себя каждому, кто ее пожелает. Гм… В школьные годы Геродот произвел на меня сильное впечатление (как и «Метаморфозы» Овидия). В «Чудесной стране знаний» я также нашел картинку и с изображением висячих са-

дов, которое было далеко от действительности, а может быть, и не было.

Все это варилось во мне долгих тридцать лет, а потом соединилось с футурологией, которую я преподавал в художественной школе Бирмингемского политехнического. Вавилону, многократно переживавшему взлеты и падения, предстояло возникнуть вновь, теперь уже в пустынной части Аризоны, в рамках экспериментального проекта по изучению судьбы народов. А еще потому, что мне хотелось перестроить его, о чем, между прочим, мечтал и Саддам Хусейн.

«Блудницы Вавилона» вышли в свет в 1988-м и удостоились премии Артура Кларка. Тем не менее, когда я взялся перечитывать книгу десять лет спустя, стало ясно, что она нуждается в доработке. Не все предложения передавали тот смысл, который я в них вкладывал. Когда пишешь, понимаешь, о чем речь, но потом, перечитывая, начинаешь сомневаться, все ли так же понятно другим. Этим я и занялся.

Авторам приходится учитывать и стилистические замечания. В рецензии на один из моих ранних романов строгий Колин Гринленд указал, что слишком много предложений заканчиваются многоточием. Текст, на его взгляд, становится

немного фрагментарным. Происходит это оттого, что автор видит в предложении больше смысла, чем оно действительно содержит. Я заглянул в следующую книгу — гранки которой вычитывал — и с прискорбием обнаружил, что и она перегружена многоточиями. Я поработал над этим и убрал лишнее, что обошлось мне в 39 фунтов. Уж и не знаю, то ли я должен выразить благодарность Колину, то ли он должен мне те самые 39 фунтов. Так или иначе, но недавно он предложил угостить меня выпивкой.

В «Блудницах Вавилона» меня постигла другая беда: двоеточия. Предпринятая хирургическая операция сократила число этих вредных знаков, так что в новом издании их уже меньше.

Кроме того, я обновил текст в соответствии с учетом требований времени. Когда я писал «Блудниц», новое тысячелетие еще только всходило на горизонте. Теперь мы живем в нем. Эта книга о циклах и волнах истории, о том, заложен ли изначально в каждой цивилизации срок ее существования, нечто вроде механизма, аналогичного пределу Хейфлика в биологии, а также о тревогах, порожденных ожиданиями нового тысячелетия. Мне показалось, что внесение некоторых изменений, которые не скажутся на динамике

романа, пойдут ему на пользу. В конце концов, компьютерная технология сделала большой шаг вперед, и ссылки на кассету с пленкой выглядят неуместными.

Как и в случае со многими другими романами, этот начался с рассказа, в котором я уже потом обнаружил больший потенциал. Рассказ я уже написал, и назывался он «Мы помним Вавилон», когда мне позвонила Сьюзен Шварц и попросила представить что-нибудь для антологии, посвященной жилищам будущего. Получилось как нельзя лучше. Я не часто пишу в расчете на определенный сегмент рынка, а в данном случае предложение устроило всех. Сьюзен купила рассказ, который был прорекламирован — не совсем, на мой взгляд, правильно — на обложке антологии: «Под чужими звездами со Стеном Шмидтом, Танит Ли, Иэном Уотсоном и многими другими…» Думаю, в то время люди смотрели на звезды несколько иначе.

Потом Дон Уоллхейм отобрал «Мы помним Вавилон» для ежегодника лучшей фантастики 1985. Меня это ободрило, так что, закончив «Блудниц», я отправил их, разумеется, Дону Уоллхейму, за что получил строгий выговор. «Кто захочет читать о воссоздании Вавилона со всей его грязью и нище-

той?» Так писал Дон. Что ж, виноват, ошибся.

Похоже, «Мы помним Вавилон» и последующий роман предвосхитили дальнейшие события. В 1988-м Саддам Хусейн повелел озаботиться созданием реконструкции Вавилона на местности во исполнение «патриотического, национального и интернационального долга» с использованием термалитовых блоков и оригинальной вавилонской каменной кладки, совместить которые предстояло суданским рабочим. Планировалось построить врата Мардука, Вавилонскую башню и царский дворец.

В 1997-м я прочел в «Нью-сайентист» о том, как группа ученых института в Санта-Фе создала компьютерную программу, моделировавшую развитие и падение культуры индейцев-анасази, а другая группа в Римском университете попыталась смоделировать подъем и падение Ассирийской империи, рухнувшей за три года, с 612-го по 609-й. Исследователи ставили цель понять проблемы, с которыми может столкнуться наша цивилизация, и попытаться найти возможные решения. То же и у меня.

И если кто-то посчитает невозможным научить современных людей вавилонскому, то позволю указать на такой факт: в 1999-м «Ассошиэйтед

пресс» сообщил о том, что профессор Юкка Аммондт из финского университета Йиваскила записывает песни Элвиса Пресли на древне-шумерском. Учитывая отсутствие замши и обуви вообще, рокер-лингвист передал «Blue Suede Shoes» как «Esir Kus Zagin», «сандалии из кожи цвета голубой жемчужины». Элвис живет в Вавилоне (или где-то рядом)!

Такие открытия греют душу.

В главе 3-й «Блудниц Вавилона» Алекс посещает греческий театр, где идет пьеса Еврипида «Андромеда». К сожалению, она утеряна, так что мне пришлось самому сочинить длинный монолог прикованной к скале Андромеды. Лет через десять (в октябре 1998-го) меня пригласили на конференцию в Тель-Авив. Считается, что скала Андромеды находится в Старой Яффе, на южной окраине Тель-Авива. Когда я упомянул об этом монологе, устроители конференции перенесли ее в Яффу. Одна израильская актриса произнесла над темными водами мою речь в переводе на иврит, а я дополнил выступление английским оригиналом. Оригиналом в том смысле, что я сам его сочинил. Было волшебно. Могли я подумать о таком, когда писал «Блудниц Вавилона» десять лет назад?

Иэн Уотсон
Мортон-Пинкни,
30 декабря 2003 г.